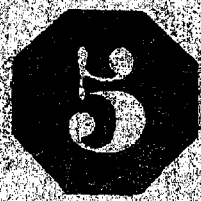

Исторический Журнал

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1941

EP_1941_OFO_250

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 5

май 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»

1

Когда над парижской морей взвилось красное знамя пролетарской диктатуры, Маркс жил в Лондоне. С первых же дней Коммуны Маркс со все возрастающим вниманием следил за развитием событий в Париже и всеми имевшимися в его распоряжении средствами стремился организовать помощь и поддержку Коммуне.

На основании огромного, тщательно собранного материала о ходе гражданской войны в дни Коммуны, о мероприятиях и жизни Коммуны Маркс сразу же после ее падения опубликовал свое гениальное произведение «Гражданская война во Франции», рисующее историю борьбы парижских рабочих.

«Гражданской войне во Франции» предшествовали два других произведения Маркса: воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о войне (от 23 июля 1870 года) и второе воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о войне (от 9 сентября 1870 года)¹. Эти два произведения тесно примыкают к «Гражданской войне во Франции». В первом из них Маркс писал, что для немцев война является оборонительной, так как напо-

леоновская империя препятствовала объединению Германии. Одновременно он подчеркивал, что война спровоцирована как Наполеоном III, так и Бисмарком, и призывал немецких рабочих бороться против стремления Бисмарка превратить войну в завоевательную.

Во втором воззвании Маркс указывал, что сбылись его худшие опасения. Хотя Наполеон разбит, Бисмарк продолжает войну, которая из оборонительной стала завоевательной. Затем Маркс дает подробную характеристику правительства, которое сменило Наполеона, подчеркнув уже 9 сентября, что это правительство больше всего боится рабочих. Маркс предупреждал французских рабочих, что «всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием»².

Маркс предостерегал рабочих от увлечения «национальными традициями» 1792 года. Он советовал рабочим исполнить свой гражданский долг, но главное внимание сосредоточить на создании своей классовой организации. «Это даст им (рабочим.— И. Б.) новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение пролетариата»³.

¹ См. Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II. стр. 369—373; 374—381. Госполитиздат. 1940.

² Там же, стр. 380.

³ Там же, стр. 381.

Таким образом, Маркс предвидел возможное выступление французских рабочих, но предостерегал их от преждевременного восстания. Он учил французских рабочих, что для победы пролетариата нужно прежде всего создать партию.

30 мая 1871 года, на заседании Генерального совета Международного товарищества рабочих, «Гражданская война во Франции» была принята в качестве пового воззвания Генерального совета ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных штатах. Воззвание было подписано всеми членами Генерального совета.

Маркс начал писать воззвание значительно раньше, в то время, когда еще разворачивались события. На заседании от 25 апреля Генеральный совет постановил, что воззвание должно быть готово ко 2 мая. Но из-за болезни Маркс закончил первые два варианта приблизительно к 23 мая, т. е. к тому моменту, когда версальцы уже ворвались в Париж.

Эта работа Маркса, написанная со страстностью борца, явилась пламенным памфлетом Парижской коммуне и гневным обвинительным актом против предателей и палачей Коммуны. «Гражданская война во Франции» — один из основных теоретических и программных документов коммунизма; вместе с тем это первая и лучшая историческая работа о Парижской коммуне. Двадцать лет спустя после издания этого произведения во введении к нему Энгельс подчеркнул, что в «Гражданской войне во Франции» Парижская коммуна изображена «...краткими, сильными чертами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких никогда не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу»¹. Маркс, как отмечает Энгельс в предисловии к «Восемнадцатому брюмера», являлся одним из лучших знатоков истории и экономики Франции.

Из третьего тома Архива Маркса и Энгельса, в котором полностью опубликованы рукописи подготовительных работ Маркса к «Гражданской войне во Франции» и выписки из различных органов печати, использованных Марксом для своей работы, видно, какое огромное количество газет изучал он изо дня в день, собирая материал о Коммуне. Кроме семи английских Маркс ежедневно читал еще тринадцать французских газет, издававшихся в Париже, в Версале и в провинциях Франции. Выписки из этих газет охватывают период от 18 марта до 1 мая

1871 года. Они представляют ценнейший, критически подобранный материал по истории Коммуны.

Одновременно Маркс получал сведения от специальных корреспондентов Генерального совета, находившихся в Париже: от Роша и «известной русской дамы» — Елизаветы Дмитриевой. Почти все время в Париже находился представитель Генерального совета I Интернационала — Серайе, который время от времени пересылал свои отчеты Генеральному совету.

Маркс состоял в личной переписке с виднейшими деятелями Коммуны — Варленом, Франкелем — и поддерживал связь с целым рядом французских городов: Брестом, Лионом, Руаном, Рубэ, Бордо и др. Наконец, Маркс получал сведения и из Версаля, а также из Пруссии. Этим объясняется то, что он смог предупредить коммунаров о мероприятиях версальского правительства и Бисмарка. Конечно, эта переписка давала Марксу еще более ценную информацию чем газеты. Она была достаточно обширна, несмотря на то что версальское правительство и прусские войска блокировали Париж и приняли все меры к тому, чтобы коммунары не могли сообщить миру правду о сущности и деятельности Коммуны.

Изучая протоколы Генерального совета Интернационала, содержащие доклады Маркса о Парижской коммуне, можно составить себе представление, насколько обширны и ценны были эти материалы. Протоколы, безусловно, являются одним из важнейших источников для изучения истории Парижской коммуны.

Таким образом, несмотря на то что история Парижской коммуны писалась, когда Коммуна еще действовала, когда еще слышны были грохот пушек и запах пороха над разрушенными баррикадами, Маркс сумел показать на огромном конкретно-историческом материале все основные пружины событий, дать гениальный анализ всего хода гражданской войны и вскрыть историческую закономерность происходящего.

Как отмечает Энгельс во введении к «Гражданской войне», это произведение является выдающимся образцом «...удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»².

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 358.

² Там же, стр. 357.

В первой главе «Гражданской войны во Франции» Маркс описывает события 4 сентября 1870 года — захват власти шайкой честолюбивых адвокатов. Являясь верными слугами капиталистов, они, не колеблясь ни минуты, превратились в правительство национальной измены, ибо выполнению национального долга — борьба против пруссаков — связано было с вооружением рабочих Парижа, а они прекрасно понимали, что «...вооружить Париж значило вооружить революцию»¹.

Дальше Маркс приводит конкретные факты измены правительства: отпраздкование Тьера «...в страствование по европейским дворам выпрашивать у них, как милостыню, посредничество, обязываясь за то променять республику на короля»²; выступление главы правительства «Национальной обороны» — генерала Трошию — с заявлением о невозможности обороны Парижа, в то время как в манифестах он заявлял, что «губернатор Парижа никогда не капитулирует»; письмо министра иностранных дел Жюль Фавра, в котором он признается, «...что они «обороняются» не от прусских солдат, а от парижских рабочих»³.

Затем следует блестящая характеристика отдельных членов правительства, показывающая всю низость и продажность этого правительства «Национальной обороны».

После всех приведенных фактов становятся особенно понятны выводы Маркса, что «капитуляция Парижа... закончила собою длинный ряд изменнических интриг с врагом...» и что она «...была началом гражданской войны...»⁴. Это был заговор против республики. Но «на пути этого заговора стояло одно громадное препятствие — Париж. Обезоружение Парижа было первым условием успеха»⁵ контрреволюционных замыслов буржуазии. Маркс одновременно указывает, что некоторые члены правительства были лично заинтересованы в разоружении Парижа. Дело в том, что после «умиротворения» Парижа «...несколько сот миллионов «комиссионных» очутились в карманах Тьера, Жюль Фавра, Эрнеста Пикара, Шуйэ-Кертье и Жюль Симона»⁶.

Во второй главе Маркс, отметив, что рабочий Париж был под ружьем с самого дня сдачи города, описывает дальше про-

вокационные действия Тьера и «славную рабочую революцию 18 марта». Затем Маркс останавливается на ошибочной позиции Центрального комитета Национальной гвардии, в руках которого после бегства Тьера и правительства в Версаль находилась власть.

«Центральный комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером ночной экспедицией против Монмартра, сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль...»⁷. В этих кратких словах дается гениальное указание по вопросу о тактике пролетарской революции, которая не должна ограничиваться обороной, а должна быть прежде всего тактикой наступательной. Маркс приводит конкретные факты, подчеркивающие прямые последствия ошибки Центрального комитета: убийство Флуанса, истребление коммунаров, захваченных сонными в Мулен-Сакле, массовые расстрелы в Кламаре и т. п.

Третья глава, посвященная деятельности Парижской коммуны и выяснению ее сущности, является величайшим теоретическим вкладом в сокровищницу марксистской науки по вопросам государства и диктатуры пролетариата.

«Что же такое эта Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую задачу буржуазным мозгам?»⁸. Отвечая на этот вопрос, Маркс раньше всего показывает рабочим массам разницу между пролетарским и буржуазным государством и необходимые условия, при которых пролетарское государство может победить.

«...рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»⁹, — пишет Маркс. Необходимым условием победы пролетарской революции Маркс считает слом государственной машины буржуазного государства и создание своего собственного пролетарского государственного аппарата.

Маркс подчеркивает в первом наброске «Гражданской войны», помещенном в III томе Архива Маркса и Энгельса, что Коммуна — «...лишь организованное средство действия»¹⁰, т. е. форма пролетарского государства, при которой будет возможно уничтожить эксплуатацию человека человеком и построить новое, социалистическое общество; Коммуна — это «...политическая форма социального раскрепощения, освобождения труда...»¹¹. Поэтому она должна была

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 382.

² Там же.

³ Там же, стр. 383.

⁴ Там же, стр. 389.

⁵ Там же, стр. 390.

⁶ Там же, стр. 391.

⁷ Там же, стр. 396.

⁸ Там же, стр. 398.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 333.

¹¹ Там же.

«...служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно и классовое господство»¹.

Разбирая подробно этот вопрос, Маркс особенно подчеркивает указанное выше положение. «В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции (т. е. революции 18 марта 1871 года. — И. Б.) и с героической самоотверженностью несут всю тяжесть борьбы — нет ничего нового... Это — лишь повторение прошлого! Что революция произведена от имени и открыто в интересах народных масс, т. е. производящих масс, — эту черту настоящая революция разделяет со всеми своими предшественницами. Новое заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, учредив Коммуну, он взял в собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, удержать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной»².

На истории Парижской коммуны Маркс подтвердил свой гениальный прогноз, сделанный им еще в 1852 году в «Восемнадцатом брошюре Луи Бонапарта», о том, что пролетарская революция должна будет сломать бюрократически-военную машину буржуазного государства³.

3

Парижская коммуна никем не была сознательно и планомерно подготовлена. Она возникла стихийно. Ее создала инициатива и движение трудящихся масс. Это еще более отчетливо подтвердило правильность выводов исторического материализма о том, что развитие классовой борьбы ведет к победе пролетариата, к диктатуре пролетариата.

Главное в марксизме есть учение о диктатуре пролетариата. Парижская коммуна была первым в истории опытом диктатуры пролетариата. Вполне понятно, почему Маркс с такой тщательностью изучал и анализировал опыт Парижской коммуны. Маркс обобщал опыт масс и в живой истории находил присущие данному периоду законы развития общества. Диктатура про-

летариата воплотилась, наконец, в жизнь в Парижской коммуне, и можно было на конкретных событиях рассмотреть сущность и развитие этой диктатуры. Ленин видел особую ценность работы Маркса в том, что «Маркс изучает опыт Коммуны, он не сочиняет этой «новой» власти, а изучает, как сами революции «открывают»... ее, как само рабочее движение подходит к этой задаче, как и практика начинает решать ее»⁴.

Каковы же основные черты этой «новой» власти? Какова форма этого нового правительственного аппарата, этой новой машины пролетарского государства? «Эта форма была проста, как все великое»⁵, — пишет Маркс. Коммуна сломала и выбросила в мусорный ящик истории старую парламентскую, бюрократическую и полицейскую машину буржуазного государства, с ее разделением на власть законодательную, исполнительную и судебную. Существенное отличие Коммуны от буржуазного парламентского государства в том, что Коммуна сосредоточила всю полноту власти в своих руках. Маркс отмечает, что Коммуна должна была быть «...не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»⁶.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по разным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Ответственными и сменяемыми стали все сотрудники государственного аппарата.

Общественные должности перестали быть привилегией и вместе с тем доходным местом. Тысячи рабочих заняли места безжалостно вычищенных чиновников и, как писал Серайе Марксу, «исполняли свои обязанности так, как будто это самая естественная вещь в мире».

В первом наброске своей работы «Гражданская война во Франции» Маркс даст особенно развернутую характеристику тех изменений, которые Коммуна произвела в этом направлении.

«Исчезла иллюзия, — пишет он, — будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то потусторонние функции, которые могут быть доверены только обученной касте — государственным паразитам, щедро оплачиваемым сифофантам и бездельникам, людям, которые, пахоясь на высших постах, убивают разум масс, а на низших

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 404.

² Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 347—349.

³ См. Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 330.

⁴ Ленинский сборник XIV, стр. 311.

⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 329.

⁶ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 401.

ступенях иерархической лестницы натравливают народ друг против друга... Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием огромный город, выполняли все функции, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой; при этом они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке...»¹.

И, наконец, Коммуна отсекала и разрушила весь старый государственный аппарат классового насилия, который служил буржуазии для угнетения трудящихся масс.

Коммуна уничтожила постоянное войско и полицию и сразу же приняла меры к тому, чтобы сломить силу духовного угнетения, «власть попа». Оборону государства и охрану порядка она сделала обязанностью всех граждан, церковь превратила в частное предприятие, школу освободила от всякого вмешательства церкви.

Таким образом, Коммуна воплотила в жизнь настоящую пролетарскую демократию, основанную на широчайшем вовлечении рабочих в дело управления государством, на выборности, ответственности и сменяемости ее чиновников, ставших простыми слугами общества.

В осуществлении пролетарской демократии основная сущность Коммуны. Это с особой силой отмечает и Ленин в своей работе «Государство и революция». Отсекая вездесущие органы буржуазной государственности (постоянную армию, полицию, бюрократию, судебское сословие, государственную церковь, парламент), Коммуна заменила разбитую государственную машину «...как будто бы, пишет Ленин, «только» более полной демократией... Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую...»².

Маркс также пишет, что всякое сравнение Коммуны, этого «нового исторического творчества», со старыми, отжившими формами на основе только каких-нибудь внешних признаков является либо

ошибкой либо признаком особого тупоумия. Он считает, что было бы ошибкой рассматривать Коммуны как воспроизведение средневековых коммун или воплощение в жизнь идей Монтескье и жирондистов о федерализме. Особенно издевается он над Бисмарком, который в Коммуне увидел стремление «...к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г...»³.

В этом разнообразии толкований, которые вызвала Коммуна, Маркс видел доказательство существования еще одной, чрезвычайно важной и отличительной черты Коммуны — того, что она «была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими»⁴.

Вот эта гибкость политической формы, которая могла в известной своей части изменяться в соответствии с нуждами пролетариата, является безусловно характерной чертой организации пролетарской власти. Коммуна, как форма организации власти, соответствовала переходному периоду от капитализма к социализму — периоду, необходимому для полной победы над капитализмом и построения социализма.

«Ее настоящей тайной, — пишет Маркс, — было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»⁵.

Поэтому создать Коммуны могли только рабочие. Эту мысль особенно подчеркивает Маркс в первом наброске «Парижской Коммуны»: «Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства, — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, т. е. централизованную и организованную правительственную власть, ставшую хозяином общества вместо того, чтобы быть его слугой»⁶.

И это завоевание рабочих никто уже не мог отнять у международного пролетариата. Где бы рабочие ни победили, они должны были повторить опыт Коммуны.

³ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 404.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 327.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 329—331.

² Ленин. Т. XXI, стр. 398.

«И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, — писал Маркс, — она обойдет весь мир»¹.

4

На опыте Коммуны Маркс показывает, что диктатура пролетариата является не только завоеванием рабочих, но и всех трудящихся. Он тщательно изучает новые классовые отношения, которые сложились в результате победы парижского пролетариата и образования Коммуны, и подробно излагает, как претворилась в жизнь одна из основных идей марксизма — идея гегемонии пролетариата. В Парижской коммуне пролетариат оказался вождём и руководителем всех угнетённых и эксплуатируемых масс.

«...коммунальное устройство, — пишет Маркс, — привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов»²; а в первом варианте «Гражданской войны во Франции» мы читаем: «Впервые в истории мелкая и средняя буржуазия открыто объединилась вокруг рабочей революции... Главные меры, которые были предприняты Коммуной, были предприняты для спасения мелкой буржуазии...»³.

Вопрос о взаимоотношениях Коммуны с крестьянством Маркс считает одним из основных вопросов. «Помещичьи депутаты» отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Потому-то они так трусливо спешили окружить Париж полицейской блокадой...»⁴.

Маркс разоблачает всю ложь наемных писак буржуазно-помещичьей прессы, которые, пользуясь тем, что вокруг Парижа была установлена версальско-прусская полицейская блокада, писали о том, что эти помещичьи депутаты были представителями крестьянства. В «Гражданской войне во Франции» Маркс констатирует: «В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года»⁵.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 325.

² Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 403.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 343.

⁴ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 407—408.

⁵ Там же, стр. 408.

В первых же вариантах «Гражданской войны» Маркс более подробно показывает, что крестьянство рассматривало «Национальное собрание», «деревенщину», как своих врагов. Ведь большинство депутатов принадлежало к легитимистам. Казалось, что революция 1789 года окончательно уничтожила этих представителей феодализма. Но во времена Наполеона, поступив в его лакейскую, они вернули часть своих имений; при Реставрации они снова вернули себе часть имений благодаря миллиардному вознаграждению и личным дарениям. Наконец, при Луи Филиппе и Второй империи они использовали новое положение, создавшееся в связи с развитием промышленности, для восстановления своего богатства.

При Второй империи они особенно распоясались; «...захваты крестьянской земли никогда не шли так быстро, как при второй империи, отчасти поощряемые искусственными государственными мерами, отчасти естественно вырастающие из самого развития современного сельского хозяйства»⁶.

Ясно, что Национальное собрание не могло быть представителем крестьянства. В борьбе между Парижем и Версалем крестьяне оставались нейтральными, по Маркс указывает, что ненависть французского крестьянина сосредоточена как на владельце замка, так и на городском капиталисте, «переряженном в земельного собственника»⁷, и что «крестьяне очень скоро провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом»⁸.

Маркс, однако, не обольщался надеждой на то, что это могло произойти очень легко. Он показывает, что между промышленным пролетариатом и крестьянством существуют экономические различия, которые отражаются на их социальных и политических взглядах. Он считает, что вопрос о взаимоотношениях рабочих и крестьян является одним из самых сложных вопросов пролетарской революции. Проанализировав экономическое положение крестьянства, он показывает, что «...крестьянин отделяет от пролетария уже не реальный интерес, а его обманчивый предрассудок»⁹.

С одной стороны, крестьянин повседневно теряет свою собственность и переходит в ряды сельского пролетария, интересы которого совпадают с интересами городского пролетария, с другой — и сама крестьянская собственность, которая не-

⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 339.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 341.

когда была реальной, стала теперь номинальной и служит только для экспроприации плодов крестьянского труда.

Только Коммуна могла бы освободить крестьянина от ростовщика, судебного пристава, нотариуса, жандарма и попа, освящающего его кабалу. И «если Коммуна, — пишет Маркс, — как мы показали, является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные ссуды, то она же есть единственная форма правления, которая может обеспечить преобразование его нынешнего экономического положения, спасти его от экспроприации крупным землевладельцем, с одной стороны, и избавить его от каторжного труда и нищеты, терпимой ради мнимой собственности, — с другой; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии, вызванной к жизни обществными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила, — с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив непосредственные выгоды от Коммунальной республики, он скоро пропикся бы доверием к ней»¹.

Эти слова Маркса еще раз показывают громадную силу его научного предвидения: за полвека до победы советской власти в России он указал, какое значение для развития крестьянского хозяйства будет иметь преобразующая сила диктатуры пролетариата. Гениальное предвидение Маркса могло быть дано, конечно, только в общих контурах; свою дальнейшую научную разработку оно получило в произведениях Ленина и Сталина и воплощено в жизнь в Стране советов.

Вместе с мыслью, что строй Коммуны должен был подвести под крестьянское хозяйство фундамент современной индустрии, Маркс высказал и другое очень важное положение о том, что пролетарская революция должна будет мимоходом выполнить и задачу доведения до конца буржуазно-демократической революции. Французский народ, отмечает Маркс, «...убедился, что ему нужно не только сделать революцию XIX века², но и доделать революцию 1789 года...»³. Одновременно Маркс едко высмеивает «покровителей пролетариата», которые отрицают социалистический характер Коммуны

только потому, что в ней сразу не воцарился социализм.

«Величайшее мероприятие Коммуны — ее собственное существование...», — пишет Маркс. Рабочие «ясно, сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества. Но... они по сути дела должны ограничиваться главным образом военной обороной Парижа и его снабжением»⁴. В условиях осады Парижа Коммуна не могла сделать ничего больше.

5

Версаль вначале был бессилен. Абсолютно верными версальцам оставались лишь жандармы; они могли использовать также небольшое количество «императорских военнопленных», милостиво отпущенных Бисмарком. Провинции не только не пришли на помощь версальцам, но явно не доверяли Национальному собранию. Многочисленные делегации требовали роспуска Национального собрания и примирения с Парижем. Тьер лавировал, лгал, выступал в роли защитника республики. Выборы 30 апреля окончательно показали отношение провинции к Версалю. Из 700 тысяч избранных муниципальных советников к монархистам примыкало не больше 8 тысяч человек.

Версальцам пришел на помощь Бисмарк. «Деревенщина» срочно подписала мирный договор; Бисмарк для разгрома Коммуны освободил из плена армию Наполеона III и даже предложил прямую помощь версальцам войсками императора Вильгельма.

Анализируя действия версальцев и пруссаков, Маркс показал, что «...когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны...», классовое господство буржуазии «уже не может больше прикрываться национальным мундиром...»⁵. Французская и немецкая буржуазия объединились против французского пролетариата. «Национальная» война французской буржуазии была «чистейшим мошенничеством правительства». «Подлинный патриотизм буржуазии — столь естественный для действительных собственников различных «национальных» имуществ⁶ — выродился в чистое притворство... При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы нару-

¹ Там же, стр. 349.

² Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 421.

³ Имеются в виду национальные имущества (конфискованные государством земли духовенства и амитрантов), купленные буржуазией во время французской революции конца XVIII века.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 341.

² Маркс подразумевает пролетарскую революцию; революция 1789 года — буржуазная революция.

³ Там же, стр. 399.

жу во всех странах так же, как прорвалось во Франции»¹, — отмечает Маркс.

Когда Тьер получил бонапартистские войска, он сбросил маску лицемерия. «Я буду беспощаден», — заявил он. Когда же 21 мая измена открыла перед генералом Дуэ ворота Парижа, Версаль, наконец, мог утопить свой страх в потоках крови. Каждый новый кризис в классовой борьбе, говорит Маркс, с большей яркостью показывает, что буржуазная «...цивилизация и ...справедливость являются ничем не прикрытым варварством и незаконной мстостью»².

Свою революцию парижский пролетариат должен был отстаивать в обостренной гражданской войне. «Коммуна, — указывает Маркс, — не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс стремится уничтожить все классы, и следовательно всякое классовое [господство]...»³.

При этом Маркс подчеркивает, что врага, его тактику, опыт борьбы надо тщательно изучить, и сам он весьма пристально изучает всех врагов Коммуны: Тьеров, Трошию, Пикаров и др., — анализирует военные операции версальцев и коммунаров и поведение стоящих под Парижем пруссаков.

Маркс считал основной задачей своей работы показать, в каких условиях может произойти освобождение рабочего класса, показать пути, которые ведут к уничтожению всякого рабства, и раскрыть методы борьбы врагов рабочего класса, дать характеристику этих врагов. И мы видим, как много места он уделит в «Гражданской войне во Франции» характеристике «героев» буржуазии и «деревенщины», какой он собрал и опубликовал колоссальный материал, рисующий их в истинном свете.

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чувствовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь притворяла к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов»⁴. Так заканчивает Маркс свое пламенное воззвание ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных штатах.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 355.

² Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 416.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 333.

⁴ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 422.

«Гражданская война во Франции» является вечным памятником на могиле героев, борцов и мучеников Парижской коммуны. В своей работе Маркс показывает всю силу, всю мощь диктатуры пролетариата, ставшей из теории фактом. Основываясь на ее опыте, Маркс обогатил коммунистическое учение новыми гениальными положениями о диктатуре пролетариата, о сломе буржуазной государственной машины, о построении аппарата пролетарского государства, о мероприятиях, которые должна осуществить диктатура пролетариата по отношению к крестьянству. Маркс вскрыл тактику врагов пролетариата и показал необходимость для пролетариата беспощадной борьбы против классовых врагов.

Одновременно «Гражданская война во Франции» является совершенным образцом научного исторического исследования, образцом приложения теории исторического материализма к изучению конкретной истории.

Открытие метода исторического материализма произвело огромный переворот в историографии, однако это еще не означало, что теперь будет немедленно создана марксистская историография. В письме к Иосифу Блоху от 21 сентября 1890 года Энгельс писал: «К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно»⁵.

Разработка вопросов исторического материализма немислима без разработки конкретно исторических вопросов. История является не только пробным камнем, проверкой положений исторического материализма, но и единственным источником его обобщений.

Гениальный труд Маркса — «Капитал» — является экономическим, философским и одновременно историческим произведением. «Капитал» является сокровищницей, целого ряда значительных исторических исследований. Здесь мы находим историю мануфактурного периода, историю первоначального капиталистического накопления, историю промышленного переворота, историю развитого промышленного капитализма, историю пролетариата. Разработка всех этих исторических тем является блестящим образцом применения метода исторического материализма к изучению капиталистического развития. Взять для примера хотя бы 24-ю главу «Капитала». В этой главе дана непревзойденная историческая картина первоначального капиталистического накопления. В «Капитале» Маркс

⁵ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. I, стр. 350.

разработал историю Англии XIV—XVIII веков и привел ряд ярких страниц из истории Испании, Португалии, Голландии, Франции. Поставленные здесь крупнейшие исторические проблемы разрешены с помощью детально исследованного фактического исторического материала.

Ряд собственно исторических работ Маркса—это статьи и памфлеты, написанные в пылу классовых боев, в момент, когда события только-только начинали разворачиваться или только-только закончились. Классическими образцами применения исторического материализма являются такие работы Маркса, как «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции».

Как одну из особенностей марксовской историографии надо отметить, что он не декретизирует свои положения, не привносит их извне, а, показав то или иное явление, событие в его историческом развитии, подводит читателя вплотную к своим выводам. Рассматривая в «Гражданской войне во Франции» вопрос о положении крупной буржуазии и ее клевретов, Маркс шаг за шагом объясняет падение буржуазии начиная с 30-х годов, показывает, что она уже не может больше управлять Францией, что только контрреволюционный заговор и монархическая реставрация могут еще помочь буржуазии на время подавить пролетариат, который отныне является руководителем всех трудящихся масс.

Подчеркнув, что мелкая буржуазия впервые примкнула к рабочей революции, он предпосылает этому положению историческую картину развития отношений мелкой буржуазии к крупной буржуазии и пролетариату и показывает, что союз мелкой буржуазии с пролетариатом является закономерным явлением в историческом развитии мелкой буржуазии.

Точно так же, говоря о сломе старой государственной машины, Маркс не только констатирует факт слома этой машины, не только приветствует этот факт, но, дав исторический очерк зарождения и развития машины классового господства, с громадной убедительностью показывает, что именно в уничтожении правительственной машины буржуазного государства лежит закономерность развития пролетарской революции, что без этого акта революция не может двигаться вперед.

Так, давая, по существу, краткую историю Франции, Маркс показывает, что Коммуна является результатом всего предшествующего исторического развития Франции.

В «Гражданской войне во Франции» ярко выявился взгляд Маркса и на роль личности в истории. Уже одно то, что Маркс

в кратком историческом очерке уделяет сравнительно много места личной характеристике отдельных представителей революции и контрреволюции, показывает, что он придавал большое значение роли отдельной личности. Об этом говорит, в частности, замечание Маркса по поводу отказа Тьера обменять заложников Коммуны на Бланки. Тьер, пишет Маркс, понимал, что в «лице Бланки он даст Коммуне голову».

Но Маркс одновременно ограничивает значение роли отдельных личностей, указывая, что они не могут изменить общего направления развития, а могут это развитие только затормозить или ускорить.

Подробно описывая действия Бисмарка, то, как он использовал борьбу между Версалем и Парижем, чтобы диктовать свои условия Версалию и помогать душить Париж, Маркс пишет: «Хотя железная рука наемной солдатчины и может придавить на время оба эти класса (рабочих и буржуазии.—И. Б.), но борьба их снова загорится и неизбежно будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся»¹.

Маркс не был историком по специальности, но метод его научной работы требовал очень подробного анализа и тщательной разработки исторических событий всех веков, а его революционная деятельность заставляла его в первую очередь заниматься тщательным анализом и разработкой текущей истории. Найти грань, где кончалась деятельность Маркса как революционера, вождя международного рабочего движения, политика и где начиналась его деятельность как корифея науки, невозможно.

«Наука, — говорил над могилой Маркса Энгельс, — была для Маркса исторически движущей, революционной силой... Ибо Маркс был прежде всего революционер»².

Маркс был прежде всего революционер, и это определяло всю его научную деятельность, в том числе и его работу в области истории. Он вооружал пролетариат революционной теорией для того, чтобы изменить мир. Поэтому и все исторические работы Маркса проникнуты этой тенденцией. Всякий исторический процесс Маркс рассматривал прежде всего с точки зрения того, мешает он или способствует изменению мира, т. е. с точки зрения будущего. В «Восемнадцатом брюмера» он подчеркивал: «Социальная революция XIX столетия может черпать свою поэзию только из буду-

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 421.

² Сборник «Воспоминания о Марксе», стр. 191. «Молодая гвардия». 1940.

шего, а не из прошлого»¹. Этот подход к историческим событиям вполне соответствует требованиям исторического материализма. Этим подходом Маркс отличается от всех буржуазных историков, а также от историков II интернационала. Все эти историки смотрели не вперед, а назад. Маркс всегда смотрел вперед, исследовал, в каком направлении идет историческое развитие, и на основе такого исследования разрабатывал стратегию и тактику рабочего класса, могущую ускорить завоевание пролетариатом власти, ускорить пролетарскую революцию.

Маркс тщательно изучал историю революционных переворотов потому, что «именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определенных форм социальной жизни... именно в таких периодах видел Маркс... самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ»².

Историю Маркс рассматривал не как собрание случайных процессов, случайных событий, а как единый закономерный процесс. И поскольку перед Марксом, как перед пролетарским революционером и пролетарским историком, стояла задача выявления исторических закономерностей распада капиталистического общества и рождения нового общества, он сосредоточил все свое внимание на Париже и его борьбе, ибо новое общество зарождалось в Париже, в обостренных классовых боях Парижской коммуны.

«Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской коммуне в новую фазу»³. — писал 17 апреля 1871 года Маркс Кугельману.

Парижская коммуна нанесла первый удар по капитализму и несмотря на ее поражение открыла собой период упадка капитализма, второй период новой истории, период перерастания старого, «свободного» капитализма в империализм.

* * *

Опыт Парижской коммуны и указания Маркса были благодаря дальнейшему творческому развитию марксистского учения Лениным и Сталиным полностью использованы рабочими в России в их борьбе за диктатуру пролетариата.

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 255.

² Ленин. Т. XII, стр. 32—33.

³ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 428.

Опыт Парижской коммуны показал, что одним из условий победы пролетариата является наличие революционной пролетарской партии. Пролетариат России победил, потому что он создал марксистско-ленинскую революционную партию, партию большевиков, партию нового типа, которая научно обобщила и использовала весь опыт борьбы международного пролетариата за свое освобождение и в особенности опыт и уроки Парижской коммуны.

Опыт Парижской коммуны показал, что «...никогда не должен он (пролетариат. — И. Б.) забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны»⁴. Пролетариат России под руководством партии большевиков с успехом использовал этот опыт в революции 1905 года, в двух революциях 1917 года и во время гражданской войны и интервенции.

Опыт Парижской коммуны показал, что для своей победы рабочий класс должен был возглавить борьбу широчайших трудящихся масс и в первую очередь борьбу крестьянства. Рабочие России стали во главе всех трудящихся масс, повели их на борьбу и привели к победе.

Парижская коммуна показала, что пролетариат должен разбить аппарат буржуазного государства и построить свое государство. Она показала «...историческую условность и ограниченную ценность буржуазного парламентаризма»⁵. Она дала первый в истории образец пролетарского государства. В «Гражданской войне во Франции» Маркс особенно подчеркнул значение создания нового типа государства, в рамках которого только и может произойти освобождение рабочего класса. Но учение Маркса о государстве не получило дальнейшего развития: оно было умышленно скрыто, а затем извращено теоретиками II интернационала. Ленин восстановил учение Маркса о государстве и диктатуре пролетариата. Организовывая пролетариат после февральской революции 1917 года для завоевания власти, Ленин учил, что пролетариат должен добиваться не парламентской республики, а государства, «...образ которого дала Парижская Коммуна»⁶.

Ленин не только восстановил учение Маркса, не только на основе нового опыта проанализировал опыт Парижской коммуны, но и, опираясь на опыт первой русской революции 1905 года и особенно на опыт первого этапа февральской революции 1917 года, развил дальше теорию Маркса о пролетарском государстве. Ленин открыл советскую власть как форму дикта-

⁴ Ленин. Т. XII, стр. 164.

⁵ Ленин. Т. XXIV, стр. 8.

⁶ Ленин. Т. XX, стр. 89. Примечание.

туры пролетариата и самой последовательной пролетарской демократии.

Под руководством Ленина и Сталина рабочие России совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и завоевали советскую власть, создали Республику советов. «Республика Советов, — писал товарищ Сталин, — является... той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»¹.

Дальнейшее развитие товарищем Сталиным учения Маркса и Ленина о государстве мощным факелом творческого марксистского анализа освещает путь народов нашей социалистической родины к коммунизму.

И. БЕЛКИН.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 35. 11-е изд.

Справочный материал к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»*

1. Сентябрьские законы (стр. 385).

В первые годы июльской монархии довольно часто происходили антимонархические выступления буржуазных республиканцев. В 1831 и 1834 годах произошли восстания рабочих в Лионе. В 1835 году итальянец Физско произвел покушение на Луи Филиппа. Когда король проезжал по улице, раздался залп из 24 ружей, которые Физско установил в окне одного из домов по пути следования Луи Филиппа и посредством специального приспособления привел одновременно в действие.

После этого покушения появились так называемые «Сентябрьские законы». Были введены специальные ассизные¹ суды над лицами, угрожавшими государственной безопасности. Новый закон о печати присуждал за нападение в печати на семью и собственность, а также за употребление слов «республика», «республиканец» к штрафу в размере от 10 до 50 тысяч франков.

2. «Mirabeau touché» («Мирабо-муха») (стр. 386).

Презрительная кличка «Мирабо-муха» дана Марксом Тьеру в связи со стремлением Тьера, весьма низкосортного оратора, походить на Мирабо — видного участника и выдающегося трибуна революции 1789 года.

3. «Партия порядка» (стр. 387).

«Партия порядка» — партия, объединявшая монархистов (легитимистов и орлеанистов) в Национальном собрании (избранном во время революции 1848 года), а затем в Законодательном собрании, сменившем в 1849 году Национальное собрание.

4. Лондонская конвенция 1841 года (стр. 387).

8 июля 1833 года между Россией и Турцией в Унклар-Искелессе подписан был до-

говор, по которому Россия и Турция обязывались поддерживать друг друга в случае войны, а также при внутренних волнениях. Турция, кроме того, обязывалась в случае войны России с другой страной пропускать через Босфор только военные корабли России.

После унклар-искелесского договора отношения между Англией и Россией стали напряженными. Англия стремилась сблизиться с Францией. Тьер решил использовать положение и подчинить французскому влиянию Египет и Сирию. Он начал усиленно поддерживать египетского пашу Махмед-Али против турецкого султана. Англия была этим чрезвычайно недовольна и начала переговоры с Россией. Результатом секретных переговоров между Англией, Россией, Австрией и Пруссией явилась Лондонская конвенция от 13 июля 1841 года, направленная против египетского паши и подчеркивавшая изолированность Франции.

5. Французская протекционистская система (стр. 388).

После победы, одержанной в 1815 году Англией, Россией и другими государствами над Наполеоном, Англия и Россия заставили Францию отменить все протекционистские пошлины на ввозимые товары. Но как только в 1818 году были выведены оккупационные войска, палата депутатов, под давлением помещиков и промышленников, начала вводить запретительные пошлины. Сначала были введены хлебные законы, по которым запрещалось ввозить во Францию хлеб, если цена за центнер пшеницы на внутреннем рынке будет ниже 20 франков (на мировом хлебном рынке средняя цена за центнер была в Гамбурге — 8 франков, в Копенгагене — 6 франков). С 1819 по 1823 год были введены запретительные пошлины почти на все промышленные товары (свыше 1000 названий). Французская буржуазия боролась против всякого покушения на запретительные тарифы. В 1860 году Наполеон III сделал первую попытку

* Страницы даны по двухтомнику Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II. Госполитиздат. 1940.

¹ Суд с участием присяжных заседателей.

введения свободной торговли, заключив торговый договор с Англией, по которому были значительно снижены таможенные тарифы на английские товары. Это вызвало взрыв негодования буржуазии и усиление оппозиции против Наполеона III.

6. **Белэ** (стр. 388).

Белэ (1795—1878) — активный прудонист (правый), по образованию инженер, один из старейших членов французской секции I Интернационала. Во время Парижской коммуны был членом финансовой комиссии Коммуны, комиссаром Французского банка. После падения Коммуны Белэ бежал в Швейцарию.

7. **«Сулла»** (стр. 388).

Луций Корнелий Сулла (138—78 годы до нашей эры) — выдающийся римский полководец. Разбив противников аристократии, Сулла установил в Риме военную диктатуру. Переворот этот сопровождался страшным кровопролитием.

8. **«Легитимисты»** (стр. 389).

Сторонники законной династии, царствовавшей во Франции до буржуазной революции 1789 года.

Впервые принцип легитимизма выдвинул Талейран, посол Франции на Венском конгрессе, который собрался в 1814 году, после первого низложения Наполеона I.

Легитимизм (от латинского слова *legitimus* — законный) — доктрина законности владения престолом.

9. **«Chambre introuvable»** («Бесподобная палата») (стр. 389).

В 1815 году, после окончательной победы над Наполеоном I, на французский престол был посажен Людовик XVIII, брат казненного во время буржуазной революции 1789 года Людовика XVI. Вместе с ним во Францию вернулись эмигранты-дворяне, бежавшие во время революции из Франции и помогавшие интервентам в борьбе против своей родины. Вернувшись, они стали расправляться со своими врагами. Начался белый террор.

В такой обстановке в 1815 году происходили выборы в палату депутатов. Выборы проводились на основе очень высокого ценза: только 140 тысяч человек имели право избирать и только 15 тысяч могли быть избраны. Так как даже крупная буржуазия, имевшая право избирать, была терроризирована, в палату прошли самые реакционные эмигранты, которых называли «зубрами».

Когда королю Людовику XVIII сообщили о результатах выборов, он назвал новую палату «Chambre introuvable», то есть «Бесподобной палатой».

Палата эта просуществовала с 7 октября 1815 года до 7 сентября 1816 года.

10. **«Палата помещичьих депутатов»** (стр. 390).

28 января 1871 года правительство национальной обороны заключило перемирие с Пруссией. По требованию Бисмарка правительство обязывалось в течение двух недель произвести выборы в Национальное собрание, которое должно было заключить мир.

В условиях оккупации севера Франции

прусскими войсками и изоляции Парижа от остальной Франции мелкопоместные помещики, деревенские кулаки, в большинстве своем монархисты, выступили в роли защитников мира. Крестьянские массы, пострадавшие от войны, погнав на их удочку — борьбы за мир, — послали этих деревенских «глашатаяев мира» в качестве своих депутатов.

Вот почему в Национальном собрании, которое открыло свои заседания 13 февраля 1871 года в Бордо, большинство было помещичьим, монархическим.

11. **«Прусский Шейлок»** (стр. 390).

Шейлок — безжалостный ростовщик, один из героев драмы Шекспира «Венецианский купец».

Маркс называет Бисмарка «прусским Шейлоком» в связи с тем, что при заключении перемирия Бисмарк потребовал от Франции 5-миллиардную контрибуцию, Эльзас-Лотарингию и обязательство содержать немецкие оккупационные войска.

12. **«Винуа, герой 2 декабря, был назначен губернатором Парижа...»** (стр. 391).

Генерал Винуа, в январе 1871 года, назначенный военным губернатором Парижа вместо Трошю, принимал деятельное участие в бонапартистском перевороте 2 декабря 1851 года, когда Луи Бонапарт разогнал все республиканские учреждения и захватил власть.

13. **«Франкфуртские филистеры»** (стр. 391).

Во время революции 1848 года во Франкфурте на Майне собрался всегерманский парламент, состоявший из представителей либеральной буржуазии.

Вместо того чтобы возглавить революцию, депутаты буржуазии начали разрабатывать конституцию, а затем (в 1849 году) предложили корону императора прусскому королю, который отказался принять ее, по его выражению, «из рук адвокатов».

После поражения революции 1848 года либеральная буржуазия с надеждой смотрела на Пруссию, полагая, что Пруссия сумеет провести воссоединение Германии. Большинство либеральной буржуазии полностью поддерживало политику Бисмарка, в частности во время франко-прусской войны.

Маркс, говоря о франкфуртских филистерах, имел в виду именно эту колено-преклоненную либеральную буржуазия, которая с чувством благоговения следила за каждым шагом Бисмарка.

14. **Тамерлан** (стр. 397).

Тамерлан (Тимур, 1336—1405) — крупный полководец, завоеватель Азии. Его многочисленные завоевания сопровождались необычайными зверствами: он закапывал в землю живыми десятки тысяч пленных, замуровывал мирных жителей в стены, воздвигал огромные пирамиды из отрубленных голов.

15. **Городские и цеховые монополии** (стр. 398).

В средние века все производство сосредоточивалось в цехах. Цехом называлось объединение ремесленников какой-нибудь

отрасли производства, которая считалась монополией данного цеха. Никто не мог заниматься ею, если не входил в цех.

Некоторые города также имели монопольные права (так например Лион имел монополию на окраску чулок).

16. «...новая Коммуна, которая помает современную государственную власть, была ошибочно рассматриваема как воскрешение средневековых коммун, предшествовавших возникновению этой государственной власти и составивших основу ее» (стр. 403).

Коммунами в средние века называли города, которые были независимы от владельца данной территории — от сеньора — и управлялись собственными выборными органами.

Средневековая коммуна не была коммунистической организацией. У власти в этих коммунах стояла городская верхушка — богатые купцы, владельцы городских земель, домовладельцы.

Поэтому Маркс подчеркивает всю абсурдность сравнения Парижской коммуны со средневековыми коммунами.

17. «Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств (о котором мечтали Монтескье и жирондисты) «единство великих наций...» (стр. 403).

Монтескье (1689—1755) — виднейший просветитель XVIII века (главное сочинение его «Дух законов») — доказывал, что истинная политическая свобода возможна лишь там, где установлено разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную и где «одна власть может остановить другую». Демократия, народовластие, по его мнению, осуществимы лишь в малых государствах, в большом же государстве возможно только единовластие — монархия.

Жирондисты, борясь против демократического Парижа, стремились лишить его значения центра и добивались создания федерации как бы независимых друг от друга департаментов.

Маркс подчеркивает, что с организацией Коммуны «Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, при организации посредством коммунального строя, единство должно было стать действительностью...» (Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 43).

18. «Коммуна освободила бы крестьянина от налога кровью...» (стр. 407).

Указание на то, что в капиталистическом государстве крестьянство не только платит денежные налоги, но обязано поставлять своих сыновей в армию, которая используется капиталистами для грабительских войн.

19. Вандомская колонна (стр. 408).

Колонна, сооруженная на Вандомской площади в Париже при Наполеоне I в честь побед наполеоновской армии в кампании 1805 года. На колонне высотой в 43 метра высится статуя Наполеона.

Парижская коммуна издала декрет о разрушении Вандомской колонны. После

подавления Парижской коммуны Вандомская колонна была восстановлена в прежнем виде.

20. «Гогенцоллерны и английские олигархи, большая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ...» (стр. 409).

В XVI столетии, в период движения против римско-католической церкви, английские короли и бранденбургские курфюрсты секуляризовали (конфисковали) колоссальные земельные владения римско-католической церкви и роздали их своим приближенным. Это послужило источником возвышения захудалого немецкого княжеского рода Гогенцоллернов и многих английских аристократов.

21. «Папские зуавы» (стр. 412).

Наемные войска римского папы. Во время франко-прусской войны Наполеон III вывел из Рима свои войска, защищавшие светскую власть папы. Итальянский король Виктор-Эммануил, воспользовавшись этим обстоятельством, ввел свои войска в Рим, лишил папу светской власти в Римской области и закончил воссоединение Италии. Большая часть папских зуавов должна была искать новых хозяев.

22. «Мегеры и Гекаты» (стр. 418).

Мегера — в греческой мифологии одна из богинь мщения; Геката — богиня колдовства, насылающая зло.

23. «Когда английские войска бессмысленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора...» (стр. 418).

Во время войны между Англией и США в 1814 году были заняты Вашингтон. Город тогда сильно пострадал, в частности было сожжено лучшее здание столицы — Капитолий, где помещались залы заседаний нижней палаты и сената, национальная галерея, библиотеки и т. д.

В 1860 году англичане в третий раз напали на Китай. Заняв летний дворец китайского императора, находившийся близ Пекина (фактически это был не один дворец, а 36 дворцов, построенных в течение нескольких веков), где находились неограниченные богатства и лучшие произведения искусства китайского народа, англичане разграбили их, а затем сожгли дворец, который по праву назывался «жемчужной Китаю».

24. «Преторианцы Мак-Магона» (стр. 420).

Преторианцы — гвардия римских императоров. Как известно, Мак-Магон стоял во главе армии, которая вместе с императором Наполеоном III сдалась при Седане в плен. Бисмарк освободил часть этой армии и передал ее версальскому правительству для борьбы с Парижской коммуной. 6 апреля 1871 года во главе этой армии был поставлен «герой» Седана — Мак-Магон.

Маркс, называя версальскую армию «преторианцами Мак-Магона», подчеркивает ее связь с «героическими подвигами» капитулировавшего при Седане Мак-Магона.

Великое колхозное движение*

(1929—1930 годы)

Богатый фактический и цифровой материал, приведенный в докладах и выступлениях на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), продемонстрировал одну из основных особенностей развития народного хозяйства страны победившего социализма. Оно развивается по законам расширенного социалистического воспроизводства, означающим неуклонный рост производства во всех отраслях народного хозяйства, неуклонный рост накоплений и рост материального уровня трудящихся. Такое положение, однако, не создано сразу: оно явилось результатом упорной борьбы за торжество генеральной линии партии Ленина — Сталина, линии на социалистическую индустриализацию страны. Оно создано лишь в результате победоносного колхозного строительства, сопровождавшегося упорными и жестокими классовыми битвами.

Еще 10—12 лет назад, в начале строительства первой сталинской пятилетки, народное хозяйство СССР зиждилось на двух разных, друг другу противоречащих основах: на крупной передовой, социалистической, управляемой и планируемой пролетарским государством промышленности, которая развивалась по законам расширенного социалистического воспроизводства, и мелкокрестьянском, индивидуальном, технически отсталом, малотоварном сельском хозяйстве, которое не всегда имело возможность осуществлять даже простое воспроизводство.

Выход из противоречия, как неоднократно указывали Ленин и Сталин, заключался в том, чтобы мелкие, технически отсталые крестьянские хозяйства перестроить в крупные на основе передовой техники и агрономии. Тогда сельское хозяйство могло бы также развиваться по законам расширенного социалистического воспроизводства и стало бы такой же прочной базой социалистического строя, как и социалистическая промышленность.

Выход был в коллективизации крестьянского хозяйства и в строительстве совхозов. Однако только победа социалистиче-

ской индустриализации создала необходимые предпосылки и открыла широкие возможности для массовой коллективизации. Без этой победы борьба за массовую коллективизацию была бы обречена на неудачу, как это наглядно показали провалившиеся попытки со стороны отдельных местных советов на Украине и в других местах в годы гражданской войны преждевременного насаждения с.-х. коммун.

Лозунг широкого разворачивания колхозного движения был дан партией на XV съезде, когда успехи социалистической индустриализации предвещали вопрос «кто — кого» в области промышленности в пользу социализма. Однако практическое осуществление лозунга массовой коллективизации получилась несколько позже.

Годом великого перелома в области колхозного строительства явился, как известно, 1929 год. С лета 1929 года колхозное движение вступило в полосу сплошной коллективизации. 1929 и 1930 годы — период невиданного размаха колхозного движения.

В ряде мест крестьянская беднота и середняки целыми селами, районами, округами вступали в колхозы. Характеризуя этот перелом в колхозном строительстве, В. М. Молотов на заседании расширенного Президиума ИККИ 25 февраля 1930 года говорил:

«Сплошная коллективизация, т. е. коллективизация, в которой участвует 80—90% крестьянских хозяйств, охватывает не только отдельные районы и округа, но и целые области и национальные республики. К числу таких областей в данный момент относятся прежде всего Северный Кавказ и Центрально-черноземная область... За последние три декады в колхозы вошло столько крестьянских хозяйств, сколько было объединено в колхозах за предшествующие 12 лет»¹.

На основе коллективизации бедняцкие и середняцкие слои деревни поднялись на острейшую борьбу против кулачества, на борьбу, которая ломала в открытом бою сопротивление кулачества, этого последнего,

* Статья написана на основе фактического материала, собранного Институтом истории Академии наук СССР.

¹ В. Молотов «На новом этапе», стр. 15. Газ. 1930.

наиболее многочисленного эксплуататорского класса, который являлся внутри СССР резервом для капиталистического окружения в его борьбе против СССР. Колхозное движение, принимавшее характер мощной, нарастающей антикулацкой лавины, сметавшее на своем пути сопротивление кулака, имело важнейшее политическое значение.

1

В авангарде колхозного движения 1929—1930 годов шел один из основных зерновых районов СССР — Северный Кавказ. На многочисленных собраниях в станицах, на районных конференциях хлеборобы выносили решения о переходе на сплошную коллективизацию, требовали выселения кулаков. Так, хлеборобы станицы Тихорецкой в наказе краевому съезду по сплошной коллективизации писали:

«Батраки, бедняки и середнячество станицы Тихорецкой горячо приветствуют решение краевой организации о проведении сплошной коллективизации. Хлеборобы отлично понимают, что только через обобществление сельскохозяйственного производства лежат путь к поднятию урожайности, к расширению посева, облегчению труда и общему подъему жизни трудящихся».

Красные партизаны, беднота и середняки села Мостового (Северный Кавказ) требовали «смести с дороги все то, что мешает сплошной коллективизации»¹.

Сметая на своем пути кулака, крестьяне Северного Кавказа целыми станицами бурным потоком вливались в колхозы, и уже весной 1930 года создался ряд районов сплошной коллективизации. В 1930 году по всему краю колхозами было охвачено 59% бедняцко-середняцких хозяйств против 11% в 1929 году. При этом резко повысился процент середняцких хозяйств: в 1929 году середняцкие хозяйства составляли 27% всех колхозников, в 1930 году — 50%. В колхозы пошел середняк.

То же происходило и в Средневожском крае. На 1 октября 1928 года в крае было коллективизировано 2,3% крестьянских хозяйств, на 1 ноября 1929 года — 25% и к 15 декабря 1929 года — 35%. К октябрю 1929 года в крае было 5 районов сплошной коллективизации и свыше 30 районов, в которых колхозами было охвачено свыше 50% крестьянских хозяйств.

К весне 1930 года в крае было организовано 20 машинно-тракторных станций, которые обрабатывали свыше 1,5 миллиона гектаров колхозных земель.

¹ Газета «Молот» № 2555 от 6 февраля 1930 года. Ростов на Дону.

Не отставал от других зерновых районов и Нижневолжский край. Весной в деревню Большая Альпанка, Баладинского района, прибыла колонна из 28 тракторов, выпущенных заводом «Красный путиловец». Для встречи тракторов со всего района собралось до 1500 человек, и в продолжение двух месяцев каждая деревня посылала своих делегатов, чтобы убедиться, что полученные тракторы — не выдумка. Результаты не замедлили сказаться.

Американская журналистка Анна-Луиза Стронг после ознакомления с ходом коллективизации Нижней Волги писала: «Колхозы организуются сотнями. Целые деревни объединяются в одно коллективное хозяйство. Затем десятки деревень объединяются в один колхоз еще больших размеров. Наконец, целые районы, целые округа организуются коллективно, по-новому планируя свое будущее хозяйство и стирая все старые межи»².

Колхозное движение захватило и отдаленные уголки Советского Союза. В отстойной Бурят-Монгольской автономной республике коллективизация в 1930 году выросла до 21%³.

В Туркмении, где не так давно живы были остатки полуфеодалных отношений, а местами и дофеодалных, к весне 1930 года коллективизация достигла 25,9%.

Газета «Советская степь» (Казахстан) в № 8 от 10 января 1930 года сообщает: «В Семипалатинском округе начались подготовительные работы по переводу на сплошную коллективизацию трех районов: Шемонайинского, Жана-Семейского, Вельгачского. Полностью население этих районов будет коллективизировано к концу 1931 года».

Колхозные посевы Грузии в 1930 году составляли 135 900 гектаров против 11 700 гектаров в 1929 году.

Корреспондент из Касум-Исмаиловского района сплошной коллективизации, Ганджинского округа, Азербайджана, передает: «Район переходит к сплошной коллективизации, объединяя до 7 тысяч хозяйств с общей посевной площадью зерновых и технических культур свыше 31 тысячи гектаров. Огромная пустошь в 22 тысячи гектаров будет тщательно обработана. Уже организовано 40 колхозов»⁴.

Бурное колхозное движение не прошло мимо внимания иностранных корреспондентов.

² Анна-Луиза Стронг «Сплошная коллективизация Нижневолжского края», стр. 7. Гиз. 1930.

³ Центральный архив Наркомзема СССР, фонд Колхозцентра, опись 213, связка 13, дело 33.

⁴ «Известия» № 1 от 1 января 1930 года, стр. 1.

тов, с величайшей тревогой смотревших на победоносное шествие коллективизации. Корреспондент «Чикаго дейли ньюс» в телеграмме от 24 августа 1929 года писал: «Мир привык получать ошеломляющие сведения из Советской России, но ничто не может вызвать большего удивления, пожалуй, потрясения, чем изумительный рост коллективного сельского хозяйства, которое развивается сейчас с такой быстротой, что если нынешний темп будет сохранен, то он вскоре вызовет решающую реорганизацию сельскохозяйственной экономики».

Я только что закончил поездку по Украине, по этой необозримой степи, которая тянется на тысячу миль от Дона до Туркестана.

Я видел горизонт, застланный коллективной пшеницей, я видел американские тракторы, проводящие борозду, скрываясь за горизонтом. Я видел молотилки, выплевывающие солому около целых гор снопов, рыжеволосых русских юношей и девушек, грузящих мешки растущего золота России, и красные караваны, направляющиеся к элеватору у железной дороги...»¹.

Известный американский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти в телеграмме сообщал, что вернувшийся из поездки по белорусским и украинским деревням американский писатель Морис Гиндус в беседе с Дюранти сказал: «Только теперь можно говорить о победе революции, о прогрессе социалистической системы в деревне. В прошлые годы много говорили о коллективном земледелии, но теперь это становится реальностью, сопровождаемой помощью агрономов и специалистов с отборными семенами и механическими двигателями, предоставляемыми крестьянству на льготных условиях. Стремление к коллективизации охватывает все крестьянство»².

На помощь коллективизировавшейся деревне двинулись по призыву партии тысячи рабочих промышленных центров (решение ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 года о посылке в деревню 25 тысяч рабочих).

Котельщик Дроздов (Северо-Кавказский край) писал: «Я, старый партизан, когда-то не задумываясь бросил свою семью и пошел защищать партию и советскую власть. Теперь, когда брошен лозунг «Превратить Северный Кавказ в сплошной колхоз в 1½ года!», я с большим удовольствием иду в деревню, чтобы снова вы-

полнить свой долг перед партией и советской властью»³.

С энтузиазмом шли рабочие на помощь деревне, совершать под руководством партии большевиков революцию в деревне.

Крестьяне с радостью встречали рабочих. Общее собрание крестьян колхоза «Красный факел», пригородного района Берисоглебского округа, писало: «Благодарим ЦК ВКП(б) за присылку 25-тысячника, который умело руководит нашим колхозом». В рапорте колхозников «Красного ивановского ткача», Смоленского округа, говорилось: «Мы выразим благодарность коммунистической партии за присылку нам рабочих-25-тысячников»⁴.

Попытка кулаков вооружить середняка против 25-тысячников не увенчалась успехом.

25-тысячники принесли в колхозную деревню организационный опыт рабочего класса. Вот что писал один из 25-тысячников, председатель колхоза имени 12-й годовщины Октябрьской революции (Средняя Волга): «Рост колхоза идет все время, так как ведем упорную разъяснительную кампанию среди единоличников по вовлечению в колхоз. Единоличники почти все посят в карманах заявления, ждут, как распределим урожай. В части организации труда наш колхоз является показательным, труд организован по бригадам. Производственные совещания за последнее время стали важнейшим стержнем работы всего колхоза»⁵.

25-тысячники явились лучшими пропагандистами, агитаторами и организаторами колхозного дела. «Нам приходится здесь побуждать к великому делу строительства социализма бедняцко-средняцкие массы, декап отсталого национального района»⁶, — пишет московский рабочий Инжеваткип, впоследствии убитый баями — врагами коллективизации, — из далекой Киргизии. О таких рабочих-пропагандистах товарищ Сталин писал: «Надо признать, что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие-пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс»⁷.

Так, бедняцко-средняцкое крестьянство

³ Центральный архив Наркомзема СССР, фонд Колхозцентра, опись 242, связка 2, дело 25.

⁴ Центральный архив Наркомзема СССР, фонд коллективизации, опись 242, связка 2, дело 16.

⁵ Приведено в книге Е. П. Гуревича «Пролетариат на колхозной стройке», стр. 13.

⁶ А. И с б а х «Один из 25 тысяч», стр. 82.

⁷ И. С т а л и н «Вопросы ленинизма», стр. 270. 11-е изд.

¹ Центральный архив Наркомзема СССР, фонд Колхозцентра, опись 232, связка 15, дело 152.

² «Известия» № 243 от 20 октября 1929 года, стр. 2.

в союзе с рабочим классом и под его руководством весной 1930 года начало решительные бои за сплошную коллективизацию, окончившиеся полной победой социализма в деревне.

2

Бурные темпы коллективизации 1929—1930 годов были подготовлены всей предшествовавшей политикой партии и правительства. Поворот середняка в сторону социализма, разрыв его с вековой тягой к своему клочку земли совершался медленно и постепенно.

Этот поворот явился результатом ряда важнейших фактов, на которые указывал товарищ Сталин на XVI съезде партии. Прежде всего решающее влияние на ход событий оказало развитие нашей тяжелой индустрии (особенно машиностроения), получившей возможность снабжать в больших масштабах сельское хозяйство тракторами и сельскохозяйственными машинами. В преимуществах новой техники перед примитивными орудиями сельскохозяйственного труда на крестьянских клочках земли крестьянские массы убеждались, знакомясь с ней в крупных совхозах, этих очагах передового, социалистического земледелия. Например совхоз «Гигант» (Северный Кавказ) в короткое время посетил до 50 тысяч крестьян-единоличников и до 2 тысяч агроуполномоченных, и все они, ознакомившись с хозяйством «Гиганта», стали яркими агитаторами колхозного движения.

В преимуществах колхозного строя крестьянские массы убеждались также, сопоставляя результаты работы в индивидуальных крестьянских хозяйствах и в колхозах, из которых многие, насчитывавшие уже ряд лет существования, показали значительный рост производительности труда. Большую роль в повороте крестьянских масс к социализму сыграла сельскохозяйственная кооперация, воспитывавшая крестьянина с его индивидуалистической психологией в духе коллективизма. На протяжении десятилетия партия и правительство, осуществляя кооперативный план Ленина, уделяли исключительное внимание кооперированию крестьянства. В результате свыше 50% крестьянских хозяйств было охвачено всеми видами кооперации. Так, на 1 октября 1929 года сельской кооперацией было охвачено на Урале 61,4% крестьянских хозяйств, в ЦЧО — 58,3%, в Московской области — 41%.

Наконец, исключительную роль в повороте середняка в сторону социализма сыграла и решительная борьба советской власти с кулачеством во время хлебозаготовительной кампании 1928 и 1929

годов, когда озлобленный кулак, зарывая хлеб в землю, пытался задуть голодом трудящихся городов и промышленных центров. В эту борьбу были активно вовлечены бедняцко-средняцкие массы, получившие крепкую поддержку со стороны советского правительства. Экономическая зависимость бедняцко-средняцкой крестьянской массы от кулака была подорвана. Кулак оказался изолированным.

Вместе с тем уже первые шаги массовой коллективизации дали блестящие экономические результаты. Кулачество, которое являлось серьезным производителем товарного хлеба, необходимого для прокормления населения и Красной Армии, в 1929 году утратило свое экономическое значение.

В 1927 году кулаки производили товарного хлеба около 130 миллионов пудов, а колхозы и совхозы — всего около 35 миллионов пудов. Стало быть, тогда не могло быть и речи о немедленной ликвидации кулачества как класса, ибо рабочий класс и Красная Армия могли бы остаться без хлеба. Для разрешения зерновой проблемы необходимо было заменить товарный хлеб кулака товарным хлебом совхозов и колхозов. В 1929 году благодаря усиленному строительству совхозов и бурному росту коллективизации совхозы и колхозы дали товарного хлеба больше 130 миллионов пудов, то есть больше чем кулаки в 1927 году, а в 1930 году запланировано было производство совхозами и колхозами товарного хлеба более 400 миллионов пудов, то есть более чем втрое против того, что кулаки давали в 1927 году. Таким образом, наступило время, когда социалистическое государство могло приступить к ликвидации последнего эксплуататорского класса — кулачества. «...передвижка классовых сил в экономике страны и наличие материальной базы, необходимой для того, чтобы заменить кулацкое хлебное производство производством колхозов и совхозов, дали возможность большевистской партии перейти от политики ограничения кулачества к новой политике, к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации»¹.

До 1929 года кулачество рядом законодательных актов было ограничено в своих эксплуататорских тенденциях. (ограничение в размерах аренды земли, найма рабочей силы), облагалось усиленным налогом, обязано было продавать хлеб государству по твердым ценам, было ограничено в политических правах. Все эти ограничения были направлены к подрыву экономической мощи кулака и его политической активности, к задержке его классового роста, но

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 291.

не к уничтожению его как класса. Новая политика была направлена к ликвидации кулачества как класса.

Основным условием ликвидации кулачества как класса был переход к сплошной коллективизации. Успех политики ликвидации кулачества как класса обуславливался тем, что сплошная коллективизация должна была протекать в форме безусловно добровольного вступления бедняцко-средняцких крестьянских масс в колхозы и что ликвидация кулачества должна была проводиться наступлением самих колхозных масс на кулака при экономическом и политическом поддержке советского государства. Всякое администрирование в этом великом историческом деле, таким образом, исключалось.

3

Основные положения политики ликвидации кулачества были сформулированы в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Исходя из того, что посевная площадь колхозов, которая по пятилетнему плану должна была составить в последний год пятилетки 22—24 миллиона гектаров, уже в конце 1929 года оказалась выше этих плановых предположений, ЦК ВКП(б) установил на весну 1930 года посевную площадь колхозов в размере 30 миллионов гектаров, то есть больше, чем предусматривалось пятилетним планом в последний год пятилетки.

ЦК ВКП(б), пересмотрев темпы коллективизации, намеченные первым пятилетним планом, исходя из разнообразия условий различных областей и краев, в своем постановлении установил и разные сроки завершения сплошной коллективизации в различных районах. Вместо коллективизации 20% посевной площади в последний год пятилетки, как это было намечено первым пятилетним планом, постановление определило новые, ускоренные темпы. СССР был разделен на 3 группы районов: для важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга, Северный Кавказ, срок завершения сплошной коллективизации устанавливался уже на осень 1930 года, но не позднее весны 1931 года; для второй группы зерновых районов был установлен срок на весну 1932 года; для третьей группы (так называемых потребляющих районов) — на конец пятилетки, то есть в 1933 году.

Далее, постановление наметило ряд мероприятий государства в помощь колхозному строительству. К ним относятся: ускорение постройки тракторных заводов, заводов сложных сельскохозяйственных машин и увеличение выпуска сельскохозяй-

ственных машин на старых заводах; создание конно-машинных баз и смешанных тракторно-конных баз вместо оставшихся от прошлого прокатных пунктов; переключение землеустроительной деятельности Наркомзема СССР на обслуживание исключительно районов сплошной коллективизации; увеличение кредитов колхозам на 1930 год с 270 миллионов рублей до 500 миллионов рублей; усиление производственной помощи колхозам со стороны совхозов; подготовка руководящих колхозных кадров. Как основную форму колхозов постановление утвердило сельскохозяйственную артель, в которой должны быть коллективизированы основные средства производства (мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот). Наконец, постановление подчеркивало необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие колхозного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин. Вместе с тем постановление предостерегало парторганизации против какого бы то ни было «декретирования» колхозного движения сверху.

1 февраля 1930 года было опубликовано постановление ЦК и СРК СССР «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Это был законодательный акт о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Этим актом в районах сплошной коллективизации отменялись аренда земли, применение наемного труда, то есть основные экономические условия существования кулачества как эксплуататорского класса. Краевым и областным исполкомам предоставлялось право принимать необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов, краев и областей.

4

Решающее значение в дело коллективизации имела весенняя посевная кампания 1930 года. «Ее успех, — говорил тов. Молотов на заседании расширенного Президиума ИККИ 25 февраля 1930 года, — означает победу коллективизации и разгром кулачества как класса. Это будет решающий успех строительства социализма в нашей стране»¹.

Историческое значение весенней посевной 1930 года поняла даже английская консервативная пресса. Английская консервативная газета «Обсервер» в номере

¹ В. Молотов «На новом этапе», стр. 47.

от 2 февраля 1930 года писала: «...все глаза в России обращены к «аграрному фронту», на котором происходит борьба, которая современем будет светить в истории ярче, чем девять десятых так называемых решительных битв мира»¹.

Партия и правительство уделили много сил и внимания проведению весенней посевной кампании 1930 года. Важнейшее значение для организационного и материального укрепления колхозов и для успеха посевной кампании имели ноябрьское решение ЦК ВКП(б) о 25-тысячниках и обращение ВЦИК, подчеркнувшее чрезвычайную важность весенней сельскохозяйственной кампании в связи с бурным ростом коллективизации, а также ряд мер Наркомзема, Колхозцентра по организации производства в колхозах.

Для укрепления партийно-массовой работы в деревне, согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О партийной и массовой работе в совхозах и среди окружающего населения», в конце января в районы были отправлены 53 редакционно-типографские бригады с полным оборудованием для издания колхозных районных газет. Комсомольцы организовали ряд культурходов в районы сплошной коллективизации.

Мероприятия партии и правительства подвели солидную материальную базу под колхозы, вызвали еще более бурное колхозное движение и двинули вперед дело ликвидации кулачества как класса. В 1930 году всего было отпущено на финансирование колхозов 533 миллиона рублей (из них 65 миллионов рублей в фонд коллективизации). Льготы колхозам повысили их финансовые ресурсы на 200 миллионов рублей. Колхозы получили на 400 миллионов рублей хозяйственного имущества раскулаченных кулаков. Колхозные поля получили 37 тысяч тракторов мощностью в 400 тысяч лошадиных сил, кроме помощи тракторами со стороны совхозов. Дана была колхозам семенная ссуда в 61 миллион пудов, создано для помощи колхозам 7 тысяч машинно-конных баз с 1300 тысяч лошадей.

При такой поддержке партии и правительства середняк сплошной массой двинулся в колхозы, сметая на своем пути кулачество.

Вслед за 25-тысячниками горсоветы также мобилизовали несколько тысяч из среды своих членов для работы в деревне. 22 января последовало постановление Наркомзема и Колхозцентра СССР о мобилизации 8 тысяч опытных колхозников из старых колхозов для инструктирования новых колхозов.

Работа партии и правительства, профсоюзов, советов не прошла даром.

Весенняя посевная 1930 года закончилась блестящей победой на фронте коллективизации. Обозначился окончательный поворот середняка в сторону социализма. Об этом говорят цифры: в 1929 году был коллективизирован 1 миллион крестьянских хозяйств, в 1930 году — 6 миллионов, то есть за год произошло увеличение в шесть раз. Колхозы укрупнились: на 1 октября 1929 года на 1 колхоз приходилось 28 крестьянских хозяйств, на 30 февраля 1931 года — 58. В 1929 году размер посевной площади на 1 колхоз составлял 72,9 гектара, в 1930 году — 428,1 гектара. Посевная площадь на 1 октября 1930 года составляла у единоличников 2,7 гектара, у колхозников — 5,2 гектара. Процент коллективизации по всему СССР составлял на 1 ноября 1929 года 3,9, на 10 июля 1930 года — 28,6. На 10 февраля 1931 года всего было по СССР коллективизировано 37% всех крестьянских хозяйств, из них по основным зерновым районам (первая группа) — 74% всех хозяйств, по остальным зерновым (вторая группа) — 40% всех хозяйств и по потребляющей полосе и национальным республикам — 22% всех хозяйств.

Необходимо отметить самый замечательный факт этого периода: колхозное движение захватило отсталые до того национальные районы и отдаленные «окраины», где еще в недавнем прошлом господствовали полуфеодалные отношения и где сельское хозяйство стояло на крайне низком техническом уровне. При помощи братского русского народа бедняцко-средняцкое крестьянство национальных республик повернуло на путь социализма. В борьбу за коллективизацию сельского хозяйства включились крестьяне среднеазиатских республик, Казахстана, Закавказья, Дальнего Востока, Башкирии, Калмыкии, многочисленные народности Сибири, не говоря уже о таких передовых республиках, как Украина и Белоруссия.

В такой отдаленной «окраине», как Западная Сибирь, план коллективизации был значительно перевыполнен. По пятилетнему плану, предполагалось в Западной Сибири к концу пятилетки коллективизировать 14,5% крестьянских хозяйств и 20% всех посевов. Но уже в 1930 году было коллективизировано 20,3% хозяйств, а колхозный посев к концу пятилетки составлял 72,5% вместо 20%.

Исторический 1930 год закончился блестящей победой колхозного движения. Первый решающий этап был победоносно пройден.

Приводя цифры блестящих побед на фронте коллективизации, товарищ Сталин

¹ Цит. по брошюре В. Молотова «На новом этапе», стр. 46—47.

на XVI съезде партии имел все основания заявить: «...судьбу сельского хозяйства и его основных проблем будут отныне определять не индивидуальные крестьянские хозяйства, а колхозы и совхозы... Процесс ликвидации кулачества как класса идет у нас вперед на всех парах... Нам удалось повернуть деревню на новый путь, на путь коллективизации, обеспечив тем самым успешное строительство социализма не только в городе, но и деревне»¹.

5

Колхозное движение происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы. Кулачество, почувствовавшее, что наступают его последние дни, оказало упорное сопротивление коллективизации. Кулак не брезгал никакими средствами: ни прямыми террористическими актами против колхозных активистов, ни скрытыми коварными действиями, рассчитанными на компрометацию, дезорганизацию, разложение колхозного движения. Представляя собой незначительную силу в деревне, кулачество пыталось опереться на середняка и через него тормозить колхозное движение.

Кулак для разложения колхозов старался в первую очередь подорвать их материальную базу. Играв на мелкобуржуазных инстинктах середняка, кулак повел агитацию среди крестьян, решивших вступить в колхоз, за убой скота и продажу сельскохозяйственного инвентаря. Распространенными кулацкими лозунгами в то время были: «Все равно в колхозах все отберут», «Надо идти в колхоз в чем мать родила»; в иных местах, напротив, кулаки распространяли слухи, что «в колхозе все дадут».

Подобная кулацкая агитация принесла немало вреда колхозному делу. В ряде районов начался хищнический убой рабочего, молочного и мясного скота. Резали и продавали коров, лошадей, свиней, овец. Например на краснодарской бойне были обнаружены многочисленные случаи забоя стельных коров, количество их доходило до 30—40% всего убоя². В Таганрогском округе за 3 месяца распродали свыше 26 тысяч голов крупного рогатого скота, 12 тысяч голов молодняка и свыше 16 тысяч овец³. В Курганском округе (Урал) за полтора месяца было уничтожено 2 тысячи лошадей. В ряде округов и районов количество скота уменьшилось на 50—90%.

В порядке борьбы с кулачеством 16 февраля 1930 года было опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах

борьбы с хищническим убоем скота». Согласно этому постановлению, виновные в хищническом убое скота подвергались лишению земли, конфискации скота и сельскохозяйственного инвентаря и лишались свободы на сроки до 3 лет с последующим высыланием.

Однако главная ставка кулака была на взрыв колхоза изнутри. Для этого кулак всеми средствами пытался пролезть в колхоз, прикидываясь горячим сторонником коллективизации. В результате такой тактики кулака немало колхозов оказалось засоренными кулацкими контрреволюционными элементами, местами игравшими руководящую роль в колхозе. Так, в Тагай-бапском районе (Урал) в сельхозартеле «12 лет Октября» состояло одиннадцать кулацких хозяйств, а старший счетовод этого колхоза оказался бывшим белым офицером, вернувшимся в 1927 году из Китая.

В одном из районов Узбекистана при очистке колхозов было обнаружено в числе колхозников 11 басмачей, 31 кулак-лишелец, 18 человек духовенства, 8 эмирских чиновников, 13 крупных торговцев.

Проникнув в колхоз, эти «колхозники» наносили громадный вред колхозному движению: они травили скот, засевали поля негодными семенами, поджигали хозяйственные постройки, разбазаривали колхозное имущество, расхищали урожай. При распределении урожая в этих колхозах рядовой колхозник получал гораздо меньше, чем он получал в своем индивидуальном хозяйстве. Это приводило к уходу середняка из колхозов, а в некоторых местах к распаду колхозов.

Часто кулаки, пролезшие в колхозы, занимались и прямой антиколхозной агитацией. Так, в деревне Н. Салда, Тагильского округа, бывший белобандит Якупов, расстреливавший в былое время красноармейцев, пролез под видом активиста-середняка в колхоз. В результате его антиколхозной агитации из записавшихся 74 хозяйств осталось 25, да и они начали колебаться⁴.

Для разложения колхоза кулак прибегал к клевете на честных, преданных колхозному движению людей. В ряде мест путем клеветы и подлогов кулаки добивались изгнания из колхозов, лишения избирательных прав, а иногда и ареста активных колхозников, бывших красных партизан, демобилизованных красноармейцев.

Такие факты были далеко не единичными. Так, на имя тов. Орджоникидзе, народного комиссара Рабоче-Крестьянской инспекции, в марте 1930 года поступило заявление от колхозника села Карджипа, Се-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 377—378. 10-е изд.

² «Известия» № 6 от 6 января 1930 года.

³ «Правда» № 11 от 11 января 1930 года.

⁴ «Правда» № 51 от 21 февраля 1930 года.

веро-Осетинской автономной области. Организатор колхоза в 1929 году, в прошлом красный партизан, был обвинен в эксплуатации батрака, исключен из колхоза, зачислен в список кулаков, а имущество его подлежало конфискации. Оклеветанный активист пишет в своем заявлении: «Убедительно прошу вас, тов. Серго, прекратить безобразия, творящиеся у нас при проведении коллективизации, когда бывшие белогвардейцы, воспитанники и подхалимы князей кабардинских (М. Слонов), руководят коллективизацией, сводят личные счёты, преследуют бывших красных партизан, зачисляют их в кулаки, искривляют установки партии и советской власти».

При расследовании оказалось, что правление колхоза состояло из шайки контрреволюционеров. Председателем правления был бывший контрразведчик генерала Деникина. Один член правления перед вступлением в колхоз распродал весь свой скот, он же зверски избил батрака. В составе колхоза были и другие подобные лица; все они в своей вражеской деятельности были связаны с местным кулачеством.

В этой ожесточенной классовой борьбе много безымянных героев коллективизации погибло от руки классового врага. В одном Ташаузском округе (Туркмения) в течение 3 месяцев совершено было 63 убийства колхозных активистов.

Борьба кулачества поддерживалась и руководилась рядом контрреволюционных вредительских организаций. В начале 1930 года на Украине органами ОГПУ была раскрыта контрреволюционная организация, состоявшая из лиц, бывших в прошлом активными деятелями помещичьего земства, бывших кадетов, монархистов, меньшевиков¹. Пробравшись в руководящие органы Украины — Наркомзем, Госплан, Укрсельбанк, сельскохозяйственную кооперацию, — вредители вели систематическую подрывную работу против совхозов и колхозов.

Судебным процессом антисоветского «правотроцкистского блока» 1938 года было вскрыто, что в 1930 году замаскировавшиеся враги народа, выполняя указания своего троцкистского центра, в целях сохранения кулацких хозяйств тормозили и срывали развертывание колхозов.

В Средней Азии орудовали не разоблаченные в то время враги народа Зеленский, Файзулла Ходжаев, Икрамов. В Кызылординском и Карманчинском районах сплошной коллективизации (Казахстан) имели место следующие факты: уполномоченный райкома по коллективизации в одном из аулов собрал все сохи, бывшие в употреблении у дехкан, и потребовал, что-

бы их немедленно сожгли, заверяя, что взамен сох немедленно дадут плуги. Сохи сожгли, началась пахота, а плугов не получили. Сев был сорван².

На Урале вредительство шло по другому каналу. Там пытались сорвать весеннюю посевную кампанию 1930 года путем несвоевременного подвоза и выдачи семенного материала³.

На Северном Кавказе член контрреволюционной организации В. Иванов получал от «правотроцкистского блока» задания организовывать повстанческие отряды, чтобы обеспечить кулацкое восстание на Северном Кавказе⁴.

Объединенные классово враждебные силы — кулачество, бухаринско-троцкистские вредители и буржуазные националисты — рассчитывали на то, что, используя допущенные искривления в колхозном строительстве, им удастся озлобить крестьян против советской власти. Кое-где им удалось подбить крестьян на антисоветские выступления. Но все ухищрения кулака, его зверское сопротивление, контрреволюционные, вредительские действия кулацкой троцкистско-бухаринской агентуры не в силах были остановить мощного колхозного движения. Став подлинно народным, колхозное движение своим гигантским напором смело с своего пути и кулака и его агентуру.

6

Отражением классовой борьбы, развернувшейся в стране в связи с коллективизацией, были искривления линии партии в практике колхозного движения, имевшие место в ряде областей и районов.

Несмотря на совершенно ясные и четкие указания ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года на местах в ряде случаев осуществлялась практика, находившаяся в резком противоречии с партийным постановлением. Беспеременно нарушался незыблемый принцип партии — добровольность вступления в колхоз. В ряде мест середняк загонялся в колхоз угрозами и прямым насилием.

Вместо подготовительной работы и разъяснения основ партийной политики в области коллективизации на местах в ряде районов занимались искусственным вздуванием процента коллективизации и чиновничьим декретированием.

В Бугурусланском округе, например (Средняя Волга), Н.-Боголюбовский сельсовет вынес такое решение: «Всем беднякам, батракам сейчас же вступить в колхоз, а

² «Социалистическое земледелие» № 89 от 18 апреля 1930 года.

³ Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока», стр. 130.

⁴ Там же, стр. 111—112.

¹ «Правда» № 78 от 20 марта 1930 года, стр. 5.

также и середнякам. В 2-дневный срок утвердить правление колхоза и списки колхозников; бедняков и батраков, не вступивших в колхоз, считать противниками коллективизации и советской власти и наравне с кулацкими слоями населения поставить вопрос о выселении в самые отдаленные и неудобные земли»¹.

Ярким примером декретирования служит, следующий факт, имевший место в селе Шербиповке, Козловского округа. Там уполномоченный рика издал приказ: «В 24 часа с получением настоящего приказываю всем вступить в колхоз. За неисполнение сего виновных, не взирая на классовую принадлежность — будь то бедняк или середняк, — будут привлечены по закону революционного трибунала»². Другой уполномоченный по коллективизации, в Ялуторовском районе, Тюменского округа, выступая на собрании крестьян, держал в руках два списка: один — в Нарым, другой — в колхоз: «выбирай, куда душа желает». Понятно, крестьяне выбирали второй список.

В шерегибах не отставала от Сибири и Московская область. В передовой газеты «Рабочая Москва» (орган МК ВКП(б)) от 2 февраля 1930 года было написано: «Наша Московская область, которая несколько отставала в темпе коллективизации, в настоящее время обгоняет целый ряд других областей. В деле выполнения планов по коллективизации Московская область имеет весьма крупные успехи. В настоящее время наиболее реальным планом является сплошная коллективизация края»³.

Один из округов Московской области, Рязанский, поставил себе задачей — к началу весеннего сева 1930 года коллективизировать 75% крестьянских хозяйств в то время как на 1 декабря 1929 года колхозами было охвачено 7%⁴.

В непосредственной связи с нарушением принципа добровольности находилось нарушение принципа учета разнообразия условий в различных районах СССР.

Так, Грузия вопреки постановлению ЦК ВКП(б) об окончании коллективизации в 1933 году уже в 1930 году ориентировалась на сплошную коллективизацию в кратчайшие сроки. Целые округа, уезды объявлялись районами сплошной коллекти-

визации⁵. При этом коллективизация в ряде мест Закавказья проводилась методами принуждения. В Юго-Осетии, где колхозное движение только начинало развертываться и к осени 1929 года были организованы лишь единичные колхозы, к 1 марта 1930 года уже было коллективизировано 92%⁶.

В Средней Азии второе среднеазиатское партийное совещание в конце 1929 года вынесло решение, в котором заявляло, что районы Средней Азии «таят в себе все данные для таких темпов обобществления и коллективизации, которые дают возможность республикам Средней Азии не только догнать, но и перегнать остальные республики Союза»⁷. Соответственно таким установкам действовали на местах. Английский район, Ташкентского округа, был в течение 2 недель коллективизирован на 85%⁸. В Ховатском районе, Ташкентского округа, коллективизацию проводили с помощью милиции. Вспомним, что в Средней Азии в это время орудовали злые враги народа Зленский, Икрамов и Файзулла Ходжаев.

Подобная же практика имела место в ряде районов Казахстана, Киргизии, в национальных округах Сибири (Обиротия) и Северного Кавказа.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года признало основной формой колхоза сельскохозяйственную артель. Вопреки ясенному партийному постановлению в ряде мест занялись засажением коммун с обобществлением, кроме основных средств производства, птицы, мелкого скота, жилых построек, домашней утвари вплоть до ухватов и горшков.

Такого рода засажением коммун особенно отличались некоторые районы Урала. В Лебяжском районе, Курганского округа, на 1 февраля 1930 года было 69 артелей и 3 коммуны. По местным руководителям этого казалось мало. К 1 февраля 1930 года они объявили район сплошной коммуной помимо желания и согласия колхозников. Так же проводилась коллективизация и в Шатровском районе (Тюменский округ), где в течение 2 дней «перевели» на устав коммуны 2500 едоков⁹.

В Фалленском районе (Нижегородский край) в короткий срок без всякой предварительной работы, без наличия элементарных условий (скотные дворы, свиначники и пр.) обобществили около 20 тысяч

¹ Центральный архив НКЗема СССР, фонд Колхозцентра, опись 241, связка 5, дело 9.

² «Социалистическое земледелие» № 81 от 9 апреля 1930 года, стр. 3.

³ «Рабочая Москва» № 27 от 2 февраля 1930 года, стр. 1.

⁴ «За сплошную коллективизацию». Сборник материалов по проведению сплошной коллективизации Рязанского округа, стр. 9.

⁵ «Правда» № 107 от 18 апреля 1930 года.

⁶ «Заря Востока» № 77 от 25 марта 1930 года, стр. 2.

⁷ Резолюция второго среднеазиатского партийного совещания, стр. 11. Ташкент. 1929.

⁸ «Известия» № 1 от 1 января 1930 года.

жур, гусей и уток, до 20 тысяч мелкого скота (овцы) и т. д.

«Левые» загибщики страдали болезнью гигантомании. Они увлекались созданием колхозов-гигантов. Эти увлечения часто доходили до абсурда. Так например в Вятской области, где техника земледелия была на крайне низком уровне, где основным орудием производства были сохи и косули, где плуг еще был редким явлением, местные руководители организовали колхозы-гиганты: «Строитель социализма» на площади в 108 тысяч гектаров, «Новый путь» — 119 тысяч гектаров, «Ленинский путь» — 133 тысячи гектаров.

В Череповецком округе, Ленинградской области, был организован колхоз-гигант, объединивший 48 деревень. Нужно ли говорить, что эти гиганты вскоре распались и в конечном счете колхозы приняли нормальные размеры?

Лозунг партии о ликвидации кулачества как класса был предельно четок и не мог вызывать никаких сомнений. Он был сформулирован так: «Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации». Это значило, во-первых, что ликвидация кулачества как класса должна была быть завершающим моментом сплошной коллективизации в данном районе, ее органической составной частью; это значило, во-вторых, что ликвидация кулачества как класса должна была проводиться силами и по требованию самих бедняцко-средняцких масс. Но и здесь «левые» загибщики подменили величайший государственный акт, который должен был совершиться силами народного движения, голым бюрократическим администрированием. Естественно, что при таких методах раскулачивания в список кулаков попадали и середняки.

В ряде районов раскулачивание проводилось в отрыве от планомерного проведения коллективизации. Достаточно было руководителям района или округа объявить его районом сплошной коллективизации, как сразу же приступали к раскулачиванию. На самом же деле в этих районах только начинали работу по коллективизации.

Так, в Ребихинском районе, Барнаульского округа (Сибирь), приступили к раскулачиванию, когда в колхозе было объединено лишь 4% крестьянских хозяйств. При этом местные организации вынесли решение: «Раскулачивание проводить ночью и в строго конспиративном порядке»¹. В Большереченском районе, Бийского округа, приступили к раскулачиванию, когда

в колхозах было объединено 25% крестьянских хозяйств².

Все эти «левые» загибы «представляют, — говорил товарищ Сталин, — некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству»³. В результате «левых» искривлений линии партии в колхозном строительстве единый фронт рабочего класса с середняком стал подрываться, и кулак получил возможность попытаться вновь стать на ноги. Оживилась деятельность откровенно оппортунистических, правых элементов. Они прямо помогали кулаку пробраться в колхозы и поддерживали его борьбу против бедняцко-средняцкой массы.

Так например бюро Армизонского районного комитета партии (Ишимский округ, Сибирь) приняло постановление: «Чтобы ограничить вступление в колхозы зажиточно-кулацкой части населения, установить взнос имущества последних в неделимый капитал до 75%, причем не считать лишним и вредным их вступление»⁴.

Уполномоченный Палачинского райисполкома (Омский округ) поделил кулаков на «старорежимных» и «советских». «Кулаки есть разные, — говорил он, — одно дело кулак 1917—1918 годов, а другое дело кулак советский, т. е. 1928—1929 годов. К ним надо применять разные меры и иметь разный подход»⁵.

В том же, Омском округе Большереченский райисполком вынес решение: «Всякий кулак, вошедший в колхоз, является бедняком». Свое решение райисполком не замедлил реализовать: 17 кулаков, вступивших в колхоз, были освобождены от индивидуального обложения, а одному, успевшему внести налог в сумме 1500 рублей, этот налог был возвращен⁶.

В результате искривлений линии партии в колхозном строительстве создалось положение, угрожавшее срывом делу коллективизации. Только своевременное вмешательство ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина положило конец антипартийной, антиленинской практике местных организаций. 2 марта 1930 года была опубликована статья товарища Сталина «Головокружение от успехов». 15 марта 1930 го-

² «Правда» № 99 от 10 апреля 1930 года, стр. 4.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 419. 10-е изд.

⁴ «Правда» № 95 от 7 апреля 1930 года, стр. 4.

⁵ «Социалистическое земледелие» № 52 от 4 марта 1930 года, стр. 2.

⁶ «Правда» № 14 от 14 января 1930 года.

¹ Журнал «Партстроительство» № 5 за март 1930 года, стр. 19.

да было опубликовано письмо ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». 3 апреля 1930 года была опубликована статья товарища Сталина «Ответ товарищам колхозникам».

Эти три исторических документа вскрыли корни допущенных на местах искривлений, указали пути исправления допущенных ошибок и ознакомили широчайшие массы середняцкого крестьянства с настоящей ленинско-сталинской линией партии в вопросе о коллективизации. Статьи товарища Сталина вызвали огромный подъем в середняцких массах. Газеты со статьями товарища Сталина читались в деревне коллективно. Средняцкие массы убедились, что местная практика, ущемлявшая интересы середняка, ничего общего не имеет с линией партии.

Дутые колхозы развалились. Начался отлив насильно загнанных в колхозы середняков. В тех местах, где особенно усердствовали «левые» загибщики, процент коллективизации резко снизился. Например в Московской области он снизился с 80% в марте до 8% в апреле. В ряде кантонов Татарии процент коллективизации снизился от 75—85 в марте до 5—9 в середине апреля, та же картина наблюдалась и в Средневожском крае и в национальных районах Северного Кавказа.

Этот процесс продолжался до середины апреля 1930 года, когда начался нормальный и естественный рост колхозов. Средняк пошел добровольно в колхоз, его не нужно было насильно загонять, ему лишь нужна была помощь со стороны государства. И эта помощь ему была оказана.

«Партия добилась того, что искривления партийной линии в колхозном движении были ликвидированы.

На этой основе были закреплены успехи колхозного движения.

На этой основе была создана почва для нового мощного роста колхозного движения»¹.

Весенняя посевная 1930 года закончилась блестящими победами коллективизации.

Уже массовое колхозное движение, а еще больше полная победа коллективизации опрокинули все теории буржуазной науки и идеологов реформизма об «экономической устойчивости» и «выгодности» мелкого индивидуального крестьянского хозяйства — «теории», разгромленные Лениным и Сталиным задолго до победы коллективизации в нашей стране.

Массовое колхозное движение не оставило камня на камне от меньшевистско-троцкистских «теорий» об антиреволюционности всего крестьянства и от бухаринских «теорий» мирного вращения кулака в социализм.

Ликвидация кулачества как класса вырвала у мировой буржуазной контрреволюции одну из ее важнейших позиций внутри СССР.

Увидя в победоносном развитии массовой коллективизации и усиленной политике ликвидации кулачества как класса провал своих антисоветских планов, все силы мировой контрреволюции — от ланы римского до социал-предателей из II интернационала — единым фронтом организовали еще невиданный со времени окончания первой интервенции поход во всей буржуазной печати мира. В этот период были организованы такие антисоветские кампании, как кампании против советского «демпинга», кутеповщины и горгуловщина.

Победа колхозного движения была победой не только над последним эксплуататорским классом в СССР, но и исторической победой на мировой арене.

Это был «...глубочайший революционный переворот..., равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»².

Впервые в мировой истории правительство совершило величайшую революцию в полном единении с широчайшими массами своего народа, окончательно свергнув эксплуататоров и ликвидировав навсегда эксплуатацию. В отличие от известных в истории революций эта революция «была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионов масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»³.

Это могло произойти только потому, что в результате Октябрьской социалистической революции, совершенной рабочим классом при поддержке широчайших масс крестьянства, было создано подлинно народное правительство, не знающее иных целей, кроме блага трудящегося народа, неотделимое от своего народа, находящееся с ним в неразрывном единстве. И только такое правительство в состоянии было при полной поддержке народа совершить величайшую революцию, положившую конец всякой эксплуатации и устранившую последние препятствия к успешному построению социализма в СССР.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 296.

² Там же, стр. 291.

³ Там же, стр. 291—292.

Рапалльский договор

1

Генуэзская конференция 10 апреля — 29 мая 1922 года, с которой связано заключение Рапалльского договора, была событием большого международного значения. Впервые в истории на этой конференции встретились представители различных общественных систем — загнивающей, капиталистической, и идущей ей на смену, социалистической. Под флагом забот о «восстановлении Европы» английские и французские империалисты рассчитывали вынудить Советскую Россию к капитуляции, свести ее на положение полуколонии и включить ее в рамки капиталистического хозяйства.

Эти расчеты были до основания разрушены в Генуе.

Полностью оправдались слова Ленина, сказанные им еще до конференции, на XI съезде партии: «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи — если им вздумается упрямитесь. Но цели своей мы достигнем!»¹.

Советская Россия не только отвергла домогательства империалистов на Генуэзской конференции, но спустя всего шесть дней после ее открытия одержала крупнейшую дипломатическую победу, прорвав единый антисоветский фронт, который империалисты пытались сколотить в Генуе.

Этой дипломатической победой явился советско-германский договор, так называемый Рапалльский договор 16 апреля 1922 года.

* * *

До начала 1922 года отношения между Германией и Советской Россией не выходили из узких рамок торговых переговоров. Правда, еще в октябре 1920 года германский министр иностранных дел заявил, что возрождение Германии возможно только при условии совместной работы с Советской Россией. Но это заявление не было подкреплено никакими конкретными мероприятиями. Позднее, в начале 1921 года, общее собрание германо-русского общества для развития торговли с Россией постановило отправить в Москву делегацию для того, чтобы выяснить возможность возобновления торговых отношений.

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 226.

Германо-советская торговля действительно стала развиваться в 1921 году. Советское правительство передало германским фирмам большой заказ на паровозы. 6 мая 1921 года было подписано советско-германское соглашение о возобновлении торговых отношений и о назначении торговых представительств в обеих странах.

Экономические и государственные интересы Германии требовали урегулирования также и политических отношений с советским государством. Однако политические отношения между обеими странами застыли на той точке, на которой они находились с конца 1918 года, после разрыва Германией дипломатических отношений с Советской Россией, накануне свержения Вильгельма II.

Внутри буржуазных партий Германии отсутствовало единство в вопросе об отношении к Советской России.

Правительство Вирта, проводя политику выполнения Версальского договора, не хотело, несмотря на требования деловых кругов и вопреки кровным интересам германского народа, восстанавливать и укреплять политические связи с Советской Россией. Оно боялось Антанты и одновременно заигрывало с ней в надежде на предоставление моратория по репарационным платежам, а также на участие в предполагаемой экономической эксплуатации Советской России.

Правительство Вирта рассчитывало на то, что союзники, занявшись экономической эксплуатацией Советской России под флагом ее «оздоровления», предоставят германской буржуазии роль посредника между «Западом» и «Востоком». Недаром подлинный хозяин Германии Стиннес вместе с Ратенау проявляли столь живой интерес к проектам создания европейского концерна для «оздоровления России». Недаром на заседании Верховного совета союзников в Каннах Ратенау так упрямился Ллойд-Джорджа и Бриана поручить Советскую Россию «попечениям» Германии.

Помимо этого правительство Вирта опасалось того, что сближение с Советской Россией укрепит революционные связи рабочих Германии и России. Эта перспектива больше всего пугала социал-

демократов, которые выступали как наиболее яростные противники сближения с Москвой.

Правые партии буржуазии были не прочь улучшить отношения с Советской Россией для того, чтобы успешней сопротивляться нажиму Антанты и, восстановив дипломатические связи с Советской Россией, укрепить с ней экономические отношения и этим путем смягчить глубокий хозяйственный кризис в стране.

Давление репарационного прессы на Германию усилилось к концу 1921 года. В это же время намечались изменения в отношениях Англии к Советской России (это сказалось в переписке Ллойд-Джорджа с советским правительством в ноябре).

Видимо, учитывая новые обстоятельства, германское министерство иностранных дел в лице барона Мальцата — руководителя восточного отдела министерства и сторонника германо-советского сближения — подготовило проект договора с Советской Россией.

Но, как писал впоследствии известный английский консервативный публицист Авгур, этому воспротивился президент Германской республики социал-демократ Эберт, а также министр иностранных дел Ратенау. Последний, по словам Авгура, «был твердо убежден в необходимости образования единого европейского фронта и отказался скомпрометировать эту идею соглашением с Москвой».

Неофициальные переговоры о соглашении между Германией и Советской Россией велись также зимой (в январе — феврале 1922 года в Берлине), но и они не дали результатов. Немцы, по словам английского посла в Берлине лорда д'Абернона, заявляли, что Германия до сих пор не получила полного удовлетворения за убийство Мирбаха, что Германия сама нуждается в деньгах и не может предоставить Советской России более или менее значительного займа без того, чтобы не вызвать этим повышенных требований со стороны Репарационной комиссии. «Последняя вполне резонно будет указывать на то, что раз Германия в состоянии ссужать деньги России, то она в состоянии производить свои репарационные платежи»¹.

Конечно, эта аргументация лишь прикрывала действительные мотивы, которыми руководилось германское правительство.

Д'Абернон утверждает, впрочем, что все же на рождество была выработана редакция германо-советского договора, но Ратенау противился его подписанию ввиду предстоявшей Генуэзской конференции:

«Ратенау фактически был противником восточной ориентации и стоял за более близкую связь с Францией и Англией, в особенности с первой»².

Советская делегация, посланная на Генуэзскую конференцию, по дороге остановилась в Берлине и возобновила переговоры о соглашении. Однако и на этот раз немцы не подписали договора. Почему? По некоторым данным, немцы настаивали на возврате германским капиталистам их имущество, национализированных в Советской России. Вряд ли, однако, можно думать, что германское правительство так упорно держалось за этот пункт требований, чтобы сорвать из-за него подписание договора. В данном случае это был лишь повод.

Лорд д'Абернон, передавая содержание своей беседы с одним из немецких деятелей, доказывает, что германское правительство не хотело «связать себе руки» заключением договора накануне конференции. «Мы не желали в какой бы то ни было степени испортить свою позицию в Генуе или чем-нибудь связать себя там, — говорил д'Абернону его собеседник.

Мы сознали, что нам в конце концов удастся прийти к соглашению с русскими, но мы преднамеренно задерживали переговоры до окончания Генуэзской конференции»³.

В таких же примерно выражениях говорит об этом и Авгур.

Однако договор был подписан не в конце, а в самом начале работ конференции, и в воскресенье 16 апреля 1922 года Ллойд-Джордж и Барту, обсуждавшие планы дальнейших действий против Советской России, уже читали текст советско-германского соглашения.

Договор, заключенный в Рапалло, предусматривал взаимный отказ Германии и РСФСР от возмещения военных расходов обеих стран, а также военных и невоенных убытков, причиненных им и их гражданам вследствие военных мероприятий, реквизиций, исключительных военных законов. Обе стороны отказывались от взаимного возмещения расходов на военнопленных.

Важнейшее значение имела статья вторая договора. «Германия, — гласила эта статья, — отказывается от претензий, вытекающих из факта применения до настоящего времени законов и мероприятий РСФСР к германским гражданам и их частным правам, равно как и к правам Германии и германских государств в отношении России, а также от претензий, вытекающих вообще из мероприятий РСФСР или ее органов по отношению к германским гражд-

¹ «Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона». Т. I, стр. 172. Соцэктка. 1931.

² Там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 198.

данами или в их частных правах при условии, что Правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств»¹.

Договор предусматривал немедленное возобновление дипломатических и консульских отношений между Германией и Советской Россией и развитие торговых, хозяйственных и правовых отношений на основе принципа наибольшего благоприятствования.

Германское правительство заявляло о своей готовности оказать возможную поддержку соглашениям, проектируемым частными фирмами, и облегчить проведение их в жизнь. Основные постановления договора должны были немедленно вступить в силу.

2

Подписание Рапалльского договора подействовало на участников конференции, как разорвавшийся снаряд.

«В Генуе наступило глубокое ошолобление»², — сообщал обозреватель «Revue des deux Mondes» Пиннон.

«Резонанс этой новости был чудовищен. Что поразило большую часть публики — это почти дерзкая смелость, с какой было проведено дело»³, — писал английский журналист Саксон Миллс.

«Невозможно преувеличить важность нынешнего момента, когда — больше чем в любое время — будущее Европы брошено на чашку весов». «Никогда не было намека на подобное событие»⁴, — заявляли другие публицисты.

Вся мировая печать была заполнена сообщениями и статьями о Рапалло. Журналисты на разные лады истолковывали значение договора. Передавались самые фантастические сообщения об имеющихся якобы в договоре секретных статьях, о заключении военного союза между Германией и Советской Россией.

«Буря в Генуе», как писал о Рапалло один журналист, поистине вызвала целый ураган в мировой политике. И это, конечно, не было случайностью.

Советско-германский договор явился событием громадного политического значения, он означал крупнейшую победу советской внешней политики.

Англия и Франция вместе с другими европейскими государствами требовали от Советской России в качестве основного

условия ее признания, чтобы она вернула или в крайнем случае возместила иностранцам имущества, конфискованные у них в результате Октябрьской социалистической революции.

Рапалльский договор, содержащий отказ Германии от каких бы то ни было претензий этого порядка к Советской России, наносил серьезный удар подобным планам Англии и Франции. Оказывалось, что требование возврата или возмещения национализированных советским правительством капиталов и предприятий, принадлежавших ранее иностранцам, вовсе не является обязательным условием для установления нормальных внешнеполитических отношений между капиталистическими странами и Советской Россией.

Главная цель Генуэзской конференции заключалась в том, чтобы противопоставить Советской России единый фронт всех без исключения государств капиталистической Европы. Англия и Франция добились того, чтобы Советская Россия в обмен за признание ее «де юре» отказалась от важнейших завоеваний Октябрьской социалистической революции.

Рапалльский договор наглядно показал неудачу этих попыток.

Заключив соглашение с Германией, Советская Россия прорывала фронт империалистов и тем самым укрепляла свое международное положение. Более того, страна, которой хотели навязать режим капитуляций, которую стремились превратить в полуколонию крупных империалистических держав, показала, что она является великой державой и важнейшим фактором европейских отношений.

Рапалльский договор пробил первую брешь в версальской системе, поскольку Советская Россия заявляла о своем отказе от прав по статье 116-й договора на получение от Германии возмещения военных расходов и убытков.

Кроме того Рапалльский договор наглядно показал всем малым европейским государствам, что победители, которые стремятся распорядиться их судьбами, отнюдь не являются всемогущими. Франция с ее огромной армией не могла ответить на Рапалльский договор ничем, кроме протестов. Пуанкаре, хотя и требовал закрытия Генуэзской конференции, как только получил известие о Рапалльском договоре, все же не решился отозвать французскую делегацию, опасаясь полной изоляции Франции на международной арене. Значит, позиция Франции не так тверды — вот вывод, который напрашивался сам собой.

Что же побудило Германию подписать договор в Рапалло?

¹ Материалы Генуэзской конференции, стр. 304. М. 1922.

² «Revue des deux Mondes», 1/V 1922. p. 233.

³ «The Genoa Conference» by I. Saxon Mills, p. 87, 1922.

⁴ The Foreign policies of Soviet Russia by Alfred L. P. Dennis, p. 428.

Наиболее распространенной версией ответа на этот вопрос является англо-германская. В двух вариантах: в тексте «секретного меморандума» германской делегации в Генуе и в изложении рассказа барона Мальцана — эта версия фигурирует в дневнике лорда д'Абернона; в несколько видоизмененном виде — в книге Авгура, и, наконец, в статьях немецких авторов — редактора «Фоссине цейтунг» (органа демократической партии) Георга Бергарда и социал-демократического «специалиста» по внешней политике, независимца Брейтшейда.

Эти источники рисуют примерно следующую картину.

Когда 11 апреля на заседании первой подкомиссии Ллойд-Джордж огласил текст Лондонского меморандума экспертов¹, германская делегация узнала, что пункт 6-й меморандума ясно подтверждает права Советской России по 116-й статье Версальского договора. Из этого следовало, что Советская Россия, если союзники заключат с ней соглашение, будет вправе требовать от Германии своей доли в репарационных платежах. В то же время меморандум исключал всякие претензии Германии в отношении Советской России.

Представители германской делегации Мальцан и Люфур беседовали по этому вопросу с английскими представителями 11 и 12 апреля, причем англичане якобы согласились с тем, что меморандум действительно ставит Германию в тяжелое положение, и обещали переговорить с Ллойд-Джорджем.

В то время как представители Германии ожидали результата этих переговоров, они 14 апреля узнали (в частности от личного секретаря итальянского министра иностранных дел Шанцера Джиганини) о том, что уже с 12 апреля в резиденции Ллойд-Джорджа, на вилле Альберти, идут непрерывные переговоры между союзниками и советскими представителями и что намечается соглашение. Когда Ратенау спросил Джиганини, предполагается ли изменить условия меморандума, связанные с §§ 116 и 260 Версальского договора, тот дал отрицательный ответ.

Ратенау тогда якобы категорически заявил, что Германии в таком случае придется искать себе помощи против § 116 там, где только можно.

Утром 15 апреля Мальцан встретился с представителями советской делегации. В беседе советские представители поставили вопрос о заключении соглашения,

предложенного накануне конференции в Берлине. Со своей стороны советские представители выразили готовность отказаться от прав по статье 116-й Версальского договора и соглашались предоставить Германии условия наиболее благоприятного государства в торговых отношениях. Собеседники разошлись, условившись обменяться еще раз мнениями по этому вопросу.

Мальцан немедленно пытался встретиться с английскими делегатами, но это ему не удалось. Лишь во второй половине дня он в течение двух часов беседовал с помощником Ллойд-Джорджа по «русскому вопросу» Уайзом и информировал его о новых русских предложениях. Мальцан дал понять Уайзу, что вопрос о §§ 116 и 260 Версальского договора может считаться улаженным в переговорах с советской делегацией и что союзникам со своей стороны следовало бы сделать Германии уступки в этом вопросе. Уайз сообщил, что он изложил перед Ллойд-Джорджем спорные пункты, но для Англии сейчас затруднительно что-либо предпринять. Далее, Уайз подтвердил, что переговоры с Россией на вилле Ллойд-Джорджа продолжаются и протекают успешно.

Дальнейшие события, по рассказу Мальцана, записанному д'Аберноном, развивались следующим образом:

«...вечером к германской делегации в Генуе стали поступать неофициальные сведения из различных источников — от голландцев, итальянцев и от других. Все эти сообщения подтверждали тот факт, что Россия пришла к соглашению с Англией и Францией, а Германия оставлена в стороне. Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация все-сторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять. Отправились спать. В два часа ночи лаксэй разбудил Мальцана.

«Какой-то джентльмен с очень странной фамилией желает говорить с вами по телефону», — сказал он.

Это был Чичерин... Разговор сводился к тому, что Чичерин просил немцев прийти к нему в воскресенье и обсудить возможность соглашения между Германией и Россией... Мальцан воздержался от прямого ответа и сказал, что в воскресенье трудно будет встретиться, так как германская делегация организовала пикник, а сам он должен пойти в церковь. Но после того как Чичерин дал обещание предоставить Германии право наибольшего благоприятствования, Мальцан согласился пожертвовать своими религиозными обязанностями и прийти на свидание.

¹ Меморандум о «восстановлении» России и Европы был выработан финансовыми и экономическими экспертами союзников на совещании в Лондоне 20—28 марта 1922 года.

В 2 часа 30 мин. ночи Мальцан пришел к Ратенау. Последний ходил взад и вперед по комнате в пижамах, с измученным видом и с воспаленными глазами. Когда Мальцан вошел, Ратенау сказал:

«Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?»

«Нет, известие совершенно противоположного характера», — ответил Мальцан и передал Ратенау всю историю. Последний сказал:

«Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к Ллойд-Джорджу, все объясню ему и приду с ним к соглашению».

Мальцан возразил:

«Это будет бесчестно. Если вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку и уйду от государственных дел. Это был бы чудовищный поступок в отношении Чичерина, и я не могу принять участия в таком деле».

В конце концов Ратенау... согласился, правда, не совсем охотно, встретиться в воскресенье с русской делегацией. В воскресенье утром состоялось совещание русских с немцами. Обе стороны были упрямые, и дело подвигалось вперед медленно»¹.

Но в конце концов вечером того же дня Рапалльское соглашение было подписано.

В распоряжении историка нет документов, которые позволили бы проверить показания д'Абернона. Более чем вероятно, что целый ряд записей д'Абернона, может быть, и приводимый им «секретный» меморандум германской делегации в Генуе, был составлен со специальной целью обосновать такое объяснение Рапалло, которое было бы выгодно английскому правительству.

3

На другой же день после опубликования Рапалльского договора Франция сделала попытку сорвать конференцию в Генуе. Правящие круги Франции настойчиво выдвигали это требование, пугая страну и своих союзников — малые государства — призраком военного союза Советской России с Германией.

В противовес Франции Англия стремилась не допустить срыва Генуи, и поэтому англичане изображали Рапалльский договор как «случайность», как «поправимую ошибку» немцев и, наконец, как результат «козней» советской дипломатии. Недаром д'Абернон утверждал, что «большевики ловко обопли немцев», а германские делегаты «позволяли себя одурачить» и подписали договор «в момент отчаяния»².

Немцы, в свою очередь, опасаясь репрессий со стороны Антанты, буквально из кожи лезли вон, чтобы «оправдаться» перед союзниками в том, что они подписали Рапалльский договор.

По понятным причинам германские журналисты и политики подчеркивали не столько то, что большевики якобы «обопли» их, сколько «вынужденность» для Германии соглашения с Советской Россией ввиду перспектив договора последней с союзниками. Так например Георг Бернгард, редактор «Фосшише цейтунг», в своей статье из Генуи повторял версию Рапалло, фигурирующую в «секретном» меморандуме, приводимом лордом д'Аберноном. «Германия, — писал Бернгард, — должна была опасаться того, что бы между союзниками и русскими не было заключено соглашение на базе, которая имела бы вредные последствия для германских интересов»³.

Бернгард доказывал, что во время переговоров с советскими представителями в Берлине немцы не хотели полностью отказаться от возмещения убытков в связи с конфискацией имущества иностранцев в Советской России. Но, если бы в Генуе союзники договорились с советскими представителями на основе Лондонского меморандума, то положение полностью изменилось бы. «Германия, возможно, была бы обязана очень дорого заплатить за русский отказ (от прав на возмещение Германией военных убытков. — Н. Р.), тем более что она не могла бы предложить в обмен официальное признание Советов, уже данное Брестлитовским миром и добытыми договорами».

Итак, германская делегация была обязана абсолютно неотложно рассмотреть русскую проблему, так как она видела, что находится под неминуемым ударом соглашения между союзниками и русскими»⁴.

Те же аргументы, что и Бернгард, повторял социал-демократ Брейтшейд⁵.

Конечно, англо-германская версия Рапалло не имела ничего общего с действительностью. Рапалльский договор был заключен не потому, что Вирг и Ратенау не застали в субботу Ллойд-Джорджа, и не потому только, что они испугались соглашения союзников с Советской Россией («слишком нервничали», — как утверждает Авгур).

В основе договора лежали отнюдь не конъюнктурные моменты. Германия подписала Рапалльский договор потому, что одно из основных противоречий, раздражав-

³ «L'Europe nouvelle» № 17, 29 апреля, 1922, p. 520.

⁴ Там же.

⁵ Там же, p. 521.

¹ «Посол мира», стр. 212—213.

² Там же, стр. 202, 209.

ших мир капитализма, — противоречие между странами-победительницами и странами, побежденными в мировой войне, — не только не исчезло в первые годы после Версаля, а продолжало обостряться.

Не надо забывать, что, в сущности, накануне Генуи Германия получила ноту Репарационной комиссии с требованием ввести новые налоги на общую сумму в 60 миллиардов марок и предоставить союзникам право контроля над германскими финансами.

Политика «выполнения», проводимая правительством Вирта, трещала по всем швам. Владельцы германской тяжелой индустрии, находясь перед угрозой катастрофы, оказывали давление на правительство, требуя, чтобы оно заняло несколько более твердую линию по отношению к союзникам.

Брейтшайд спустя несколько дней после заключения Рапалльского договора прямо указывал на то, что народная партия — партия крупных индустриалов, — до конца 1921 года противившаяся тесным отношениям с Советской Россией, изменила свою позицию и стала сторонницей договора, большей нежели левые партии¹.

Рапалльский договор выводил Германию из состояния полной изоляции и укреплял ее позиции по отношению к странам-победительницам. Договор с Советской Россией не только давал Германии политическую опору для противодействия союзникам: в тех условиях, когда Франция стремилась подорвать производственную мощь германской индустрии, а Англия — затруднить ее экспортные возможности, Рапалльский договор открывал простор для развития хозяйственных отношений с Советской страной, громадное значение которых прекрасно учитывали в Германии. Недаром Ратенау еще осенью 1921 года говорил д'Абернону, что германские поставки промышленных изделий неприемлемы для Англии и что германский экспорт на мировой рынок вызовет конкуренцию и враждебность. «Поэтому он, — записывал д'Абернон в своем дневнике, — склоняется к мысли о развитии экспорта в Россию и в другие страны, расположенные на юго-восток от Германии, где Англия не выступает в роли поставщика»².

В самой Германии договор был встречен по-разному. Основная правительственная партия — демократическая — интересовалась не столько реализацией договора, сколько отношением к нему Антанты. Сторонники политики «выполнения» больше всего боялись репрессий со стороны союз-

ников; да они и сами расценивали Рапалло как вынужденный маневр и поэтому занимались главным образом оправданиями перед Англией и Францией за совершенный «грех».

Позиция Ратенау была спустя год после Рапалло охарактеризована неким видным германским дипломатом, который писал: «Когда он (Ратенау. — Н. Р.) позднее, незадолго до своей смерти, говорил о договоре, это всегда звучало так, как будто он в лучшем случае лишь отчасти стоял за него»³.

Вирт в докладе рейхстагу доказывал, что Германия была «вынуждена» заключить Рапалльский договор из-за наличия 116-й статьи Версальского договора, а также в связи с тем, что Германия во время переговоров на вилле Альберти с полным основанием могла беспокоиться за свою судьбу. Он утверждал, что договор в его основных линиях был подготовлен задолго до Генуи и его предполагалось приспособить к ожидавшемуся акту Генуэзской конференции. Вирт распространялся также о том, что Рапалльский договор является «мостом между Россией и Западом».

Иначе отнеслась к Рапалльскому договору правительственная оппозиция. Правые партии — партия центра, «дейч-националь» — приветствовали Рапалльский договор, который, с одной стороны, обещал возможность упрочения экономических связей с Советской Россией, а с другой стороны, несомненно, усиливал позиции Германии в ее борьбе против Версаля. При обсуждении в рейхстаге доклада правительства о Генуе представитель партии центра депутат Маркс подчеркнул, что только Германия — одна из всех наций — принесла с собой из Генуи «практический успех — это договор в Рапалло»⁴.

Дейч-национал Гетцих заявил, что Рапалльский договор укрепил внешнеполитическое положение Германии. Вся печать, указывал Гетцих, после договора говорит о Германии, «как если бы она была великой державой»⁵.

Правые, конечно, говорили об «опасности» распространения в Германии духа большевизма и одновременно об «эволюции Советской России к капитализму», но самым существенным в их речах было подчеркивание заинтересованности Германии в укреплении экономических отношений с Советской Россией.

³ «Der Rapallo-Vertrag» von Ascretis. «Europäische Gespräche» № 1. 1923. S. 32.

⁴ «Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte». В. 355, S. 7684. Berlin. 1922.

⁵ «Verhandlungen...», S. 7711.

¹ «L'Europe nouvelle» № 16, 22 апреля, 1922. p. 521.

² «Посол мира», стр. 143.

Если правые круги германской буржуазии стояли за Рапалло, исходя из своих классовых интересов, то германский народ, и прежде всего рабочий класс Германии, приветствовал Рапалльский договор как путь к подлинному сближению с Советской Россией. Вирт в рейхстаге должен был заявить, что договор в Рапалло «признан и оценен рабочими всего мира».

Надежды германских рабочих на выход страны из жестокой разрухи и на снятие безработицы в итоге сближения Германии с Советской Россией были неразрывно связаны с их революционными симпатиями к пролетариату Советской России. Эти настроения рабочих полнее всех выражала коммунистическая партия.

Но если германский пролетариат и широкие народные массы приветствовали Рапалльский договор, то его зловонным противником выступила германская социал-демократия, справедливо видевшая в росте симпатий германского пролетариата к Советской России угрозу своему влиянию в массах.

Коммунистический депутат Штеккер говорил в рейхстаге, что «Форвертс» едва мог скрыть сильное расстройство желудка, когда из Генуи пришло потрясающее известие о том, что германское правительство, против ожидания, оказалось готово заключить договор.

Рудольф Брейтшейд, новый государственный секретарь по иностранным делам, осуждал германское правительство за то, что оно «решилось заключить этот договор, не выяснив перед этим у лорда д'Абернона и Ллойд-Джорджа, приемлем ли он»¹. Брейтшейд пытался убедить Антанту в том, что Рапалло не означает определенного политического курса. Он выражал надежду на взаимное понимание Германии и Антанты. «Антанта,—писал Брейтшейд,—признает, что ее позитивные интересы не скомпрометированы русско-германским договором, а Германия не откажется признать, что восстановление мира и восстановление ее собственного процветания зависят не от соглашения с Россией, но от соглашения с западными державами»². Однако и Брейтшейд не мог скрыть того факта, что «рабочие и далеко не одни коммунисты склонны приветствовать всякое соглашение с Россией. Россия для них — пролетарское государство»³.

Правый социал-демократ Мюллер (Франкен) вынужден был подтвердить в рейхстаге, что Рапалльский договор радостно встречен широкими народными массами

Германии. Чтобы затушевать подлинные причины симпатии германского народа к Советской России, Мюллер доказывал, что «Будь такой договор заключен каким-либо государственным деятелем Антанты, — массы будут так же рады»⁴.

Наиболее враждебным в отношении Советской России было выступление в рейхстаге независимца Криспина. Тот самый Криспин, который в 1920 году под нажимом масс ездил в Москву вести переговоры с Коммунистическим Интернационалом, теперь обвинял германское правительство в соглашении с Советской Россией, упрекал его в том, что оно, заключив Рапалльский договор, ухудшило отношения Германии с Антантой. Повторяя клеветнические измышления международной реакции, Криспин уверял, что договор «не имеет никакого практического значения, так как Советская Россия не может якобы платить за индустриальные германские товары ни золотом, ни продуктами сельского хозяйства».

«В действительности, — говорил Криспин, — следствием этого исключительного союза была в первую очередь изоляция Германии в Генуе»⁵. Любопытно, что «социалисту» Криспину возражал представитель буржуазной «демократической» партии Дербург, доказывавший необходимость Рапалльского договора и обнаруживший более правильное понимание интересов Германии чем представитель II интернационала.

4

Подписание Рапалльского договора повлекло за собой резкое обострение англо-французских отношений. Глубокие противоречия между державами Антанты, разногласия, которые тщательно скрывали от широкой публики, маскируя их взаимными любезностями и заверениями в дружбе, теперь как бы прорвались наружу. Сразу же после опубликования Рапалльского договора представители делегаций Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии, Чехословакии, Румынии, Польши, Югославии и Португалии собрались на совещание на вилле Раджио, резиденции итальянского премьера, председателя конференции Факта.

На этом совещании глава французской делегации Барту высказался за то, чтобы союзники потребовали от Германии и Советской России немедленного аннулирования договора. Предложение Барту означало, по существу, срыв конференции. На это не могли пойти англичане. Итальян-

¹ «Verhandlungen...», B. V, S. 8270.

² «L'Europe nouvelle» № 17, 1922, p. 521.

³ «Международная жизнь» № 8 от 8 июня 1922 г., стр. 32.

⁴ «Verhandlungen...», B. V, S. 7679.

⁵ Там же, S. 7717.

ский министр иностранных дел Шанцер предложил было обсудить Рапалльский договор на конференции. Но на это союзники не пошли, боясь, как бы обсуждение договора не было истолковано другими державами как приглашение последовать примеру Германии.

В конце концов прошло предложение Ллойд-Джорджа ограничиться протестом, текст которого был заранее выработан английской делегацией.

Ллойд-Джорджа поддержал Шанцер, который настоял также на смягчении текста коллективной ноты.

Нота, подписанная представителями девяти держав и отправленная союзниками канцлеру Вирту 18 апреля, обвиняла германских представителей в том, что они «заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией, и притом по тем самым вопросам, рассмотрением которых они были заняты в честном сотрудничестве с представителями других наций»¹.

Нота заявляла, что заключение Рапалльского договора нарушает условия, которые Германия обязалась соблюдать при своем вступлении в число участников конференции. Сам договор противоречит некоторым принципам, лежащим в основе конференции. «При этих условиях, нижеподписавшиеся полагают, что было бы несправедливо, чтобы Германия, после заключения частных соглашений с Россией, могла участвовать в обсуждении статей соглашения между представляемыми ими странами и Россией».

В своем ответе на ноту союзников Вирт пространно оправдывал действия подписавшего договор германского правительства. Он ссылаясь на то, что соглашение стало возможным в результате советско-германских переговоров, начатых уже несколько недель тому назад. Вирт указывал, что предложения Лондонского меморандума и сведения о близком соглашении союзников с Советской Россией побудили германскую делегацию «...спасти свои интересы прямым путем, иначе ей пришлось бы очутиться на заседании комиссии перед лицом проектов, которые, будучи неприемлемы для нее, были бы уже приняты большинством членов.

Вот почему договор с Россией был подписан в точном соответствии с проектом, составленным за несколько недель до того, и сейчас же вслед за тем опубликован»².

Вирт доказывал, что Рапалльский договор ничуть не касается отношений третьих держав с Россией. Германская делегация заявляла, что она со своей стороны

«также считает уместным не участвовать больше в совещаниях первой комиссии по поводу вопросов, соответствующих тем, которые уже улажены между Германией и Россией, поскольку ее сотрудничество не было бы желательным»³.

Вирт оговаривал, что германская делегация «остается заинтересованной во всяком, поручением первой комиссии вопросе, который не будет иметь отношения к вопросам, уже урегулированным русско-германским договором»⁴.

Ответ Вирта вызвал заявление, сделанное Барту в письме к Факта. В этом письме Барту утверждал, что Рапалльский договор нарушает канские принципы⁵, не говоря уже о других договорных обязательствах Германии, и что ответ Вирта, приводя «лживые ссылки», даст письму союзников от 18 апреля неприемлемое толкование.

Барту предлагал Факта срочно созвать представителей делегаций девяти держав, подписавших ноту германскому канцлеру 18 апреля.

Такое совещание состоялось 23 апреля. Ллойд-Джордж постарался исчерпать возникший инцидент. В новой ноте, адресованной Вирту, представители девяти держав отводили оправдания германской делегации, заявляя, что Германии не угрожала опасность неприемлемого для нее соглашения союзников с Советской Россией.

По требованию Барту в ноту была включена декларация следующего содержания: «Нижеподписавшиеся оставляют за своими правительствами полное право считать недействительными и несостоявшимися все те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам»⁶.

И нота и декларация являлись ударами по воздуху. Конференция продолжалась, а это значило, что Франция растискивается в своем бессилии предпринять что-либо в связи с Рапалльским договором.

Открыто признать это бессилие Пуанкаре, однако, не хотел. 24 апреля он выступил с большой речью в Бар-ле-Дюк перед Генеральным советом департамента Мезы.

В этой речи премьер бил тревогу по поводу Рапалло, заявляя, что договор, очевидно, сопровождается секретными военными соглашениями, Пуанкаре недвусмыслен-

³ Там же, стр. 310.

⁴ Там же.

⁵ В Каннах на заседании Верховного совета союзников 6 января 1922 года было принято постановление о созыве экономической и финансовой конференции в Генуе.

⁶ Материалы Генуэзской конференции, стр. 313.

¹ Материалы Генуэзской конференции, стр. 307.

² Там же, стр. 309.

но заявлял, что в случае неуплаты Германией репарационных платежей Франция примет самостоятельно, без согласия Англии, репрессивные меры.

«Мы горячо желаем сохранить содействие всех союзников в этом важном случае,— говорил французский премьер.— Но мы совершенно независимо защитим дело Франции и не вышустим из рук ничего из того оружия, которое дал нам договор»¹.

Пуанкаре высказывался за роспуск Генуэзской конференции в связи с Рапалльским договором, но оговаривался, что Франция, состоящая в числе приглашающих держав, «не может снять с себя ответственности за конференцию». Другими словами, Пуанкаре не рискнул угрозой ухода французской делегации из Генуи. Позднее, в парламенте, он говорил, что Франция после Рапалло могла уйти из Генуи, «хлопнув дверью», но в этом случае французы «ушли бы одни»². Заканчивая свою речь в Бар-ле-Дюк, Пуанкаре заявил все же, что если французской делегации не удастся добиться триумфа идей его кабинета, то Франция не будет дальше участвовать в работе конференции.

Выступление Пуанкаре было прямым вызовом и предупреждением Англии. Но на этот раз положение Ллойд-Джорджа было тверже чем до Генуи. Он понимал, конечно, что французы не уйдут с конференции, чтобы не оказаться в полной изоляции, да еще после Рапалльского договора, и не остался в долгу у французского премьера. Через два дня после речи Пуанкаре в Бар-ле-Дюк Ллойд-Джордж также произнес большую речь на обеде, данном в его честь английскими и американскими журналистами. В этой речи, недвусмысленно полемизируя со своим французским коллегой, он говорил о том, что Советскую Россию и Германию нельзя непрерывно держать в подчинении путем каких-либо комбинаций. «Кто воображает это,— говорил Ллойд-Джордж,— тот... либо слеп, либо на него надеты шпоры»³.

В этот же день, парируя французское предложение обсудить следствия, вытекающие из Рапалльского договора, на конференции послов, английское правительство предложило Франции созвать в Генуе представителей всех государств, подписавших Версальский договор. Англичане настаивали на том, чтобы предметом обсуждения на таком широком совещании явилась...

¹ «L'Europe nouvelle» № 20, 20 мая, 1922, р. 627.

² «Journal officiel de la République française. Débats parlementaires» № 64, 2 июня, 1922, р. 1645.

³ «The Genoa Conference» by S. Saxon Mills. р. 119, 1922.

речь Пуанкаре в Бар-ле-Дюк. «Мы должны знать, какие мероприятия рассматривает г. Пуанкаре, потому что его декларация создала очень серьезную ситуацию, и мероприятия, о которых он говорит, касаются всех подписавших договор»⁴,— говорилось в английской ноте.

Можно себе легко представить, как было принято это предложение французами. Наконец, Ллойд-Джордж заявил Баргу, что в случае самостоятельных выступлений отдельных членов Антанты дальнейшее ее существование станет невозможным.

Этой полемической дуэлью Ллойд-Джордж — Пуанкаре собственно и закончился открытый англо-французский конфликт. Французское правительство отступило, и конференция продолжалась...

В связи с заключением Рапалльского договора в Генуе возник инцидент между советской делегацией и делегацией Польши. В числе девяти союзных держав, представители которых подписали ноты Германии от 18 и 23 апреля, значилась также Польша.

24 апреля советская делегация направила председателю польской делегации министру иностранных дел Польши Скирмунту письмо, в котором указывалось на то, что позиция, занятая польской делегацией в связи с Рапалльским договором, по меньшей мере странна и непонятна. Если польская делегация требует от Германии отказа от участия в рассмотрении вопросов, имеющих отношение к Советской России, то это требование в такой же мере относится к самой Польше. Ведь Польша еще 18 марта 1921 года заключила с Советской Россией договор, который «разрешает все вопросы, интересующие эти государства, в гораздо более конкретной и окончательной форме, нежели это делает договор, заключенный между Россией и Германией в Рапалло 16 апреля 1922 года»⁵.

В письме указывалось, что советское правительство видит в шаге польской делегации посягательство на верховные права Советской России и, следовательно, глубокое нарушение Рижского мирного договора и в еще большей степени—соглашения, подписанного в Риге 30 марта 1922 года между Россией, Польшей, Эстонией и Латвией (о восстановлении экономической жизни, торговли и упрочении мира в Восточной Европе).

«Российское правительство,—говорилось далее в письме,—...категорически заявляет, что оно ни в коем случае не может допустить, чтобы заключенные им договоры

⁴ «L'Europe nouvelle» № 18, 6 мая, 1922, р. 559.

⁵ Материалы Генуэзской конференции, стр. 314.

зависели от признания или непризнания их третьими державами»¹.

Скирмунт ответил на советское письмо нотой, в которой откровенно отрицал все предъявленные ему обвинения, ссылаясь, между прочим, на то, что соглашение в Риге от 30 марта 1922 года представляет собой лишь «отчет об обмене мнениями», а не договор, обязательный для подписавших его правительств.

Уловки Скирмунта были разоблачены в новом письме советской делегации, в котором еще раз со всей резкостью заявлялось, что Польша, выступая против Рапалльского договора и препятствуя таким образом взаимному аннулированию претензий Советской России и других государств, мешает экономическому подъему Советской страны.

* * *

Рапалльский договор был с удовлетворением встречен в нашей стране как крупнейшая победа советской внешней политики.

В единогласно принятой резолюции о Генуэзской конференции III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 19 мая 1922 года отметила, что Рапалльский договор, основанный на началах полного равноправия и взаимности, соответствует интересам трудящихся РСФСР.

¹ Материалы Генуэзской конференции, стр. 315.

ВЦИК подчеркнул, что лишь в Рапалльском договоре дано «действительное равноправие двух систем собственности и соглашение между ними, хотя бы как временное состояние, пока весь мир не перешел от частной собственности и порождаемых ею кризисов, экономического хаоса, войн и т. д., к высшей системе собственности». ВЦИК, говорится в резолюции, «приветствует русско-германский договор, заключенный в Рапалло, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн, признает нормальным для отношений РСФСР с капиталистическими государствами лишь такого рода договоры, поручает СНК и ИКИД вести политику в вышеуказанном духе, предписывает ИКИД и СНК допускать отступления от типа Рапалльского договора лишь в тех исключительных случаях, когда эти отступления будут компенсироваться совершенно особыми выгодами для трудящихся масс РСФСР и союзных Советских Республик»².

Рапалльский договор явился ярким свидетельством нового этапа в отношениях Советской России с капиталистическими странами. Этот договор показал вместе с тем всему миру, что советское государство является важнейшим фактором международной политики.

² III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. Бюллетень № 5 от 19 мая 1922 года, стр. 17.

Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин

В 1941 году вышла в свет «История дипломатии» (том первый), которая является ценным вкладом в советскую историческую науку. Эта работа ставит своей задачей на основе анализа международных отношений в последовательно сменявшиеся эпохи изложить краткую историю дипломатии от древних времен до нашего времени. «История дипломатии» является первым опытом марксистской работы в этой области и предназначается для широкого круга читателей.

Наряду с другим интереснейшим материалом «История дипломатии» дает яркие характеристики крупнейших дипломатов. Среди них одно из видных мест занимает Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, выдающийся русский государственный деятель XVII столетия, предшественник Петра I, стремившийся направить все усилия Московского государства на приобретение прибалтийских земель.

Выход этого ценного труда выдвигает перед советскими историками задачу — углубленно работать над историей дипломатии и, в частности, над освещением деятельности русских дипломатов в различные периоды истории. Здесь мы печатаем очерк С. Фейгиной, в котором читатель найдет дополнительный материал о жизни и деятельности А. Л. Ордина-Нащокина.

1

Маркс говорит, что девизом всей жизни Петра I стали слова: «России нужна вода». Он указывает, «что ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра В., что ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья рек были от нее оторваны... что прибалтийские провинции по самому своему географическому положению являются естественным добавлением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними»¹.

Отмечая в «Хронологических выписках», что Петр I восхищался Иваном IV, Маркс объясняет причину этого восхищения тем, что Иван Грозный «был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть путь сообщения с Европой».

Если все начинания Петра Великого, как говорит Маркс, вращаются вокруг завоевания балтийского побережья, то особого внимания историка наряду с Иваном IV заслуживает фигура крупнейшего русско-

го государственного деятеля XVII века Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина.

Ордин-Нащокин не получил в нашей историографии должной оценки с точки зрения той цельности и полноты, которые характеризуют его программу внешнеполитических мероприятий и тесно связанных с ними внутренних преобразований. Его можно по праву считать непосредственным предшественником Петра Великого в укреплении России на Балтийском море. Некоторые исследователи прошлого России обвиняли Ордина-Нащокина в слишком упорном стремлении разрешить балтийский вопрос и в пренебрежении к польскому вопросу. Ключевский, например, давший блестящий исторический портрет Ордина-Нащокина², сделал ошибочное предположение, что балтийская политика Ордина-Нащокина была производной от его украинско-славянских тенденций. В действительности же неизбежность столкновения со Швецией вытекала для Ордина-Нащокина из самостоятельных задач Московского государства на Балтике. Война с Польшей временно заслонила эти задачи и затруднила их решение, но не она была причиной их постановки.

Среди современных Ордину-Нащокину иностранных деятелей он вызывал пови-

¹ К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века».

² «Курс русской истории». Ч. 3-я.

шленный интерес, не лишенный тревожного оттенка. Англичанин Боллинг, который провел 9 лет при дворе Алексея Михайловича, писал: «Он (Нащокин) великий политик, очень важный и мудрый государственный министр и, может быть, не уступит ни одному из министров европейских»¹. Барон Мейерберг, посланник императора Леопольда I при Алексее Михайловиче, в своем «Путешествии в Московию»² охарактеризовал Ордина-Нащокина как человека, «одаренного острым умом».

Ордин-Нащокин был непоколебим в своих убеждениях, кристально честен. Отстаивая свои взгляды, он вступал в конфликты даже с царем. Он был высокообразованным для своего времени человеком, необычайно разносторонним и целеустремленным. Дипломатическую службу он считал делом великой государственной важности.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин унаследовал от XVI века и передал XVIII стремление к «морским пристанищам» на Балтике. Стремясь к этой цели, он старался создать коалицию против Швеции и отнять у нее Ливонию, жизненно необходимую русскому государству. Его многосторонняя деятельность преследовала цель европеизации (хотя он и не был безоговорочным сторонником всего иноземного), усвоения западной техники и развития торговли; для этого нужно было вернуться к задачам, которые поставил в Ливонии еще Иван IV (писавший шведскому королю о том, что «Лифляндские земли не перестать нам доступать, докудова нам ее бог даст») и во всем объеме решил только Петр I.

Отсюда понятна вражда к Ордину-Нащокину сановного боярства и дьяческой бюрократии, которым были чужды планы Ордина-Нащокина в Прибалтике; он вызывал у придворных сановников раздражение как целеустремленностью, настойчивостью, последовательностью в осуществлении своих планов, так и быстрым продвижением по службе и прямолинейностью, резкостью характера. Отрицательное отношение боярства к Ордину-Нащокину усугублялось неродовитым его происхождением.

2

Отец Афанасия Лаврентьевича был небогатым псковским дворянином. Нащокины служили в XVI веке головами в полках,

¹ «О нынешнем состоянии России». Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1846 год. Январь. № 1, стр. 33—34. (В следующих сносках — сокращенно «Ч. О. И. и Д. Р.»).

² «Ч. О. И. и Д. Р.». 1873 год. Кн. III, стр. 35, 37—39.

были воеводами, наместниками, посланниками³, исправляли годовую службу, в частности на лифляндских границах. Отец Афанасия Лаврентьевича дал ему отличное образование, обучив его не только математике и другим точным наукам, но и латинскому и немецкому языкам. Близость Пскова к западной границе помогла Ордину-Нащокину изучить близкие к России страны Западной Европы.

Впервые Ордин-Нащокин участвовал в дипломатических переговорах при царе Михаиле, в начале 40-х годов XVII века, когда он был послан на границу для размежевания со Швецией. Назначенный воеводой в Распятцах, Ордин-Нащокин хорошо узнал Ливонский край и с тех пор нежизненно стремился к утверждению Московского государства на балтийском побережье.

Своими действиями, направленными к подавлению псковского восстания 1650 года, Ордин-Нащокин обратил на себя внимание царя Алексея Михайловича. Ордин-Нащокин действовал здесь при тесной поддержке верхушки посадского мира — «лучших людей».

Переговоры в городе Друе в 1656 году между Московским государством и Швецией закончились безрезультатно вследствие несогласия Ордина-Нащокина на уступку Швеции литовских городов Друи, Дриссы и др., находившихся в русском владении. Во время новых конференций шведские уполномоченные соглашались уже на оставление за Москвой завоеванных ею городов, кроме Дерпта и Кокенгаузена (Кукейнос), но переговоры снова прекратились из-за отказа Ордина-Нащокина пойти на уступки. Вслед затем он был назначен воеводой в Кокенгаузен, переименованный в Царевичев-Дмитриев город, и там принял уже более широкое, руководящее участие в военной и дипломатической борьбе.

Когда шведские войска под начальством генерала Магнуса Делгарди вторглись в 1657 году в Лифляндию, Ордин-Нащокин выслал из Кокенгаузена войско, задержавшее врага. Затем 30-тысячное русское войско пошло на Двину и переправилось через Нарову; пойти на мир Ордин-Нащокин соглашался лишь в том случае, если Московскому государству будут уступлены Ингерманландия и Карелия.

В начале 1658 года Ордин-Нащокин одержал серьезную дипломатическую победу, заключив с курляндским герцогом договор, означавший протекторат московского царя над Курляндией. За это он был по-

³ «Собрание государственных грамот и договоров». Т. II. № 62. (В следующих сносках — сокращенно «С. Г. Г. и Д.»).

жалован чином думного дворянина и званием наместника шацкого.

Наконец, в 1658 году участие Афанасия Лаврентьевича в Валиесарских переговорах со Швецией обеспечило Московскому государству, как мы увидим дальше, приобретения в Прибалтике.

Когда в 60-х годах выяснилось, что отношения с Польшей являются препятствием для прочного укрепления Московского государства на Балтийском море и в 1661 году пришлось заключить Бардисский мир со Швецией, уничтоживший все достижения Валиесарского договора, Ордин-Нащокин предлагал «воевать Швецию» в союзе с Польшей. Швеция была для него главным врагом, загораживавшим Москве путь на Запад. «С польским королем мир гораздо надобен, нужнее шведского..., — писал он еще в 1658 году, — разлились крови многие, и уже время дать покой. А не уступивши им Черкас, с польским королем миру не сыскать»¹.

В 1662 году Ордин-Нащокин был отправлен послом к польскому королю Яну-Казимиру, участвовал затем в заключении перемирия в дер. Андрусове в 1666 году, а в следующем, 1667 году заключил там же на 13½ лет Андрусовское перемирие с Польшей, по которому Москва получила Левобережную Украину и Киев. Это перемирие определило русско-польские отношения до конца XVII века. Таким образом, Ордин-Нащокин способствовал решению и украинского вопроса, также имевшего первостепенное значение для Московского государства XVII века.

Афанасию Лаврентьевичу, назначенному еще в 1665 году в псковские воеводы и произведенному в окольникские, а затем получившему чин ближнего боярина и дворецкого, было присвоено в 1667 году звание «Царственные большие печати и государственных посольских дел обергегателя», т. е. канцлера.

Но не в одной только дипломатии действовал Ордин-Нащокин: он уделял много внимания внутренним и торговым делам, без преобразования которых не мыслил внешнеполитических и военных успехов, являясь и в этом отношении предшественником Петра I.

Особый интерес как веха на пути укрепления городов и расширения торговли представляют преобразование псковского городского управления, проведенная Ординым-Нащокиным организация торговых компаний. Эти мероприятия были, однако, отменены тотчас по отзывании Ордина-Нащокина на дипломатическое поприще, когда его

место в Пскове занял вернувшийся туда Иван Андреевич Хованский, бывший во враждебных с ним отношениях.

Официальной причиной отмены реформ Ордина-Нащокина было выставлено то, что «такому уставу быть в одном Пскове не уметь и оттого будет смута большая»².

Ордин-Нащокин участвовал затем в составлении повоторгового устава, заключил договор с армянским торговым обществом³ о привозе шёлка-сырца и других персидских товаров, что должно было закрепить за Московским государством роль посредника в торговле Западной Европы с Азией. Он способствовал развитию торговли с восточными соседями России, стремился усилить привоз в Москву бухарских, хивинских, индийских товаров, заботился о защите китайской границы и добился ряда преимуществ для казачьей станицы при Амуре. Ему же были поручены начальство над железными заводами, находившимися в руках новгородских ростей, корабельная верфь в селе Деминове и суд над иноземцами, строившими корабли. Ордин-Нащокин участвовал в построении яхты и корабля «Орел», спущенных в 1669 году в Нижнем-Новгороде и через два года сожженных Разинным. Идеи, выраженные в этих мероприятиях Ордина-Нащокина, получили, как известно, свое окончательное осуществление в реформах Петра Великого.

Отношения Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина с боярством были всегда напряженными. В 1664 году, перед переговорами с Польшей в Дуровичах, он писал царю: «У нас любят дело или ненавидят, смотря не по делу, а по человеку, который его сделал: меня не любят и делом моим пренебрегают»⁴.

В 1668 году Ордин-Нащокин отправился на польский избирательный сейм для переговоров об избрании царя Алексея Михайловича польским королем. Ордин-Нащокин был противником принятия московским царем польской короны, опасаясь международных осложнений и вовлечения Москвы в сложный клубок противоречивых интересов, завязавшийся около трона Речи Посполитой. Он не скрывал своего мнения, что от такого избрания «только прежнему договору порука будет. Вдаваться в избрание страшно и мыслить: сколько из Великой России королевству Польскому надобно будет дать? В Польшу ехать мне послом не на утверждение, а на разрушение мира.

² Дополнения к Актам историческим. Т. V, стр. 27.

³ «С. Г. Г. и Д.». Т. IV. № 56.

⁴ С. М. Соловьев «История России». Т. XI. Гл. III, стр. 163.

¹ См. С. М. Соловьев «История России». Изд. «Общественная польза». Т. XI. Гл. I, стр. 71.

Ордин-Нащокин.
Со старинного портрета.
Гос. Исторический музей.

Корону Польскую перекупят, как товар, другие»¹.

Такое откровенное заявление, несогласное с царским мнением, облегчило московским дьякам шитриги против Ордина-Нащокина.

Афанасий Лаврентьевич негодовал, писал в своих письмах царю: «На Москве, государь, ей, слабо и в государственных делах нерадетельно поступают»².

Приски бояр делали свое дело, тем более что царь был недоволен неуспехом миссии Ордина-Нащокина в 1670 году. Афанасий Лаврентьевич с горечью и раздражением писал: «...меня, холопа твоего, вели от дела откинуть, если я тебя прогневал и недостойн в обороне быть. Думным людям никому ненадобен я, ненадобны также великие государственные дела! Откинуть меня, чтоб не разорилось мною государственное дело!.. У такого дела пристойно быть из ближних бояр: и роды великие, и друзей много, во всем пространный промысл иметь и жить умеют; и Посольский приказ ни от кого обруган не будет...»³.

Последним делом Ордина-Нащокина в царствование Алексея Михайловича был заключенный в 1670 году договор с крымским ханом Адиль-Гиреем о прекращении нападений на наши пограничные земли и на украинских казаков, о торговле и дружбе.

¹ С. М. Соловьев «История России». Т. XII. Гл. I, стр. 386.

² Там же, стр. 388.

³ Там же, стр. 389—390.

В 1671 году Ордин-Нащокин был назначен полномочным послом в Польшу для заключения мира на условиях, с которыми он не был согласен. В связи с этим он подал в отставку. «Назначение на место Ордина-Нащокина А. С. Матвеева, сторонника сближения с Швецией и большого покровителя украинцев, придает уходу Ордина-Нащокина характер министерского кризиса, вызванного разногласиями с верховной властью по коренным вопросам внешней политики»⁴.

Афанасий Лаврентьевич принял монашество в Крыпецком монастыре Иоанна Богослова, в 20 верстах от Пскова, где и скончался в 1680 году. За год до смерти ему поручили вести переговоры с польскими послами о продлении Андрусовского перемирия, что он и выполнил весьма успешно.

Иностранец, вероятно поляк, имевший в Москве при Алексее Михайловиче дипломатическое поручение⁵, писал о первом русском канцлере, что ж нему вполне применимо латинское двустишие:

«Summos posse viros, et magna
exempla daturus
Vergesum in patria, et crassoque
sub aëre nasci»⁶.

3

Среди разнообразной дипломатической деятельности Ордина-Нащокина особый интерес представляет участие его в заключении Валиесарского мирного договора 1658 года, выведившего Россию к берегам Балтийского моря. Валиесарский договор связывал Россию со сложным комплексом европейских международных отношений, в которых борьба за господство на Балтике занимала уже во второй половине XVI века одно из первых мест.

Московская опасность — вот основная нота большинства ганзетагов, рейхс- и депутативнастагов этого периода. Они неизменно занимались русской проблемой в ее балтийском аспекте, угадывая громадную роль, которую предстояло России играть на Севере. Настроение это точно охарактеризовано словами Маркса:

«Непреодолимое влияние России захватывало Европу в различные периоды врасплох, оно пугало народы Запада»⁷.

⁴ «История дипломатии». Т. I, стр. 235. Соцэкгиз, 1941.

⁵ «Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича». Север. Архив, № 20, 1825, стр. 312.

⁶ «Великие мужи, достойные служить образцами, могут рождаться даже в странах необразованных и под мрачным небом».

⁷ К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века».

Крупнейшие европейские государи второй половины XVI века—шведский король Эрик XIV, польский король Сигизмунд II Август, Август саксонский—с тревогой следили за успехами Московского государства после начала Ливонской войны, когда русские войска, пройдя по северной Ливонии, осадили Нарву, которая пала 12 мая 1558 года. «Восток двинулся... на заброшенный и распавшийся форпост германской культуры»¹,— пишет Шимал. Москва стала у Балтийского моря, получив возможность непосредственно общаться с Западной Европой. Проблема так называемой московской опасности занимает все дипломатические и купеческие круги Европы периода Ливонской войны.

«Если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой»,— писал французский протестант Юбер Ланг Кальвину в августе 1558 года².

Политическая литература того времени преисполнена страхов по поводу продвижения Московского государства на запад, но страх этот достиг апогея, когда русские войска начали 21 августа 1570 года осаду Ревеля, падение которого облегчило бы продвижение русских до самой Риги.

На шпейерском рейхстаге, который император Максимилиан II открыл в июле 1570 года, специально обсуждался вопрос о судьбе Ревеля; представители императора в Штеттине прислали донесение о ливонских делах, в котором выражали опасение, что москвиты захватят Ревель и станут властителями Балтийского моря; они будут тогда в трех днях пути от Померании и других имперских земель и, конечно, не ограничатся одной Ливонией. В перспективе им рисовалось господство московского царя над всем севером Европы. Они советовали требовать от него снятия осады Ревеля³.

Участникам рейхстага раздавалось рассуждение «О страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как скоро москвит утвердится в Ливонии и на Балтийском море»; в нем говорилось о том, что многие государи доставляют Москве людей, опытных в военном и морском деле, а это усиливает ее и придает ей смелости. Россия изобилует лесом для постройки кораблей, железом для морского снаряжения, материалом для парусов, дегтем и т. д., а также крепким и отважным населением, из которого можно набрать отличных мореплавателей. Когда московский царь устано-

вит самостоятельные торговые сношения с Западной Европой и будет доставлять туда на своих кораблях произведения своей страны, сразу упадут доходы немецких княжеств и, следовательно, всей империи. Ганзейские города потеряют всякое значение, и прежний торговый путь через Люблин, Варшаву, Познань и Бреславль в Австрию, а оттуда в Лейпциг будет заброшен. Поэтому ганзейские города, требующие свободы нарвской торговли, должны понять, что в конечном счете она погубит их, дав России флот и моряков⁴.

По заключенному с Речью Посполитой Ям-Запольскому миру 1582 года и перемирию со Швецией 1583 года, Россия потеряла все свои завоевания в Ливонии и даже исконные русские города у берегов Финского залива. Швеция сделалась теперь господствующей державой в Северной Европе. Россия была отодвинута на восток, и единственным окном в Европу для нее оставалось Белое море.

Она еще не успела оправиться от внутренних потрясений и иностранного вторжения начала XVII века, когда балтийская проблема снова оказалась в центре внимания европейской дипломатии.

Габсбурги выдвинули в конце 30-х годов XVII века новый балтийский проект, который они надеялись осуществить с помощью Польши и Дании. Предполагавшийся захват Габсбургами балтийских гаваней сразу поднял бы значение этой династии, сходявшей уже с авансены европейской истории, и грозил тяжелыми последствиями Швеции. Разгоревшаяся по этому поводу борьба отразилась и в политической литературе: датское правительство издало в 1638 году брошюру «*Mare Balticum*» («Балтийское море»), в которой оно опровергало право Польши на морское господство: Зунд и Бельты, находящиеся в руках Дании, являются ключами к Балтийскому морю, преобладание на котором должно принадлежать державе, владеющей ими. На это польское правительство ответило брошюрой «*Antimare Balticum*», доказывавшей право каждого государства на обладание морем, которое омывает его берега. Зунд, считавшийся ключом к Балтийскому морю, также не может обеспечить господство на нем, как не дает господства над океаном ведущий в него пролив⁵. Эта датско-польская полемика имела больше теоретическое чем практическое значение, так как первостепенное значение для Дании получило к концу 30-летней войны ее соперничество со Шве-

¹ Th. Schiemann «Russland, Polen u. Livland». III, 296.

² См. Р. Виппер «Иван Грозный». М. 1922.

³ Г. Форстен «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях». Т. I, стр. 554.

⁴ Г. Форстен «Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях». № 10.

⁵ См. Г. Форстен «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях». Т. II, стр. 461 и 462.

пией, сделавшейся первенствующей державой в Европе. В 1643 году, когда началась датско-шведская война, Франция, стремясь прекратить ее, делала представления шведскому правительству об опасности дипломатического сближения Дании с Москвой и Польшей. Французское правительство указывало, что эти государства не преминут воспользоваться войной двух скандинавских стран для вторжения в Ливонию. Французская дипломатия уже в тот момент предвидела коалицию, которую удалось составить Петру Великому.

Как известно, Вестфальский мирный договор, завершивший 30-летнюю войну, окончил вместе с тем длительную и сложную борьбу Швеции за господство на Севере, в которой она постепенно, шаг за шагом, устраняла своих соперников. Но, будучи моментом наивысшего торжества Швеции, итогом ее почти вековых усилий, Вестфальский мир был вместе с тем и первым моментом начавшегося затем вытеснения Швеции с восточного и южного берегов Балтики, где на сцену выступала новая сила — Россия.

Маленькой Швеции оказались не под силу широкая внешняя политика и преобладающая роль на Севере, особенно когда Московское государство почувствовало себя достаточно окрепшим, чтобы обнаружить свое стремление выйти к морю, выставить свои права и снова поставить задачи, выдвинутые еще Иваном Грозным. Уже через 10 лет после Вестфальского мира Московское государство, с которым ранее можно было иногда не считаться, заставило Швецию потесниться в ее ливонских границах. Это было достижением А. Л. Ордина-Нащокина.

4

В конце 40-х и начале 50-х годов XVII века Швеция не отказалась еще от надежды добиться перенесения московской вывозной торговли из Архангельска в Новгород и Псков или даже в Ревель и Нарву¹. Между тем московское правительство все увеличивало пошлины на привозные товары, запретило англичанам оставаться в Москве и принудило их выехать в Архангельск и Холмогоры, одновременно ограничивая привилегии шведских купцов.

Успехи Московского государства в войне с Речью Посполитой заставляли Швецию опасаться за свои ливонские владения и делали неизбежным столкновение ее с Московским государством из-за восточного побережья Балтийского моря. Военные

успехи русских в польской войне заставили Карла X ускорить свое военное выступление против Польши.

Снова, как в Ливонской войне XVI века, столкнулись интересы России и Швеции: первая стремилась к морским границам, вторая видела в древних орденских землях гарантию своего господства на Балтике.

На этом новом этапе в борьбу были вовлечены, кроме России, Бранденбург и Дания. Благодаря посредничеству Австрии, заинтересованной в сохранении европейского политического равновесия, был заключен в 1656 году Виленский договор Речи Посполитой с Россией, веледствие чего силы последней могли быть временно обращены против одной Швеции. Такому обороту дел сочувствовал и, повидному, содействовал будущий ближний боярин, тогда только стольник Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, лишь начавший выделяться на дипломатическом поприще в роли воеводы города Друи, расположенного на Западной Двине в только что завоеванной русскими войсками северной части Литовского великого княжества.

Сохранилась записка о причинах начавшейся в 1656 году войны Московского государства со Швецией, очевидно, официального происхождения, рисующая сознательную роль стольника Ордина-Нащокина в дипломатической подготовке этой войны².

Находившиеся в Москве с 1655 года шведские послы Густав Белке и другие заявляли особые претензии в отношении действий Афанасия Лаврентьевича, который сразу повел решительную политику в шведском вопросе и желал поставить Москву перед фактом разрыва русско-шведских отношений. Послы жаловались, что воевода Афанасий Нащокин прибегает к угрозам в отношении шведов и высылает их из Друи; они жаловались также на занятие русскими ратными людьми земель, «подавших Швеции», и, в частности, на то, что Афанасий Нащокин призывал жителей Бреславского уезда, присягнувших шведскому королю, подчиниться Московскому государству.

Очевидно, усматривая в Ордине-Нащокине решительного своего противника, шведские послы пытались подорвать в московских правительственных сферах доверие к нему, сообщая, что «...он еще гордыми и бесстрашными словами говорил против короля их и против их великих и полномочных послов, так что ежели они, послы, при царском величестве о том объявят и говорить учнут, то стрясутся и на ногах со страху не устоят, и что-де он меж обоими великими государями и мир и войну учинить может»³.

¹ К. Якубов «Россия и Швеция в первой половине XVII века». Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1998. Кн. 1.

² ГАФКЭ. Шведские дела. 1657 год, № 4.

³ Там же.

Однако московская политика склонилась уже в то время в определенную сторону, а разногласия со Швецией были слишком серьезны и глубоки, чтобы шведские заявления могли подорвать в Москве авторитет Ордина-Нащокина. Военные столкновения, осложненные политическим соперничеством, сменились теперь официально объявленной войной, сопровождавшейся дипломатическим разрывом.

В течение лета 1656 года Россия заняла восточную полосу Лифляндии с крепостями Динабургом (Борисоглебском), Кокенгаузеном (Царевичевым-Дмитриевым городом), Дерптом (Юрьевом), Нейгаузеном и Мариенбургом. В сентябре Ордин-Нащокин был уже переведен в качестве воеводы в Кокенгаузен, город на Западной Двине. Кокенгаузен занимал в завоеванной области центральное положение вследствие близости с одной стороны к Риге, а с другой — к Витебску и Полоцку, откуда по Двине шло снабжение русских войск в Ливонии. В Царевичеве-Дмитриеве городе Ордин-Нащокин занимался не только административной деятельностью: он следил за европейскими событиями, за переговорами шведов с Польшей, о которых он узнавал из восточных писем и от курляндских гонцов.

Уже в декабре 1656 года он вступил по распоряжению московского правительства в сношения со шведским генералом Магнусом Делагарди.

Московское правительство было разочаровано военной неудачей под Ригой, взятию которой Ордин-Нащокин, как мы увидим позже, придавал решающее значение¹. В своем письме царю от 31 декабря он упоминал о сравнительной беззащитности Риги, в которой мало войска и мещане стоят в ночных караулах, опасаясь наступления литовских войск. В январе 1657 года Ордин-Нащокин писал о способе привлечения населения покоряемой территории на сторону Москвы и допустно открывал свои карты относительно пределов предполагавшегося им продвижения Московского государства на путях к Балтике.

Он знал, что отношения, создавшиеся у русских властей в Юрьеве с местным населением, станут известны в Риге, Ругдаве (Нарве), Колывани (Ревеле), Вольмере и определят отношение к России всего городского населения Ливонии; поэтому Ордин-Нащокин сообщал в Москву о тревоге юрьевских мещан по поводу того, «что им твердость в их правах не учтена» и им неизвестно, не будет ли утеснения их вере. Тут содержится в скрытой форме указание на административные методы

Афанасия Лаврентьевича в покоренной провинции, созданные им за время воеводства в Друе и Царевичеве-Дмитриеве городе; он никогда не уходил там в чисто местные и ратные дела, а сохранял широкий кругозор и видел в перспективе русское продвижение в Прибалтике, которое он надеялся провести по возможности безболезненно для покоренного населения и с возможно меньшим военным напряжением для России.

Уже после заключения 6-недельного перемирия, начиная с 19 января, Делагарди обратился к Ордину-Нащокину с протестом против действий русских ратных людей в районе между Ригой и Кокенгаузеном, где они «задирались против шведских» войск. Эти протесты часто повторялись, а 24 января генерал Делагарди в грамоте из Вольмера винил уже самого Ордина-Нащокина в захвате мест, расположенных между Кокенгаузеном и Ригой, куда неудержимо тянуло Ордина-Нащокина, несмотря на проект перемирного договора.

Ордин-Нащокин не форсировал своих переговоров со шведским генералом, надеясь на дальнейшие успехи русских войск. 9 февраля ему писали из Риги по поручению шведского государственного казначея, пугая его польско-австрийским союзом и предполагаемым наследованием польской короны представителем австрийского дома, а через два дня, 11 февраля, ему писал Делагарди, который жаловался, что Ордин-Нащокин «только ненадежными, непристойными, незгодными словесы обманывать кочет»; затем он писал, «что корона польская и иные... суть ненадежны и обманчивы... Дружба их вам, Москве, всегда убыточна была и на зло скончилась». Швеция очень нуждалась в тот момент в мире с Московским государством для борьбы с Польшей.

Почти за месяц до этого письма генерал Делагарди, отчаявшийся в успешности переговоров с Ординым-Нащокиным, обратился к воеводе Якову Куденетовичу Черкасскому. Он сразу приступил к польскому вопросу, который начинал сильно тревожить Швецию в связи с намечавшейся опять антишведской коалицией и опасением Швеции за свое положение на Балтийском море. Шведские государственные люди заранее готовились отвести направленный против них удар заключением союзных договоров с государствами, не связанными с враждебной коалицией и не грозившими пока шведскому господству на Балтике. Делагарди предупреждал Черкасского, что поляки будут только разжигать огонь и обнадеживать своим миролюбием, но по обыкновению они много солгут и мало сделают. В Вильне поляки заключили при участии испанского посла договор с императором и эрцгерцогом

¹ Последующее см. ГАФКЭ. Шведские дела. 1657 год. № 2. Переписка Нащокина с Делагарди.

Прием иностранных послов в теремом дворце. Из альбома Мейерберга.
Гос. Исторический музей.

Леопольдом о признании его наследником польского короля, что открывало католичеству возможность снова продвинуться к Балтике.

«Папешники надеются одержать через то снова место у Варяжского моря», — писал Делагарди. Эта фраза открывала причину беспокойства шведов по поводу возобновлявшегося польско-габсбургского сближения и причину легко угадываемой готовности идти на уступки Москве для создания противовеса католическо-имперским притязаниям. Делагарди стремился доказать на примере литовской неблагодарности по отношению к шведам, что русские должны ожидать от поляков таких же действий, если Россия не стоворится со Швецией. Делагарди выражал готовность заключить мир с Россией за счет Польши.

9 марта Ордин-Нащокин послал в Москву длинную отписку, в которой сообщал о составе намечавшейся шведской и антишведской коалиции, а также о трениях, возникших у него с воеводой Матвеем Шереметевым, которого начинал раздражать независимый образ действий Ордина-Нащокина. Придерживаясь обычного в московских канцеляриях стиля, Ордин-Нащокин писал, что в Шкове «о твоих государевых порубежных делах ведом от меня, холопа твоего, ставят себе в бесчестье и к тебе великому государю царскому величеству хотят на меня, холопа твоего, о бесчестье своем писать... и что в письме моем сыщется о чем

мое нерадение и... за передаение свое достоян смерти я, холоп твой»¹.

Одновременно с военными действиями продолжалась и переписка Ордина-Нащокина с Магнусом Делагарди. Последний жаловался на несклонность Ордина-Нащокина к миру, заявляя что «бог тех впродь судит, которые еще крови жаждут и только на словах мир имеют». Делагарди предлагал в посредники английского протектора, французского короля и бранденбургского курфюрста.

В течение апреля Афанасий Лаврентьевич был занят несмотря на продолжавшиеся переговоры подготовкой дипломатической и военной кампании против Швеции. В первой ему помогал курляндский князь, с которым он находился в постоянных сношениях, а военное давление на Швецию Ордин-Нащокин надеялся произвести с помощью гетмана Гонсевского, с которым он виделся для этого в Курляндии.

Делагарди настаивал на съезде русских и шведских представителей, от чего Ордин-Нащокин уклонялся то под предлогом небезопасности таких съездов для московских людей, то за недостатком корма для лошадей. Делагарди настаивал, убеждал, даже грозил: может случиться, что Ордин-Нащокин захочет, а им, шведам, «будет не вовремя». Шведы собирались уже просить царя прислать для заключения мира кого-либо другого вместо Ордина-Нащокина.

¹ ГАФКЭ. Шведские дела. 1657 год. № 2.

5 июля Ордин-Нащокин опять послал в Москву длинную и подробную отписку, в которой излагал свое понимание ближайших политических задач Москвы в Ливонии и обнаруживал свое раздражение, вызванное столкновением его с московскими служилыми людьми; он обрисовал также обстановку, сложившуюся для России на западном ее рубеже.

Мы узнаем, что курляндский князь Яков, взяв на себя роль посредника, сообщил Ордину-Нащокину о наступлении благоприятного момента для заключения мира со шведским королем, который «де к миру пыне лучше прежнего послушен будет»; в этом Ордин-Нащокин усмотрел указание на слабость шведов и, следовательно, на возможность для России приобрести столь желанную Ригу. Препятствием к этому были нелады Ордина-Нащокина с московскими начальными людьми, которые не исполняли его распоряжений и всячески мешали ему по личной к нему недружбе: «аще бы от мира был, миру убо своя любил бы»¹.

Ордин-Нащокин сообщал в Москву, что, согласно царскому указу, он еще осенью писал в Полоцк, Витебск и Псков о немедленной присылке в Царевичев-Дмитриев город ратных людей и хлебных запасов, между тем государев указ не исполнен до сих пор, и этим на «государевых людей многие крови наведены»², так как, будь он своевременно исполнен, не было бы прихода шведов из Риги под Псков.

«Твое, великий государь, ратное дело,— писал Ордин-Нащокин,— из городов к помочи возненавижено для меня, холопа твоего; по твоему указу четвертое лето я, холоп твой, без перемены в самых дверях неприятельских покинут и тем путем литовские и немецкие люди на твои государевы города не прокаживали... а из твоих государевых городов ни малой части твоего государева указа не исполняют и в твоём государеве деле многой промысл разрушают и во время промыслу делать мне, холопу твоему, не дают»³. Так заканчивал Афанасий Лаврентьевич свои сетования на московских чиновников, не желавших понимать государственных задач и нужд в новозавоеванном крае.

Приблизительно около этого же времени или, может быть, в начале 1658 года он послал в Москву другую отписку, в которой жаловался на действия русского войска, разорявшего население и отталкивавшего его от Московского государства, в частности он пытался защитить Друю от насилий полоцких начальных людей: «волости друйские на разоренке казакам отдали и Друю хотят запустошить и от твоей, великого

государя, высокие руки от подданства отгоняют». Он писал, что сумел собрать крестьян и в разоренные места, в то время как люди из Полоцка пустошат места населенные.

Негодование Ордина-Нащокина вызывалось деятельностью начальных людей, подрывавших и разорявших население, препятствуя соединению завоеванного края с Россией.

В своем докладе 1658 года о покоренных ливонских городах⁴ Ордин-Нащокин протестовал против распоряжения центральной власти без остатка разорять те уезды Ливонии, которые не сдадутся добровольно, полагая, что, узнав о таком указе, войска «не оставят живущего нигде места». По его словам, отпугивая население от Москвы, русские служилые люди только играют на руку шведам, к которым переходят уездные люди, пополняющие их полки; лучшая пехота, говорит он, набрана у шведов среди ливонского населения.

Ордин-Нащокин предупреждал, что если крестьян разорят вконец и уезды опустеют, то служилые люди не сумеют удержаться в новых городах, и государство понесет большие убытки, когда придется возить хлеб в новозавоеванные места из коренных русских городов. Местное население, писал Нащокин, видя такое отношение к себе, не захочет переходить в русскую сторону: «всем явно к милости идут, а от жесточи бегут». Там, где ратные люди не раздражают пашенных людей, они легко переходят на русскую сторону, а следом за ними легче поддается под царскую руку и городское население.

Наконец, Ордин-Нащокин перешел и к своей заветной мысли о взятии Риги. Он предлагал воспользоваться свирепствовавшим в ней тогда моровым поветрием, чтобы попытаться взять ее. Если из Полоцка и Пскова, писал Нащокин, не пришлют пополнений теперь, когда наступил решительный момент борьбы за Ливонию и Ригу, вследствие замешательства, вызванного смертью Делагарди (о чем Нащокин получил тогда известие), то больше такого благоприятного момента не будет. Не видя русских войск в Ливонии, которая составляет главное богатство шведов, черпающих там свои пополнения, датский король начнет действовать помимо России; нужно попытаться занять Ливонию теперь, пока шведы слабы.

Ордин-Нащокин учитывал антикатолическую или антигабсбургскую точку зрения, постоянно высказывавшуюся Делагарди, и писал 1 апреля 1658 года в Москву,

¹ ГАФКЭ. Шведские дела. 1657 год. № 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГАФКЭ. Шведские дела. 1658 год. № 9. Доклад А. Нащокина о покоренных российским оружием ливонских городах и о нападении на Ригу.

о том, что шведы «к миру с тобой, великим государем, искательны безотступно, хотя уступить в твою, великий государь, сторону, а отворот учинить на Цесаре».¹

5

Между тем русские войска потерпели неудачи под Нарвой, Ямбургом и Ниеншанцем, положение на Украине грозило новыми серьезными осложнениями с Шольшей, и московское правительство становилось все более склонным к миру, к которому стремилась и усталая Швеция. 21 мая было заключено перемирие до подписания договора со шведскими послами.

Еще 27 или 28 апреля была послана грамота в Царевичев-Дмитриев город воеводе Ордину-Нащокину, сообщавшая о пожаловании его думным дворянином за то, что «ты о наших великого государя делех радешь мужественно и храбро, и до ратных людей ласков, а ворах не слушаешь и против свейского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем»¹.

Ордину-Нащокину предписывалось² быть на с'ездах со шведскими комиссарами в товарищах с боярином Прозоровским у реки Наровы или Плюсы, вблизи от Нарвы.

В случае попыток Швеции снова добиться принятия в Москве шведского резидента русские послы должны были в этом решительно отказать. Московское правительство знало, что Карл Поммеренинг, бывший в Москве резидентом в 1648—1651 годах, старался лишить русские железодельные заводы лучших мастеров, завербовав и отправив их в Швецию. Поммеренинг сознательно рекомендовал Петру Марселису «плохого кузнечного мастера», как он сам доносил в Швецию³.

В связи с назначением его на посольские с'езды Ордин-Нащокин писал в Москву⁴ о том, что с'езды следует назначить на Двине, между Царевичевым-Дмитриевым городом и Ригой, т. е. между центром его административной деятельности в Ливонии и объектом его стремлений, а не под Нарвой. Он считал, что Рига была в предыдущем году подарена Швеции благодаря московскому нерадению, и опасался, что назначение с'ездов в Ижорской земле будет означать для России утрату влияния в Литве и полную потерю Лифляндии.

¹ Акты исторические, IV, № 118.

² ГАФКЭ. Шведские дела. 1658 год. № 39. Отправление российских послов на с'езд со шведскими послами в дер. Валиесар.

³ См. К. Якубов «Россия и Швеция в первой половине XVII века». «Ч. О. И. и Д. Р». 1898 год. Кн. I, стр. 420, 428—429.

⁴ ГАФКЭ. Шведские дела. 1658 год. № 1. Отписки новгородских и других воевод.

Уже в конце июля он писал в Новгород своим товарищам по переговорам, ждавшим решения о месте с'ездов: «И по многому де ему ведомо под Ругодивом с'ездам посольским быть невозможно, там де будут во всем сильны шведы, на чем захотят»⁵.

Не получая из Москвы указаний по возбужденному Ординым-Нащокиным вопросу о переносении с'ездов из-под Нарвы в Лифляндию, поближе к Риге, московские послы сидели в Новгороде, не решаясь отправляться на с'езды без Ордина-Нащокина, которому предстояло играть первую роль в переговорах, хотя официально русское посольство возглавлял Прозоровский; шведские же комиссары дожидались их в Нарве, объясняя затягивание переговоров интригами «польских езуитов» и «панежских советчиков».

Наконец, в начале августа, уступая распоряжению из Москвы, Ордин-Нащокин выехал из Царевичева-Дмитриева города на с'езды к Нарве, куда отправились из Новгорода и остальные русские послы, с'ехавшиеся 17 августа на перевозе у реки Плюсы. Но, вынужденный подчиниться московскому распоряжению, Ордин-Нащокин не желал отказаться от своей программы и сумел повлиять на Прозоровского; 19 августа его товарищи по посольству, согласившись с ним, что не следует назначать конференций у реки Наровы и устья Плюсы, так как эти места далеки от Лифляндской земли, ушли с нарвской дороги к Сыренску в Колыванской земле.

Затем начались длительные споры со шведами о выборе деревни для с'ездов, так как шведы не соглашались ни на какое место в Лифляндской или Эстонской земле, которая была, по их словам, «неспорной вотчинной землей» шведского короля. На это московские послы отвечали, что «прежсего Лифляндская земля бывала за великими государями цари и великими князи российскими и то не ново».

Только 16 октября московские послы согласились на назначение с'ездов в деревне Валиесар, в 20 верстах от Нарвы. Однако на все требования шведов об очищении Колыванского уезда от русских ратных людей московские послы отвечали отказом, говоря, что московские войска стоят не в колыванских и не в ругодивских деревнях, а в государевых завоеванных местах.

Согласно полученному ими наказу, царские послы сразу поставили условием заключения мира отдачу Московскому государству Ивангорода, Корелы, Орешка, Яма, Копорья и других городов, отторгнутых Швецией от России. Но, кроме восстановления таким образом нарушенной историче-

⁵ ГАФКЭ. Шведские дела. 1658 год. № 40. Статейный список кн. И. Прозоровского.

ской справедливости, московские послы требовали возмещения убытков, причиненных Москве нарушением Столбовского договора; они требовали уступки Москве городов, смежных с завоеванными ею, — Риги, Ревеля и Нарвы. Шведы решительно настаивали на возвращении к условиям Столбовского договора 1617 года, столь ненавистного Ордину-Нащокину, политический темперамент которого чувствуется в резкой реплике московских послов: «Учинить бы мир как обоим великим государям пристойно по Волиесарскому, а не по Столбовскому договору».

Упоминание о Столбовском договоре, который был результатом разорения государства иностранной интервенцией, вызвало прямое раздражение московских послов, отвечавших, что Столбовский мир был вынужден тяжелыми обстоятельствами, а ныне они заключают мир добровольно: «А в то же время, как в Столбове мир учинен, Яков Делатарди, видя Московское государство от неприятелей в запустении, Новгородское государство неправдою заступил ...против того довелось и царскому величеству... городами столь же повладеть в Ёстонской или в Финской землях». Таким образом, ссылка шведов на Столбовский договор вызвала ответную ссылку московских послов на исторические права Московского государства в Эстонии и Финляндии.

Московские послы предлагали Швеции вознаградить себя за счет Польши, и за этим предложением трудно не узнать опять будущего канцлера Ордина-Нащокина, предпочитавшего скорее компенсировать Швецию в Польше, чем отказаться от заманчивой для него перспективы обоснования русской власти в Лифляндии.

Пока дипломаты не спеша подвигали таким образом дело мира, московское правительство, недостаточно осведомленное о степени готовности Швеции к миру, терпело терпение.

13 декабря Прозоровский получил из Приказа тайных дел и Посольского приказа несколько грамот, которые говорили о несомненной жажде мира в Москве и готовности московского правительства идти на серьезные уступки, недопустимые с точки зрения планов Ордина-Нащокина. Московское правительство, не допускавшее, по видимому, мысли о разрыве переговоров, предусматривало даже возможность возвращения к Столбовскому миру. Послам предписывалось «сделать, смотря по тамошнему», но ни в коем случае не разрывать переговоров и не раз'езжаться, чего Москва при обстоятельствах, сложившихся для нее в то время на Украине вследствие измены гетмана Ив. Выговского, очевидно, опасалась больше всего.

Но, в то время как московское правительство, напуганное новыми прозившими ему на южных рубежах осложнениями, побуждало своих послов идти на все территориальные уступки, Ордин-Нащокин усматривал в казацких и польских отношениях лишь досадное препятствие к укреплению на путях к Балтике; он не видел еще надобности в крайней, предписываемой ему из Москвы уступчивости для установления мира на северозападной границе. Поэтому шведским комиссарам так и осталось неизвестным тревожное настроение московских верхов и готовность их отказаться не только от всяких притязаний, но и от завоеванных в Прибалтике.

По перемирному договору, подписанному московскими послами 20 декабря, Россия сохраняла за собой занятые ею пункты. Настойчивость Ордина-Нащокина в удержании русских позиций в Лифляндии, систематически ослабляемая паническими предписаниями правительственных верхов, готовых отказаться от всех приобретений на Западе, была оправдана новыми обстоятельствами, даже еще не известными Ордину-Нащокину при самом подписании договора. На обратном пути к Новгороду послы получили грамоту из Москвы, которая подавала надежду на то, что тучи, собравшиеся у южных пределов Московского государства вследствие измены гетмана Ив. Выговского, скоро рассеются. Грамота сообщала также о военных успехах в Польше, отношения с которой — откровенно враждебные или скрыто недружелюбные — были неразрывно связаны с украинским вопросом.

По Волиесарскому договору 1658 года¹, в Московскому государству отошли места, завоеванные им до 21 мая 1658 года, т. е. до заключения в Москве перемирия, именно: Кукейнос (Царевичев-Дмитриев город), Юрьев Ливонский, Мариенбург, Аналь с пригородами и уездами, Сыренск, деревня Яма на реке Нарове, рыболовные деревни на берегу Чудского озера, затем места, принадлежавшие раньше Польше: Динабург (Борисоглебск), Резица, Лютин, Марнгауз с уездами. Швеция отказывалась от этих мест, так же как Москва от Ижорской и Карельской земель, от Финского княжества, Эстляндской земли и тех частей Ливонии, которые оставались за Швецией.

Лишь отчасти достигнув, таким образом, своей цели в Прибалтике при крайне тяжелом для Москвы международном положении, Ордин-Нащокин, конечно, не считал свою

¹ ГАФКЭ. Шведские дела. 1658 год. № 40 и Полное собрание законов. Ч. 1-я. № 240.

задачу решенной; ему предстояла еще длительная борьба за сохранение в руках Москвы того, что было приобретено по Валиесарскому миру. Когда это оказалось невозможным и в 1661 году Москва вернула Швеции по Кардисскому миру все, что она приобрела в Лифляндии, Ордин-Нащокин обратил свои усилия в сторону Польши. Он поставил себе целью достигнуть мира с ней, чтобы, обеспечив свои границы с этой стороны, освободить занятые в польской войне силы и снова пробиться к Балтийскому морю.

В 60-х годах дипломатическая деятельность Ордина-Нащокина, «этого русского Ришелье», как называл его Эбершльд, бывший шведским резидентом в Москве с

1667 по 1674 год¹, была сосредоточена на русско-польских отношениях, за урегулирование которых он не переставал видеть Балтийское море.

Полностью разрешить остро поставленные Ординем-Нащокиным на Балтике задачи, воспользовавшись обеспеченной польской границей, удалось только Петру Великому. Основные проблемы России XVII века — продвижение к морям Черному и Балтийскому — были правильно поняты и поставлены Ординем-Нащокиным; решение же их дал только XVIII век.

¹ Г. Форстен «Сношения Швеции и России во второй половине XVII века». Журнал Министерства народного просвещения, 1899, июнь.

ЛИТЕРАТУРА. В. Берх. «Царствование царя Алексея Михайловича». СПб. 1831. А. Терещенко. «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России». Ч. 1-я, стр. 27—68. СПб. 1837; М. Капустин. «Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века», стр. 9—15, 43—44, 74—77, 120—121. М. 1852; А. Малиновский. «Биографические сведения о первом в России канцлере боярине А. Ордине-Нащокине», «Труды и летописи Общества истории и древностей российских». 1833. Ч. 6-я; А. Малиновский. «Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России» (там же); С. Соловьев. «История России с древнейших времен». Тт. XI, XII; В. Иконников. «Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин». «Русская старина». 1883. №№ 10, 11; В. Ключевский. «Курс русской истории». Ч. 2 и 3-я; Р. Виппер. «Иван Грозный». М. 1922; Г. Форстен. «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях». СПб. 1893—1894; С. Коллинс. «Нынешнее состояние России». Ч. О. И. и Д. Р. 1846. № 1, стр. 33—34; Бар. Мейерберг. «Путешествие в Московию». Ч. О. И. и Д. Р. 1873. Ч. 3-я, стр. 35—39; «Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича», «Сев. Архив». 1825. № 20, стр. 311—312; К. Язубов. «Россия и Швеция в первой половине XVII века». Ч. О. И. и Д. Р. 1897. Кн. III, IV, 1898, кн. I; Г. Форстен. «Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях». СПб. 1889; В. Эйнгори. «Сообщение об А. Л. Ордине-Нащокине и сыне его Воине». Ч. О. И. и Д. Р. 1896. Кн. IV; В. Эйнгори. «Сообщение о последнем докладе А. Л. Ордина-Нащокина царю Алексею Михайловичу». Ч. О. И. и Д. Р. 1898. Кн. II; «Тайное письмо А. Л. Ордина-Нащокина царю Алексею Михайловичу». Ч. О. И. и Д. Р. 1896. Кн. IV; «Акты исторические». Кн. IV. № 118, «Дополнение к Актам историческим», V, стр. 27; «Акты Московского государства». II. №№ 846—1025; «Полное собрание законов». Ч. 1-я. № 240; «Собрание государственных грамот и договоров». II. № 62, IV, № 56 и № 210; «Шведские дела за 1648—1658 годы». Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ).

Раздел «черного материка»

(Из истории империалистической дипломатии)

В ленинских «Тетрадах по империализму» мы находим выписки и оценки многих работ по истории международных отношений и колонизации: таблицы роста колониального могущества держав, перечень главнейших международных кризисов после франко-прусской войны и «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года», сводки, в которой отдельная графа отведена дипломатии и рядом с нею специальная графа — колониальной политике.

И в перечне кризисов и в «Опыте сводки» Африка занимает почетное место. В лаконичных фразах о разделе «черного континента» Ленин подчеркивает основное содержание этого раздела: «1905: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делают») Марокко. 1911: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делают») Марокко. Обменивают Марокко на Конго... 10 января 1891: Ультиматум Англии к Португалии: грабят («делают») Африку... 15.XI.84. Берлин. Конференция по вопросу о Конго: делают Африку. «Независимость» Конго!!»¹.

Ленин перечисляет основные узлы дипломатических конфликтов, возникших из-за этого «дележа», растянувшегося на несколько десятилетий: захват Англией Египта, англо-германская конференция о Восточной Африке, Фашода, англо-французское соглашение 1904 года («готовятся к войне с Германией», — отмечает Ленин в скобках), Алжирская конференция, германо-французские соглашения о Марокко 1909 и 1911 годов — вот основные ступеньки сооруженной дипломатией лестницы, которая привела к разделу Африки.

К этому разделу дипломатия капиталистических государств подошла уже обогащенная многолетним опытом международных провокаций. Но именно здесь, в Африке, где столкнулись интересы многих европейских государств, где совершали свою «пробу сил» и державы, опоздавшие к разделу мира, империалистическая дипломатия получила свой «аттестат зрелости».

Прямая линия соединила первую международную конференцию по африканским делам — Мадридскую конференцию 1880 года — с Версальской конференцией 1919 года, которая подводила итог долгим годам соперничества двух империалистических группировок. Мадридский трактат по делам Марокко явился как бы стартом соревнования крупных и мелких государств за обладание Африкой; это был еще период расстановки сил, когда в Марокко права «наиболее благоприятствуемых наций» признавались за двенадцатью европейскими государствами и Соединенными штатами Америки. Версальский договор явился уже финишем первого круга этого соревнования; почти на всем африканском материке права «наиболее благоприятствуемых наций» сосредоточились в основном в руках уже двух держав: Англии и Франции. «Война стала неизбежной для капитализма, — писал Ленин, — потому что за несколько лет до нее империализм разделил мир по старым, так сказать, меркам силы, «исправляемым» войною»². Версальский договор должен был закрепить — навечно, как обещали его авторы — то соотношение сил, которое соответствовало могуществу двух колониальных империй: Британской и Французской.

Африканская глава занимает особое место в истории империалистической дипломатии. Система тайных соглашений, сделок за счет третьей стороны, выпадов из-за угла против своих же союзников, провокаций, подкупов развернулась здесь во всей своей неприятной наготе.

Законченное выражение эти методы нашли в дипломатической подготовке оккупации Египта Англией. Продолжительные переговоры британского министра иностранных дел Гренвиля с министром иностранных дел Франции Фрейсине об «египетском вопросе», вся история с созывом Константинопольской конференции держав и нотой турецкому султану о «водворении порядка» в Египте, измышления английского консула в Каире Эдуарда Малета об

¹ В. И. Ленин «Тетрады по империализму», стр. 620, 626. Госполитиздат. 1939.

² Ленин. Т. XXI, стр. 309.

опасностях, угрожающих жизни европейцев в Египте, корреспонденции Уильяма Грегори в «Таймс» о «вопиющих злоупотреблениях, которыми кишмя-кишит Египет»,—все это было направлено к тому, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение Европы и позволить британскому флоту пробить дверь для вторжения «войск ее величества» в древнюю страну пирамид.

Гладстон считал нужным сообщить всему миру, что «англичане находятся в Египте в качестве не хозяев, а друзей египетского правительства»¹. А на седьмом году оккупации лорд Сольсбери, сменивший Гладстона, ссылаясь на продолжительность этой дружбы, заявил: «Англия останется в Египте до того времени, пока лондонский кабинет не получит уверенности в том, что египетское правительство достаточно сильно для того, чтобы самостоятельно справиться с внутренними и внешними опасностями, от которых Англия старалась оградить Египет»².

Но, как видно, ни тогда, ни много позже лондонские дипломаты не получили этой уверенности. Обещание, данное в 1885 году Друммондом-Вольфом в Константинополе Саиду-паше о заключении «конвенции, регулирующей уход британских войск из Египта в надлежащий срок»³, так и не было выполнено.

История раздела «черного материка» сохранила немало дипломатических актов, договоров, показывающих, какими средствами империалистическая дипломатия маскировала свои подлинные цели. Вот несколько действительно классических формулировок из арсенала дипломатической фразеологии⁴:

«...Французские военные власти займут те пункты, которые они признают нужными для обеспечения восстановления порядка и безопасности на границе и на побережье...» (Из франко-тунисского договора 1881 г.).

«Все державы... обязуются неусыпно заботиться о сохранении туземного народонаселения и об улучшении его нравственного и материального положения и быта...» (Из «Декларации относительно свободы торговли в бассейне р. Конго...»—1885 г.).

«...В интересах мира и независимости стран, расположенных по Средиземному морю...» (Нота Сольсбери на имя Курци от 12 февраля 1887 г.).

«...озабоченные установлением в Марокко законного режима, основанного на внутреннем порядке и на общей безопасности, что позволило бы ввести реформы и обеспечить экономическое развитие страны...» (Из франко-марокканского договора 1912 года).

«...Во имя пресвятой троицы» (так начинался итало-абиссинский мирный договор 1896 года), «во имя бога всемогущего» (это уже из генерального акта Алжирской конференции) требовалось, чтобы африканские народы, вовлеченные в кабальные сети этих договоров, точно придерживались их духа и буквы. Но сами дипломаты империализма относились к договорам и обязательствам, снабженным столь пышными риторическими украшениями и цитатами из евангелия, как к простым клочкам бумаги, которые могут быть подвергнуты весьма разнообразным операциям, вплоть до подлога. Так например поступило римское правительство с учтиальским договором, заключенным с абиссинским пегусом Менеликом в мае 1889 года.

«Его величество царь царей Эфиопии,—гласила статья 17-я этого договора,—может прибегать к услугам правительства его величества итальянского короля во всех делах с прочими державами и правительствами»⁵. В Риме в итальянском экземпляре Договора слово «может» заменили словом «должен» и предъявили на этом основании соответствующие претензии к Абиссинии.

Министерства иностранных дел неизменно заботились о том, чтобы оставлять в договорах и соглашениях, заключаемых с африканскими правителями, юридические лазейки, которые помогли бы оправдать дальнейшую агрессию. Таким был договор о разграничении Марокко с Алжиром, заключенный в Лала-Маре, не определявший точной границы и неоднократно представлявший Франции повод для пограничных инцидентов, со всеми вытекающими отсюда неприятными для Марокко последствиями.

Опираясь на неравноправные договоры, европейская дипломатия перешла уже к более крупной игре, в которой силы и дипломатическое искусство сторон были приблизительно равны. Договоры «по африканскому вопросу», заключенные между империалистическими государствами, бесконечные соглашения о status quo, о разграничении сфер влияния, об обмене территориями могли бы напомнить старинный полонез, в котором стороны сходятся или расходятся в ритмичном движении, если бы только каждая их встреча не влекла

¹ Лависсе и Рамбо «История XIX в.», Т. VIII, стр. 28.

² Там же, стр. 30.

³ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», Ч. 1-я, стр. 251. М. 1925.

⁴ Там же, стр. 236, 246, 252, 354.

⁵ Сборник «Абиссиния», стр. 428. Изд. Академии наук СССР. 1936.

за собой сделку за счет третьей стороны, а каждое «расхождение» не грозило войной.

«Политика... — писал Клаузевиц, — является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах¹. В лоне африканской политики европейских государств с первого же дня ее рождения были заложены зародыши больших европейских войн. И чем яснее вырисовывались контуры войн, которые неизбежно должны были охватить и африканский материк, тем ожесточеннее становились торопливые усилия дипломатии добиться еще в мирное время наиболее благоприятной стратегической обстановки.

Стратегические интересы были положены в основу и Константинопольской конвенции девяти держав о Суэцком канале (1880 год), и франко-английского договора 1890 года о южном Алжире и области Нигера, и англо-германской конвенции (1890 год) об обмене Занзибара на Гельголанд. Тревога Британии о судьбах африканского берега Гибралтарского пролива нашла свое отражение в бесконечных соглашениях, оговорках, напоминаниях о специальном режиме Танжерской зоны. Германский рейхсканцлер Бюлов жестоко ошибался, телеграфируя Вильгельму II после столь напумевшей речи кайзера в Танжере (1905 год): «Английская колония в Танжере решила воздвигнуть триумфальную арку в честь вашего величества»². Англичанам в Танжере, так же как и англичанам в Лондоне, отнюдь не улыбались те притязания Германии, которые скрывались за визитом ее императора в Танжер. Еще за год до танжерской речи Вильгельма в соглашение об англо-французском «сердечном согласии» («Entente cordiale») была включена по настоянию британского кабинета специальная статья, гласившая, что и Англия и Франция «в целях обеспечения свободного прохода через Гибралтарский пролив... соглашаются не допускать возведения укреплений или каких-либо стратегических сооружений в части марокканского побережья, заключенной между Мелильей и высотами, господствующими над правым берегом Зебу...»³.

Во исполнение этой директивы французский министр иностранных дел Делькассе включил в секретное соглашение с Испанией о Марокко (1904 год) особую оговорку о Танжере, который «сохранит специальный характер». Этот «специальный ха-

рактер» Танжера упоминается и в дальнейших соглашениях: франко-марокканском договоре о протекторате и франко-испанской конвенции 1912 года.

2

В историю раздела и передела Африки вписано немало страниц, рассказывающих о том, как в тиши дипломатических кабинетов готовились планы новых походов, создавались «провоody» для вмешательства, выискивались предлоги для нападений, как, закабалая с помощью экономики свои будущие жертвы, накидывая на них петлю ростовщических займов, империалистические государства подготавливали почву для захватов.

Нападение Франции Карла X на Алжир было совершено под предлогом возмездия за оскорбление французского консула Девала, которого алжирский бей Хусейн якобы ударил ручкой своего опахала. Это отрицалось не только алжирскими арабами, но и английской прессой. Тем не менее французская эскадра высадила в июле 1830 года на берегах Алжира три пехотных дивизии и под флагом борьбы с «гнездом варваров и пиратов» начала закабаление страны.

В 1867 году лорд Нэпир вторгся в Абиссинию, воспользовавшись арестом в Аддис-Абебе английского консула Камерона. Британское правительство сделало при этом все для того, чтобы предотвратить скорое освобождение Камерона, так как в этом случае отпадал предлог для войны.

Семилетняя война англичан с кафрами в Южной Африке (1846—1853 годы) так и вошла в историю под названием «войны из-за топора». История повествует об одном кафре, который якобы украл топор, подвергся аресту, но был отбит своими соплеменниками у английского конвоя. Этот незначительный эпизод послужил поводом для кровавых репрессалий, беспощадного уничтожения кафрских племен, мужественно защищавших свою землю.

В поисках повода для захвата Туниса французское правительство официально заявило о необходимости наказать тунисское племя крумиров, беспокоивших своими набегами Французский Алжир. Однако даже парижская печать того времени вынуждена была признать, что французские войска, вторгшиеся в Тунис, нигде не могли обнаружить злокозненных крумиров. Но цель была достигнута: Тунис перешел в руки Франции. В договоре о протекторате, подписанном 12 мая 1881 года, правительство Третьей республики лобезно брало на себя обязательство оказывать тунисскому бею «постоянную помощь против всякой опасности, которая угрожала бы личности или династии его выс. или ставила бы под сомнение спокойствие его владений... Ди-

¹ Клаузевиц «О войне», стр. 144. Госвоениздат. 1937.

² «Grosse Politik». В. XX, S. 273.

³ «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 314.

дипломатические и консульские агенты Франции в третьих государствах будут вести защиту интересов Туниса и его подданных. Взамен сего, — именно так и написано в этом договоре, — его выс. бей обязуется не заключать ни одного имеющего международный характер акта, не осведомив о нем правительства Французской республики и не согласившись с ним об этом предварительно...»¹.

Стремление овладеть золотопосными залежами Трансвааля и алмазными россыпями Кимберлея толкнуло могущественную Британскую империю на войну с двумя маленькими бурскими республиками. Эта захватническая война была задрапирована в пышную тогу «борьбы с рабовладельцами», а непосредственным поводом к ней послужило убийство англичанина трансваальским полицейским. Бригадский империализм получил неплохие проценты на такой незначительный капитал, как труп безвестного забулдыги, оказавшего вооруженное сопротивление при аресте. Ловкость английской дипломатии, ее маневры привели также к тому, что буры формально первые начали военные действия, не получив в условленный срок ответа на свой ультиматум, требовавший прекращения концентрации английских войск на границах Трансвааля.

В своих «Тетрадах по империализму» Ленин выписал следующее место из книги Альбрехта Вирта «Всемирная история современности»:

«Какая-нибудь страна вызовет корыстное вожделение современной могущественной державы. Страна эта, — будь то Куба, или Либерия, или Иран, — находится в затруднительном положении, в ней происходят беспорядки, которые, однако, можно было бы уладить, если бы никто не вмешивался. Иностранная держава не дает закрыться ранам, усиливает существующие беспорядки и еще провокаторски присоединяет к старым новые... И вот в стране, где произошли беспорядки, возникает естественное озлобление против подстрекающих к беспорядкам чужеземцев. Дело доходит до взрыва народных страстей, до жестокостей. Чтобы отомстить за них, иностранная держава посылает войска и одновременно представляет подвергшейся вторжению стране счет за свое вторжение»².

По такой схеме разворачивалась история колониального порабощения и Египта, и Марокко, и многих других африканских государств. Национальное движение Араби-паши в Египте было ответом на беспощадную эксплуатацию Египта англо-француз-

ским капиталом. Воспользовавшись этим движением как предлогом для интервенции и захвата страны, Англия утвердила свое господство на берегах Нила.

«Ликвидация беспорядков» неоднократно служила поводом для вмешательства Франции в марокканские дела. В 1901 году Франция объявила о присоединении оазисов Туата и Игли под предлогом борьбы с разбойничьими бандами. Рассказывая о способах «внедрения» французского империализма в Марокко и происках тогдашнего министра иностранных дел Франции Делкассе, известный английский публицист Э. Морель писал: «Сама судьба устроила для Делкассе то, что в нужный момент один французский подданный был убит марокканцем, вследствие чего французский представитель в Танжере потребовал присылки двух французских военных судов»³.

В соглашении с Францией о разделе сфер влияния в Африке, заключенном 8 апреля 1904 года, Англия признавала, что правительство Французской республики будет «следить за спокойствием в Марокко». И во исполнение этой своей «высокой миссии» Франция вмешивалась в дела Марокко, пока не заставила в 1912 году безвольного марокканского султана Мулай-хана подписать договор о протекторате. «Е. в. султан отныне соглашается на то, — гласил этот договор, — чтобы французское правительство приступило... к военной оккупации марокканской территории, в размере, который оно признает необходимым для поддержания порядка и для ограждения безопасности товарообмена...»⁴.

С еще большим рвением действовала дипломатия империалистических государств в тех случаях, когда поле ее деятельности было предварительно удобрено кабальными, ростовщическими займами, когда она выступала, поднимая на щит неоплаченные купоны этих займов.

Колониальное порабощение Туниса началось в 1863 году, когда французские банки навязали тунисскому бейю, пользуясь его финансовыми затруднениями, заем в 39 миллионов франков на чрезвычайно тяжелых условиях. Банки удержали на «покрытие» оперативных расходов 10 миллионов франков, около 20 миллионов ушло в оплату комиссионных, премий и множества других фантастических вычетов. Тунис получил только 5,5 миллиона франков, обязавшись выплатить за это 63 миллиона франков в течение пятнадцати лет. Спустя два года бей вынужден был прибегнуть к новому займу, который отдал в руки французских банкиров все таможен-

¹ «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 236.

² В. И. Ленин «Тетрады по империализму», стр. 465.

³ Э. Морель «Десять лет секретной дипломатии», стр. 14. Гиз. 1924.

⁴ «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 354.

ные доходы государства. Еще через два года французская дипломатия могла зафиксировать в графе своих достижений полный финансовый контроль над Тунисом.

Этот же метод был применен английскими и французскими банками в Египте, но плоды здесь пожала британская дипломатия, отгеснившая Францию на второй план. Финансовое «прехопадение» египетского хедива Измаила имело трагические последствия для страны. Из 68 миллионов фунтов стерлингов, предоставленных займы Египту к концу 1875 года, египетское казначейство получило всего лишь 44 миллиона. Железные дороги обошлись Египту в 325 миллионов франков, в то время как их фактическая стоимость не превышала 75 миллионов.

Столь же изощренная финансовая «изобретательность» была проявлена позднее французским капиталом в Марокко. В 1904 году под нажимом французского кабинета марокканский султан был вынужден заключить в Париже заем в 2,5 миллиона фунтов стерлингов. Эмиссия этого займа была проведена с такой «ловкостью рук», что султан получил лишь 1920 тысяч фунтов, а в обеспечение уплаты процентов по займу Франции было предоставлено 60 процентов таможенных доходов. Следующий заем, заключенный в 1910 году на сумму 100 миллионов франков, отдал в руки ростовщиков все таможенные доходы страны.

3

Еще до мировой войны 1914—1918 годов в Африке завязался чрезвычайно сложный узел империалистических противоречий. Закулисная борьба соперничающих держав не прекращалась ни на минуту. Тайные сговоры и секретные соглашения, взаимные «компенсации» и обмены территориями прочно вошли в практику дипломатической игры.

Захват Туниса был затаенной мечтой Италии, которая, как «наследница» древнего Рима, предъявляла свои притязания на «разрушенный Карфаген». Но судьба Туниса уже была предрешена в жулуарах Берлинского конгресса 1878 года. Французский публицист Эрнест Лемонон рассказывает, что на этом конгрессе лорд Сольсбери сообщил французскому уполномоченному Ваддингтону текст заключенного Англией с Турцией тайного договора о передаче острова Кипра Англии и спросил, на какие компенсации претендует Франция. Ваддингтон, застигнутый врасплох этим вопросом, не решался отвечать, и тогда английский министр заговорил с ним о Тунисе. «Тунис, — писал Э. Лемонон, — был тогда отдаленной еще целью, к которой устремлялись зарождавшиеся колониальные

возжеления Франции, и в интересах Франции было возможно скорее достигнуть этой цели. Такого мнения придерживался и Ваддингтон, а потому он с нескрываемым удовлетворением принял предложение Сольсбери. После обмена телеграммами юбоих уполномоченных с их министрами было установлено, что Англия нисколько не помешает Франции утвердиться в Тунисе, когда ей заблагорассудится. Рассказывают, что по возвращении из Берлина Ваддингтон говорил, что привез Тунис в своем портфеле...»¹.

Эта закулисная сделка не смягчила, однако, многолетнего англо-французского соперничества в Африке. Только через два десятилетия, уже после столкновения в Фаллоде, в отношениях между Парижем и Лондоном наметился сдвиг, завершившийся созданием англо-французской Антанты. А в дни знаменитого фаллодского инцидента, когда на берегу Белого Нила столкнулись лицом к лицу английская и французская экспедиции и когда полковник Маршан вынужден был опустить французский флаг по требованию генерала Китченера, угроза войны между Англией и Францией носила вполне реальный характер.

Франция в эти дни, как сообщал в своих «Воспоминаниях» Витте, обратилась за содействием к своей союзнице — России, но Петербург посоветовал французскому правительству не доводить дело до разрыва. «Я, — писал Витте, — сказал графу Ламсдорфу, что, по моему мнению, следует откровенно ответить Делькассе, что Россия не может в данном случае поддерживать Францию на том простом основании, что флот наш столь слаб, что оказать какое-либо давление на Англию мы не можем, а с другой стороны, мы не имеем никакого непосредственного соприкосновения с Англией на сухопутной границе. Мы могли бы сделать диверсию в Средней Азии по направлению к Индии, но и тут, к сожалению, мы быстро ничего не можем сделать, потому что не связаны с Средней Азией непосредственно железной дорогой...»².

Франции пришлось отступить. 21 марта 1899 года Делькассе подписал с Англией договор, в силу которого французские владения в Центральной Африке были отодвинуты на 15 градусов к западу, и Франция оказалась окончательно отброшенной от бассейна Нила и Бар-Эль-Тезала.

Фаллода была поворотным пунктом во внешней политике Франции. Но поворот был сделан вовсе не в ту сторону, как этого, казалось, можно было ожидать. «Ду-

¹ Э. Лемонон «Очерк истории англо-французских отношений», стр. 9. М. 1923.

² Витте «Воспоминания». Т. I, стр. 332—333.

мали, — писал впоследствии Бернгард Бюлов, — что раздражение против Англии заставит Францию встать на сторону Германии, что разочарование в Судане сгладит воспоминание об утрате Эльзаса и Лотарингии и надежда на возмездие за Фашоду уступит место мысли реванша за Мец и Седан. Нельзя было более ошибаться в основах французской политики»¹. Но Франция избрала другой путь — путь сближения с Англией. В дебрях Африки был заложен фундамент англо-французского «сердечного согласия». 8 апреля 1904 года было подписано секретное франко-английское соглашение о разграничении сфер влияния в Африке.

Этот документ был смертным приговором для независимости марокканского государства. Франция окончательно признавала господство Англии в долине Шила, а Англия взамен предоставляла Франции полную свободу действий в Марокко. Статья 2-я соглашения в завуалированной форме говорила об этом, ибо она приравнивала Марокко к Египту, уже захваченному британским империализмом, и указывала, что «высокие договаривающиеся стороны» пришли к соглашению о введении в этих странах законодательных «реформ». А в секретном соглашении прямо говорилось, что «некоторое количество марокканской территории, прилегающей к Менилье, Цеуте и др. президам, должно будет в тот день, когда султан прекратит осуществлять над ними свою власть, войти в сферу испанского влияния»².

Так заранее предопределялось нарушение неприкосновенности Марокко, и так британская дипломатия заранее оговаривала, что африканский берег Гибралтарского пролива не должен попасть в руки Франции.

Но Франции предстояла еще упорная борьба за Марокко с другими, не менее серьезными и опасными противниками. Под солнцем Африки искал «места» и молодой германский империализм, опоздавший к разделу мира и непрерывно предъявлявший свои притязания. 31 марта 1905 года Вильгельм II высадился в Танжере и в произнесенной там речи подчеркнул «независимость и суверенитет Марокко». В Европе снова запахло порохом. Несмотря на энергичную поддержку со стороны лондонского кабинета и лондонской прессы Франции пришлось пойти на компромисс. Делькассе по настоянию Германии был удален в отставку. Лондонские газеты настолько дружно взяли его под свою защиту, что, по словам Меттерниха, герман-

ского посла в Лондоне, они «стали более французскими, чем парижские». Министр иностранных дел Англии лорд Лэндлоун уговаривал французского премьера Рувье не уступать давлению Германии. Шла речь даже о вооруженной помощи Франции со стороны Англии в случае войны с Германией. «Британское правительство, как рассказывал полковник Фабер, имело план снарядить и перебросить через Ла-Манш 170-тысячный экспедиционный корпус»³, — писал позднее в своих мемуарах германский дипломат Эрнст Ревентлов.

Угроза войны с Германией остановила Францию. Она согласилась на созыв в Алжесирасе международной конференции по марокканскому вопросу. Эта конференция в своем заключительном генеральном акте гарантировала «независимость» Марокко и «равенство» держав. «Попытка устранить Германию от участия в важном международном решении не удалась, — резюмировал итоги своего дипломатического демарша Бюлов. — Германия заручилась таким образом правом голоса при дальнейшем урегулировании марокканских дел, от которого она могла бы отказаться лишь при получении соответствующих компенсаций... За отказ от этого права Германия получила впоследствии часть Конго, чего она достигла благодаря только Алжесирасу и своему выступлению в 1905 году»⁴.

Ценой нового нажима на Францию после того, как германская канонерка «Пантера» совершила в 1911 году свой знаменитый «прыжок» в Агадир, Германия получила эту территориальную компенсацию во Французском Конго, сакционировав взамен захват Марокко Францией⁵.

³ Graf Ernst Rewentlow «Deutschlands auswärtige Politik 1888—1914», S. 411.

⁴ Bülow «Deutsche Politik», S. 106.

⁵ Агадир — марокканский порт на Атлантическом побережье. Появление германского военного судна «Пантера» у Агадира, мотивированное необходимостью «защиты жизни и интересов» германских подданных в Марокко, провозвело переполох в дипломатических кругах Лондона и Парижа. Лондонский кабинет дал понять, что Англия не намерена допустить Германию на марокканскую территорию. Министр финансов Ллойд-Джордж выступил с прямой угрозой войны по адресу Германии. Франко-германские переговоры, вызванные агадирским инцидентом, привели к соглашению (от 4 ноября 1911 года), по которому Германия значительно увеличивала за счет Французского Конго территорию своей колонии Камеруна на 375 тысяч квадратных километров с населением около миллиона человек. Но взамен этого Франции была предоставлена в Марокко уже полная свобода рук. Марокко, как заявил министр иностранных дел Англии Эдуард Грей, «переменило свой цвет на карте».

¹ Bülow «Deutsche Politik», S. 110—111. Berlin. 1917.

² «Международная политика новейшего времени». Ч. 1-я, стр. 316. (Подчеркнуто нами. — В. К. и В. Л.)

Когда в Риме стало известно о включении Марокко в число французских колониальных владений, итальянский министр иностранных дел маркиз Сан-Джудзиано сказал своим секретарям, взглянув на часы: «Заметьте себе день и час. Сегодня решил вопрос, что мы идем в Триполи. Нам не останется другого выбора, если мы не желаем упустить последней минуты для приобретения Триполи»¹. Итальянский империализм после войны с Турцией получил Триполи — свою компенсацию за захват Марокко Францией, компенсацию, оговоренную еще в 1903 году тайным договором, заключенным с Делькассе. Еще за двадцать лет до захвата Триполи (1912 год) итальянская дипломатия, стремившаяся создать благоприятную для этой агрессии обстановку, предприняла соответствующие шаги в Лондоне, Берлине, Вене. Лорд Солсбери посоветовал тогда Криспию подождать. «Италия получит Триполи, — говорил он, — но охотник должен ждать, пока олень не подойдет на расстояние выстрела»². Римская «Диана» терпеливо ждала своего африканского «оленья».

4

Для нравов дипломатии империалистических держав в Африке особенно характерен интересный, но, к сожалению, скупо освещенный в нашей литературе вопрос о секретных англо-германских соглашениях, предусматривавших раздел колониальных владений Португалии на «черном континенте».

На пороге XX столетия, в 1898 году, в кратковременный период англо-германского «флирта», германским послом в Англии графом Халфельдом и Бальфуrom были подписаны в Лондоне два соглашения. В первом из этих соглашений — оно не было названо секретным, но текст его, тем не менее, не был опубликован — оба правительства на условном дипломатическом жаргоне договорились защищать «неприкосновенность и независимость» Португалии и предоставить ей заем, если она будет нуждаться в деньгах. В случае «банкротства» Португалии соглашение предусматривало право Англии на получение таможенных доходов во всей той части Мозамбика, которая расположена к югу от реки Замбези, а также в центральной части Анголы. Германия же получала в свое распоряжение таможенные доходы в части Мозамбика к северу от реки Замбези, а также в северной и южной частях Анголы. Во втором, строго секретном со-

глашении были уже поставлены все точки над «и». Это соглашение устанавливало, что в случае, если, «к несчастью», не представится возможным сохранить неприкосновенность Португальской империи, обе стороны «будут пользоваться полной свободой действий в соответствующих таможенных областях», определенных первым соглашением.

Это был заключенный по всем правилам искусства буржуазной дипломатии договор о разделе при первом же удобном случае португальских колоний в Африке, и идеолог британского империализма Сесиль Родс не постеснялся с присущим ему цинизмом открыто заявить, что «экспроприация Португалии является неотложной мерой, которая диктуется международными интересами»³.

Но «коварный Альбион», заключив тайком соглашение с Германией, спустя год тоже тайком возобновил в Виндзоре старый союзный договор с Португалией, подписанный еще в XV столетии. Этот договор, гарантирующий неприкосновенность владений обоих государств: могущественной Англии и маленькой Португалии, — содержал взаимное обязательство защищать эти владения в случае необходимости. Новый виндзорский договор Англии с Португалией благодаря нескромности одного иностранного дипломата стал известен Бюлову. Этот договор, как сетовал впоследствии Бюлов, «стоял в резком противоречии с духом англо-германского соглашения относительно португальских колоний»⁴.

Англо-германские переговоры о разделе португальских колоний возобновились накануне первой империалистической войны и привели к новому соглашению, еще более угрожающему для Португалии. Со стороны Германии переговоры вел германский посол в Лондоне князь Лихновский. «Благодаря предупредительному отношению английского правительства, — рассказывал он, — мне удалось придать новому соглашению форму, абсолютно соответствующую всем нашим желаниям и интересам. Нам была предоставлена вся Ангола до 20° долготы, так что с юга мы соприкасались с государством Конго... Затем мы получили северную часть Мозамбика. Лиганго служило границей»⁵. По словам Лихновского, Англия была тогда даже готова включить в договор и Бельгийское Конго, но, писал он, «мы отказались от этого

³ См. E. Lemonon «L'Europe et la politique britannique», p. 187.

⁴ Бюлов «Воспоминания», стр. 135. 1935.

⁵ Lichnowsky «Meine Londoner Mission», S. 16—17. Berlin. 1919.

¹ См. Bülow «Deutsche Politik», S. 90—91.

² См. Дармиштедтер «История раздела Африки (1870—1919)», стр. 111. Гиз.

предложения, сдаввши вид, что боимся обидеть Бельгию»¹.

Новая редакция договора предоставляла Германии значительное преимущество по сравнению со старой. «В ней, — утверждал Лихновский, — были предусмотрены случаи, дававшие нам право вмешательства для защиты наших интересов в предоставленных нам областях. Эти случаи были намечены так широко, что, в сущности, нам самим предоставлялось решать, когда шло дело о «жизненных интересах». Таким образом, в виду полной зависимости Португалии от Англии нам оставалось только поддерживать хорошие отношения с Англией, чтобы впоследствии с согласия англичан осуществить наши общие намерения».

В главных чертах договор был готов уже в мае 1913 года. В конце июня 1914 года германское правительство дало согласие на его подписание. Но было уже поздно. Надвинулась мировая война, и дипломаты уступили свое место полководцам.

Вопрос о разделе португальских и бельгийских колоний в Африке возобновился лишь через 25 лет, когда Германия, восстановив свою разрушенную Версальем военную мощь, потребовала возвращения своих колоний. Большая часть ее колониальных владений в Африке досталась Англии. Но Лондон считал возможным удовлетворить колониальные притязания Германии за счет малых колониальных держав. «Я не считаю, — писал на страницах «Таймс» лорд Лотинан, — что эта проблема может быть разрешена путем возвращения Германии старых германских колоний. Это не разрешит трудностей Германии. Кроме того положение с 1914 года изменилось. Вопрос надо рассматривать гораздо шире. Все колониальные нации должны быть готовы принять участие в переделе территории»².

5

Первая империалистическая война создала новое соотношение сил в Европе и новую карту «черного материка». Сбылось предсказание английской консервативной газеты «Spectator», возвещавшей еще в 1898 году, в напряженные дни фашодского инцидента, что «Африка в конце концов станет французской и английской, причем Франция будет принадлежать север и запад, а Англии — восток и юг». Африка стала французской и английской. Осуществились, казалось, планы Сесилиа Родста и мечты французского президента Жюлья Ферри о колониальной политике, ко-

торая «обеспечит Францию на полвека, на век вперед».

Германия была лишена всех своих африканских колоний. Львиная доля их — 2 158 200 квадратных километров с населением в 7 миллионов человек — досталась Великобритании; 495 тысяч квадратных километров с населением в 3 миллиона человек получила Франция; на долю Бельгии пришлось сравнительно «скромная» порция в 54 тысячи квадратных километров; Италия же при этом дележе африканской добычи была обойдена.

Правда, в секретном Лондонском соглашении от 26 апреля 1915 года, преодолевшем цену вступления Италии в войну на стороне Антанты, было оговорено, что «в случае если Франция и Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти две державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритрея, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний»³.

Англо-французские дипломаты не скупились на обещания, вовлекая Италию в войну, но уже тогда они не имели уверенности в том, что эти обещания будут обязательно выполнены. За две недели до заключения Лондонского соглашения Пуанкаре записал в своем дневнике: «Мы с таким нетерпением ожидаем вступления Италии в войну, что готовы дать самые обширные обещания».

Таким образом, версальский передел мира завязал на «черном континенте» новые узлы империалистических противоречий и создал новые очаги войны. По мере того как изменялось реальное соотношение сил, Германия все громче поднимала свой голос, напоминая о том, что она не забыла и не склонна забыть о своих утерянных африканских колониях. Рим не переставал добиваться расширения границ своих владений в Африке. Незначительные компенсации Италией были получены от Англии в 1919 году. Соглашение 1935 года (Муссолини — Лаваль) увеличивало Ливийскую колонию на 120 тысяч квадратных километров и несколько расширяло границы Итальянского Сомали. Но Италия ставила себе более широкие цели.

Британская дипломатия всячески пыталась нейтрализовать растущие требования Италии, направить их в иное русло, не затрагивающее британских интересов. Соглашением с Римом 16 апреля 1938 года

¹ Lichnowsky «Meine Londoner Mission», S. 16—17. Berlin. 1919.

² «Times», 15.VII.1938.

³ «Международные отношения в эпоху империализма». Серия 3-я. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 262.

Англия пыталась стабилизировать положение в Аравии и Восточной Африке. Она готова была пойти и на уступки, но за счет, конечно, третьей стороны — за счет Франции, Бельгии или Португалии.

Бурную деятельность развернула на берегах Средиземного моря французская дипломатия. Вскоре же после заключения версальского договора ей пришлось отпарировать несколько серьезных ударов, исходивших из Лондона. Все тот же «коварный Альбион», числившийся главным союзником Франции, поддерживал денежно риффов, направленное против французского владычества, содействовал сближению между Италией и Испанией, подрывал влияние Франции в Абиссинии. Британская дипломатия продолжала развивать свою вековую «политику равновесия».

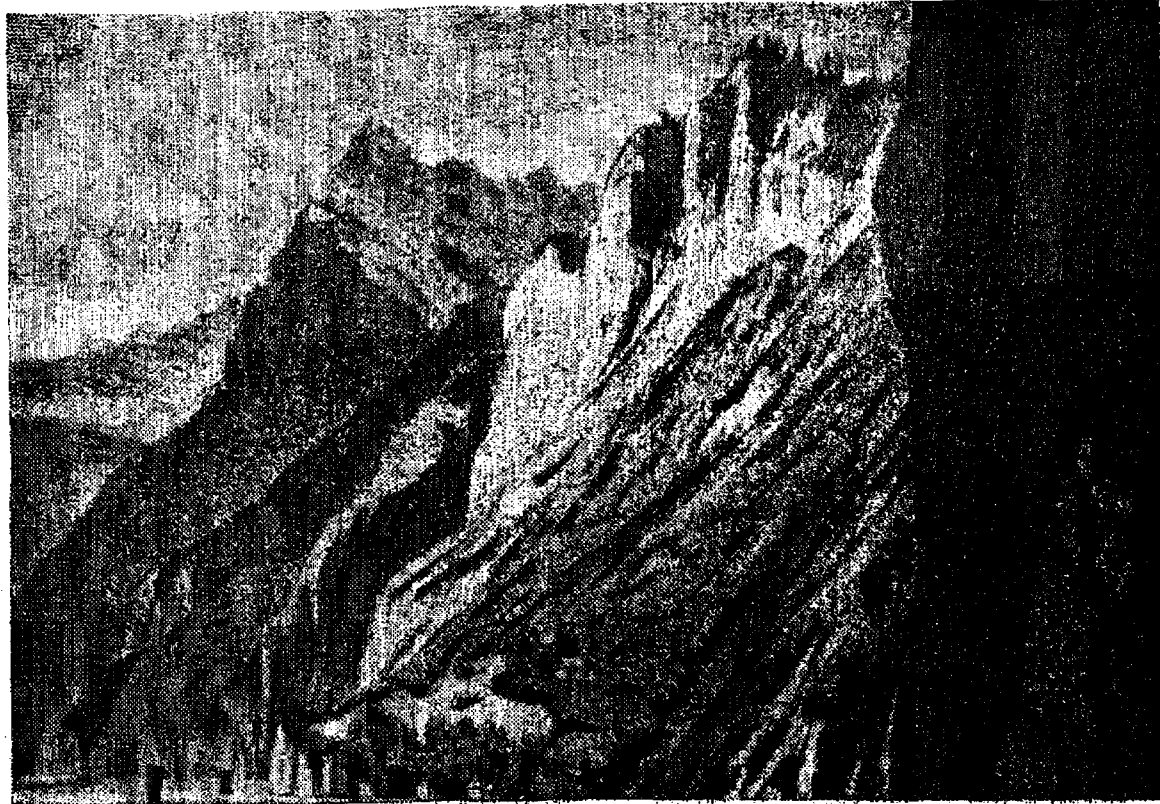
Отбивая эти удары, Франция переходила в контрнаступление. Она энергично протестовала против англо-итальянского соглашения 1920 года, разделявшего Абиссинию на две сферы влияния: английскую и итальянскую; она добилась включения Абиссинии в состав членов Лиги наций. Но старая «мерка сил» быстро изменялась,

и одна за другой рушились иллюзии, которыми вопреки всему продолжали утешаться господствующие классы Франции. Миражом в пустыне оказалось представление французской дипломатии о том, что соглашение 1935 года, отдававшее Италии страну негуса, повлечет за собой отказ Италии от притязаний на Тунис. Проигранной оказалась и ставка на итало-германские противоречия. Франсуа Понсе, назначенному правительством Даладье послом в Рим, так и не пришлось сыграть роль французского посла Баррера, которому удалось в 1915 году привезти в Париж в подарок Пуанкаре и Мильерану проект соглашения о вступлении Италии в войну на стороне Антанты.

Впрочем, времени для дипломатических маневров оставалось не так уж много. Борьба за Африку, за сохранение двумя колониальными империями их мирового господства уже выходила за пределы дипломатических канцелярий.

В Африке заговорили пушки. Начался новый этап вооруженной борьбы за «черный континент».

А. Чистозвонов

Очерки по истории Швейцарии XIII—XVI веков

1

До образования Швейцарского союза в 1291 году о Швейцарии можно говорить лишь как о понятии чисто географическом. В IX веке швейцарские земли являлись составной частью грандиозной империи Карла Великого. После ее распада, по верденскому договору 843 года, они оказались поделенными между королевствами Лотарингским и Восточнофранкским (впоследствии Германским). Области, отошедшие к Лотарингии, вскоре становятся составной частью герцогства Бургундии; территория же, вошедшая в состав Восточнофранкского королевства, делится на множество фактически независимых графств. Вместе со всей Европой они переживали период феодализации со всеми присущими ему чертами и свойствами. Старинные хроники рисуют этот период истории Швейцарии самыми мрачными красками. Вторжения диких венгерских и сарацинских орд сменяются не менее опустошительными и кровопролитными между-

усобными войнами, и летописцы с огорчением свидетельствуют о многочисленных фактах необузданного грабежа, дикого произвола и безграничного вымогательства со стороны графов и их клевретов.

Борьба германского императора Генриха IV с папой Григорием VII за приоритет власти нашла в Швейцарии живейший отклик. Видные феодальные фамилии Кибургов, Габсбургов и др., отстаивающие свою независимость, становятся на сторону папы, тогда как недовольные папским абсолютизмом епископы Лозаннский, Женевский и Базельский принимают сторону императора. Швейцарские долины в связи с этим сделались ареной жестоких междоусобных схваток.

В XI веке процесс феодализации в основном закончился. Страна покрылась густой сетью замков и монастырей — этих форпостов и цитаделей феодализма. Рост производительных сил привел к отделению ремесла от сельского хозяйства. Крестовые походы способствовали развитию обме-

на и международных связей, и в Швейцарии, расположенной на скрещении главных путей из Италии в Центральную и Северную Европу, возник ряд городов. Феодалы, получавшие от городов большие доходы, сами основывали новые поселения и давали им льготы и привилегии. Одним из самых ранних городов такого типа является Фрейбург, получивший уже в XII веке вольную грамоту от графа Церингенского.

В то же время не прекращалась борьба за преобладание между швейцарскими феодалами, в процессе которой приобретали все большее и большее могущество графы Габсбургские. Отлично используя смутные времена в своих династических интересах, они путем завоеваний, выгодных перекрестных браков и наследований добились больших приобретений. В 1172 году Габсбурги наследовали угасшему роду Ленцбургов в его правах на кантоны Швиц, Унтервальден, Ааргау и Цюрих, а к началу XIII века достигли господствующего положения в Швейцарии.

Избрание Рудольфа Габсбурга германским императором в 1273 году знаменовало собой дальнейшее усиление Габсбургов, продолжавших округление своих земель войнами и покупкой соседних владений. Вся тяжесть этой завоевательной политики ложилась на плечи швейцарского народа. В 1287 году Рудольф Габсбургский набрал в Швице 15 тысяч солдат для похода в Бургундию; в 1291 году с Цюриха был взят колоссальный экстренный налог в тысячу марок. Присоединение к владениям Габсбургов Люцерна, Гларуса и других областей и наступление на вольности Швица, Ури и Унтервальдена окончательно озлобили швейцарцев. Дальнейшие захваты Габсбургов натолкнулись на решительное противодействие швейцарского крестьянства, имевшего гораздо большие возможности для успешного сопротивления феодальному гнету Габсбургов, чем другие народы. Причина этого заключается в своеобразных чертах развития феодализма в Швейцарии, что сыграло первостепенную роль в процессе складывания Швейцарского союза.

Первой отличительной чертой швейцарского феодализма было сохранение общинного устройства (Markgenossenschaft) в деревне, поддерживавшегося наличием альменд — земель, пахотных в общественном пользовании и включавших в себя в XIII веке большую часть всех удобных земель. В состав альменды входили пастбища, луга, леса, рыбные пруды, торфяники. Члены общины пользовались альмендой в индивидуальном порядке. Право пользования альмендой принадлежало полноправным членам общины, каковыми счи-

тались исключительно главы семей. Пользование альмендой сочеталось с обязательным несением повинностей, регламентированных обычаями. Усадьба, лашня, иногда луга находились в частной собственности. Но частная форма собственности была целиком подчинена интересам коллективного пользования землей: наличие принудительного севооборота, право общины использовать частновладельческие участки под пастбища после снятия урожая говорят об этом весьма красноречиво.

Все же наличие частной собственности на землю влекло за собой имущественное расслоение в марке. Документы различают ряд категорий крестьян: полноупряжников, полуупряжников и, наконец, Tagweng'ов — безземельных или малоземельных крестьян. Последняя категория становится особенно многочисленной в XVI веке. Такая форма сельской марки в своих общих чертах типична в равной мере и для свободной и для крепостной общины.

Хотя и альменды и марка не сохранились в совершенно чистом виде, тем не менее в сочетании со значительной прослойкой свободного крестьянства, наличие которой было второй своеобразной чертой швейцарской феодальной деревни, они являлись сильнейшим барьером на пути осуществления Габсбургами своих сеньориальных претензий.

Своеобразие социально-экономического строя швейцарской деревни дополнялось значительными по тем временам политическими вольностями ряда швейцарских городов и областей. Бессилие германских императоров принуждало их платить за военную помощь, оказанную им швейцарцами, дарованием привилегий. И мы видим, что Гогенштауфены — предшественники Габсбургов, — особенно заинтересованные в обладании важными для них в стратегическом отношении альпийскими перевалами, даруют право избрания совета Базелю, статуты имперских городов — Цюриху, Берну и Солотурну, положение имперской земли — кантону Ури в 1231 году и вольную грамоту — жителям Швица в 1240 году. Грамота эта гласила, что император берет их «под свое специальное покровительство и под покровительство империи, как свободных людей...»¹. Швиц управлялся своим избираемым Landmann'ом, обладавшим судебными правами; жители его собирали для решения своих дел совет общины (Lands-gemeinde) и имели свою печать.

Поэтому наступление Габсбургов на вольности швейцарцев вызвало с их сто-

¹ В ан-Мюйден «История швейцарского народа». Т. I, стр. 151. С.-Петербург. 1898.

Император Рудольф Габсбург. XIII век.

роны организованное сопротивление. В Швейцарии сложилась своеобразная коалиция, ядро которой составляло свободное крестьянство. Сохранение марки и альменды давало крестьянам исключительно твердые позиции в их борьбе с сеньориальным гнетом, а благодаря древним вольностям лесные кантоны и города могли противопоставить уже готовые, крепкие политические организации централистическим стремлениям Габсбургов. Именно сохранение этих старинных патриархальных учреждений и объясняет дух независимости и несокрушимость воли швейцарцев, которым поют слащавые дифирамбы буржуазные историки.

2

Если при жизни императора Рудольфа владычество Габсбургов в Швейцарии держалось, в известной мере, на его личном авторитете и его дипломатических способностях, то внезапная смерть его в 1291 году и последовавшая за ней обычная склока среди немецких князей за императорский престол и преобладавшие послужили толчком к сплочению лесных кантонов с целью защиты своих прав и привилегий. Через 15 дней после смерти императора Рудольфа представители Швица, Ури и Унтервальдена заключили вечный союз, подтвержденный клятвой (отсюда и термин «Eidgenosse» — «товарищ по клятве»). Цель союза формулировалась следующим

образом: «Да будет же всем известно, что жители долины Ури, община долины Швица и община швейцарской долины Унтервальдена, ввиду худых времен и с целью более успешной защиты и самосохранения по доброй воле согласились поддерживать друг друга всеми своими силами, средствами и добрыми услугами, как внутри, так и вне страны, против всякого, кто захочет совершить насилие против них, обеспокоить их или покуситься на их личность или имущество»¹.

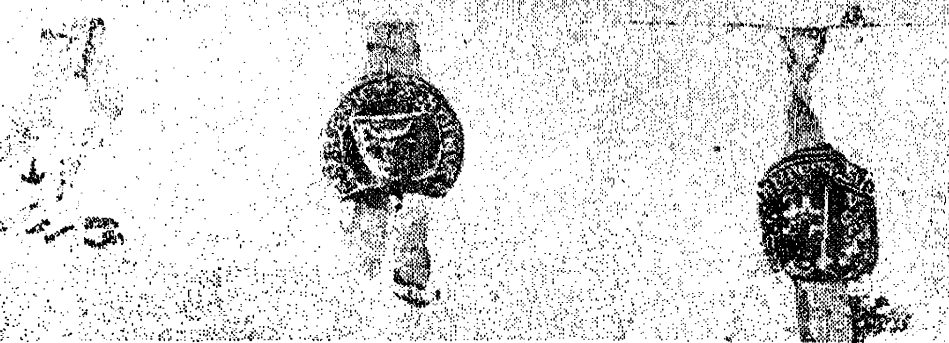
Этот договор и явился тем ядром, из которого затем развился Швейцарский союз. Цюрих, присоединившийся к нему в том же году, отошел затем под давлением Габсбургов и окончательно вошел в состав конфедерации лишь в 1351 году. В XV веке все эти события были облечены народом в форму эпической поэмы о Вильгельме Телле, давшей сюжет одноименному гениальному произведению Шиллера. Пока же положение только что родившегося союза было настолько шкотовым, что авторы этого договора поклялись держать его в строжайшей тайне. Будучи еще слишком слабыми, чтобы вступить открыто в схватку с Габсбургами, союзники, пользуясь феодальными распрями внутри самой Швейцарии, дракой князей за императорский престол в Германии, династическими противоречиями между Габсбургской, Франконской и Баварской фамилиями, добивались подтверждения своих вольностей. Но, конечно, такое положение не могло продолжаться до бесконечности, и решительная схватка была неминуема. Повод не заставил себя долго ждать.

Жители Швица давно мечтали прибрать к своим рукам тучные земли монастыря Эйнзидельн, остававшиеся невозделанными, ибо монахи предпочитали праздное тушевание тяжелой крестьянской работе. Тем не менее монастырь ревниво оберегал свои права на эту землю от посягательств швейцарских крестьян. Жители Швица решились покончить с такой несправедливостью и силой овладели спорной землей. Монастырь добился у епископа Констанцкого отлучения их от церкви. В ответ на это крестьяне в ночь на 7 января 1315 года ворвались в монастырь и разграбили его до тла, в то время как дрожащие от испуга «святые» отцы металась полураздетые по монастырскому двору. Таков был комический пролог к битве при Моргартене, имевшей столь трагические последствия для Габсбургского дома.

Герцог Леопольд I, суверен швейцарских земель, давно искавший повода сбить спесь со швейцарцев, пришел в бешенство,

¹ Ван-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 159.

...в то время, когда император Карл IV в 1356 году издал знаменитую Золотую буллу, в которой он подтвердил права императоров на избрание в Рим, но в то же время признал, что император не имеет права вмешиваться в выборы в императорский коллегий, который должен был состоять из семи избирателей: трех епископов, трех князей и одного герцога. Это решение имело огромное значение, так как оно положило конец попыткам императоров вмешиваться в выборы и тем самым укрепить свою власть. В то же время это решение способствовало развитию самостоятельности императорского коллегия и, следовательно, императорской власти.

Договор лесных кантонов о вечном союзе, заключенный в 1291 году.

узнав об этих событиях, и решил покончить с «наглостью грубых мужиков». Он высокомерно отверг посредничество, и обе стороны начали готовиться к войне.

15 ноября 1315 года Леопольд I выступил во главе блестящего и чванливого рыцарского войска по направлению к горному князю Моргартену, расположенному на границе кантонов Цуг и Швиц. Он и его сподвижники рассматривали этот поход как военную прогулку и двигались, пренебрегая всякими правилами предосторожности, по узкому ущелью, ограниченному с одной стороны озером, а с другой — крутыми склонами гор. Вдруг с торевых высот на это блестящее войско со страшным грохотом обрушилась лавина камней, а вслед за ней хлынул поток свирепых и беспощадных горцев, вооруженных аллебардами. Началась страшная резня. Войско Леопольда I обратилось в паническое бегство, оставив на поле сражения 1500 убитых, не считая утонувших в озере.

Политическое и моральное значение этой битвы было исключительно велико. Престижу дома Габсбургов был нанесен чувствительный удар.

Победа конфедератов нашла свое оформление в новом договоре, 1315 года, составленном в гораздо более уверенном тоне и уже не тайном, а публичном. Внешняя политика членов союза рассматривалась в этом договоре как общее дело, а сеньоры, применяющие вооруженное насилие по отношению к подданным, объявлялись лишены своих прав. Положение союза значительно укрепилось, и XIV век был эпохой его быстрого роста, особенно за счет городов.

Швейцарские города, расположенные в исключительно выгодных географических условиях, развивались очень быстро. Большинство из них, рано разбогатевшее на посреднической торговле, получило широкие привилегии при самом своем возникновении. В XIV веке города Швейцарии переживали период экономического расцвета. В Базеле, Люцерне, Фрейбурге, Сен-Галлене развилось производство сукон и кожи. Цюрих был крупнейшим центром шелкопрядельной и кожевенной промышленности; Женева уже тогда славилась своими ювелирными изделиями. Бушцы швейцарских городов заключали крупные торговые и кредитные сделки. Повсюду создавались цехи и купеческие корпорации. Города опоясывались линиями мощных стен. Под их защитой рядом с невзрачными домами бюргеров возмывали величественные ратуши, роскошные здания купеческих гильдий и ремесленных цехов и гордо устремлялась вверх причудливая готика кафедральных соборов. Города, наиболее развитые в торгово-промышленном отношении, — Цюрих и Базель, — скоро становятся ареной острых социальных конфликтов и цеховых восстаний, в результате которых к концу XIV века ремесленные цехи Цюриха и Берна добились своего представительства в городских советах.

Но XIV век был в то же время и периодом усиления власти местных князей, пользовавшихся бессилием императоров. Исползуя свободу, предоставленную им Золотой буллой Карла IV, они повели решительное наступление на вольности городов, одновременно стремясь прибрать к

рукам и вольные и имперские города. Естественно, что швейцарские города видели для себя очень выгодного союзника в лице союза лесных кантонов, и конфедерация быстро пополнилась за их счет новыми членами. В 1332 году к ней присоединился Люцерн, в 1351 году — Цюрих, Гларус и Цуг, в 1353 году — Берн. Присоединение их сопровождалось бесконечными войнами с сеньорами, осложнявшимися борьбой внутри самих городов против патрициата, сроднившегося с феодальными фамилиями и выступавшего против присоединения городов к конфедерации. Страницы хроник нестроят сообщениями о драматических событиях, так называемых «ночах убийств» (Mordnächte), во время которых горожане ликвидировали предательские заговоры патрициев и феодалов.

Города германского герцогства Швабии, граничащего со Швейцарией, создали лигу, преследующую цели борьбы со своеволием местных князей. Присоединение к лиге в 1385 году Берна, Цюриха, Люцерна и других швейцарских городов вовлекло конфедерацию в общеперскую политическую борьбу. Весной 1386 года Леопольд III, совмещавший свои суверенные права над некоторыми швейцарскими землями с должностью наместника имперских городов Верхней Германии и потому вовлеченный в войну и со швейцарцами и со швабскими городами, сделал ловкий дипломатический ход: помирившись со швабскими городами, он оставил швейцарцев без союзников.

Следствием этого и была битва при Земпахе в 1386 году.

Швейцарские вожди отлично использовали выгоды пересеченной местности поля битвы; после первой неудачной массовой атаки арьергарда они предприняли тактику рассыпного боя и внезапного удара главными силами, до того находившимися за прикрытием. Спешившиеся рыцари, скованные в своих движениях тяжелыми латами и длинными пиками, ставшими бесполезными после прорыва их фронта, были разгромлены и обратились в бегство. Швейцарцы, по словам летописца, «так крепко били их своими алебардами, что ничто не могло устоять перед их ударами»¹.

Битва при Земпахе была выдающимся событием, надолго сохранившимся в памяти швейцарского народа. С этой битвой связана легенда о подвиге воина Арнольда Вилькенрида, пожертвовавшего своей жизнью ради достижения победы. В момент, когда швейцарцы готовы были дрогнуть под натиском сплоченного фронта

рыцарей-латников, Вилькенрид схватил своими мощными руками охапку вражеских копий, воткнул их в землю и продолжил своим путь во вражеские ряды, заплатив за это своей жизнью. Песня, посвященная битве при Земпахе, «Seinpracher Lied» следующими словами описывает героический поступок Арнольда Вилькенрида:

«Твердо было войско дворян, густым и широким был их боевой строй... Некий Вилькенрид сказал: «Ха! Если вы позаботитесь о моих бедных детях и жене, я отвалюсь на смелое дело...» Сказав это, он быстро схватывает охапку копий; для своих прокладывает он дорогу и умирает. Ха! Он обладает храбростью льва»². Такова легенда. Фактически же этот эпизод, передвинутый народным сказанием на 136 лет назад, имел место в битве при Биккокке (1522 год), где Арнольд Вилькенрид, предводитель швейцарского отряда сельчан, погиб в схватке с командиром немецких ландскнехтов Фрундебергом.

Результатом битвы при Земпахе было заключение мирного договора 1389 года, по которому Швейцария признавалась правомочным государством.

3

Швейцарский союз уже в процессе формирования доказал свою жизнеспособность блестящими военными и внешнеполитическими успехами, приводившими в изумление всех современников. Каков же был внутренний строй этого молодого государства?

Централизованной монархией оно не могло стать уже потому, что швейцарцы вели борьбу как раз с централизаторскими стремлениями Габсбургов. Еще менее оно могло принять форму вольного дворянского государства типа польской шляхетской вольницы, чему противоречил характер общественно-экономического строя Швейцарии. Путь превращения в федеративную аристократическую республику был закрыт упорным сопротивлением лесных кантонов и эгоистическим партикуляризмом городов. Оно не могло стать и демократической республикой, ибо для этого еще не созрели соответствующие социально-экономические предпосылки. Остался единственный путь государственного объединения — конфедерация, или союз государств. Именно такую форму и принял Швейцарский союз с самого начала.

Хотя швейцарская конфедерация и была демократична для своего времени, все же ее демократизм был весьма ограниченным. Потеряв возможность непосредственно

¹ Вап-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 228—229.

² См. там же, стр. 229—230.

управлять швейцарскими землями, феодалы, пользуясь своим частично сохранившимся экономическим могуществом, оказывали подчас довольно существенное косвенное влияние на политику швейцарских кантонов, особенно в ранний период существовавших конфедераций. Поэтому словословия швейцарских националистических историков, превозносящих договор 1291 года как колыбель швейцарской свободы, следует принимать с большими оговорками. Нельзя представлять себе швейцарскую конфедерацию как «мужническое царство» — заблуждение, весьма распространенное среди немецких крестьян, видевших в ней свой идеал во времена крестьянской войны в Германии.

Энгельс характеризовал лесные кантоны как области, где «...несмотря на демократическую конституцию, населением, состоящим из невежественных пастухов, управляют на патриархальных началах несколько богатых землевладельцев»¹, где «...варварство сохранилось в своем первобытном виде почти вплоть до питания жемудами»².

Эти обстоятельства нашли свое отражение и в тексте самого договора, составленного весьма предупредительно по отношению к сеньориальным правам Габсбургов. В нем оговаривалось, что все его положения должны выполняться «без ущерба для обязательств, которые, смотря по положению каждого, лежат на нем по отношению к сеньору»³. Люцерн и ряд других кантонов вступили в конфедерацию, влача за собой кандалы сеньориальной зависимости уже после того, как в коренных кантонах она была в основном ликвидирована. Правда, в процессе дальнейшей борьбы швейцарцы смелее ликвидировали сеньориальные оковы, но лишь по отношению к феодалам, выступавшим против них с оружием на поле битвы. Но даже и в этих случаях их ликвидация часто принимала форму выкупа; сеньор, или фогт, уступал свои феодальные права «добровольно» (auf Gnaden) общине за соответствующую мзду.

Швейцарцы боролись, по существу, не против всей системы феодальных общественных отношений, а за старинные вольности, стремясь консервировать старые патриархальные отношения. Это обстоятельство со всей силой сказалось значительно позднее — в XVII—XVIII веках. Другое внутреннее противоречие конфедерации — противоречие интересов городских и лесных кантонов — проявилось с

самого начала, все время нарастая, пока не превратилось в непримиримый антагонизм.

В соответствии с духом узкого партикуляризма, типичного вообще для Швейцарии всех времен, такие могущественные города, как Цюрих и Берн, с самого начала претендовали на особое, привилегированное положение в союзе. Энгельс со свойственным ему сатирическим даром рисует следующим образом соотношение сил лесных и городских кантонов: «...честные, упорные альпийские пастухи... освободились от господства австрийского орла, чтобы попасть под иго цюрихских, люцернских, бернских и базельских буржуа. Эти горожане заметили, что коренные швейцарцы так же сильны и так же глупы, как и их быки. Они вошли в Швейцарский союз и с тех пор спокойно сидели дома за прилавком, в то время как твердоголовые альпийские пастухи воевали за них с дворянством и князьями. Так было при Земпахе, Грансоне, Муртене и Намси. Им оставили при этом право устраивать свои внутренние дела по своему усмотрению, и они оставались в счастливейшем неведении относительно того, как эксплуатируют их возлюбленные братья по союзу»⁴.

Эта картина вполне соответствовала действительности. Цюрих поставил условием вступления в союз независимость своей внешней политики. Кроме того в случае каких-либо столкновений лесные кантоны обязывались немедленно идти ему на помощь, не дожидаясь формального призыва. Договор 1353 года с Берном был в точности списан с цюрихского. В Берне лесные кантоны видели противовес великодержавным стремлениям Цюриха, и они не ошиблись. На следующий же год войска Берна, как союзного Австрии города (и Берн и Цюрих, руководясь местными интересами, не порывали союза с Австрией), вкупе с войсками Габсбургов осадили... город Цюрих. Такое положение вещей создало с самого начала сильнейшие центробежные тенденции, грозившие единству швейцарской конфедерации.

Все же между кантонами существовали не только разногласия, но и известная связь, отразившаяся в двух документах, относящихся к XIV веку.

Первый из них — так называемый «акт о священниках» (Pfaffenbrief). По этому акту, духовенство лишалось всякой юрисдикции, выходящей за пределы чисто религиозных вопросов. Апелляции в иноземные суды, в том числе и в папскую курию, запрещались. Священники, нару-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 228.

² Там же, стр. 227.

³ Вая-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 159.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 229.

шившие этот акт, лишались покровительства закона. Кантоны взаимно обязывались поддерживать порядок и безопасность на своей территории.

Вторым документом является земпахский договор. Основные положения его следующие: все люди стремятся жить в мире и безопасности как у домашнего очага, так и в пути; поэтому собственность должна нерушимо соблюдаться, а приезжие купцы пользуются гостеприимством жителей и покровительством властей; высшим долгом каждого является защита родной земли, а трусость и бегство с поля битвы должны караться самым суровым образом; военная добыча делится сообразно с силами союзников, участвовавших в деле¹.

Как ни примитивно содержание этих договоров, все же они представляли известный шаг вперед в деле внутренней консолидации Швейцарии. Оба акта решительно запрещали получение пенсий от иностранных государей.

4

С начала XV века, уверенные в своих силах конфедераты переходят от войн оборонительных к войнам наступательным и захватническим.

Пробным шагом в этом направлении были итальянские войны. Издавна связанные торговыми сношениями с Миланом, жители Швица и Ури жадным оком смотрели на пограничные земли Миланского герцогства — Левентину, Беллинцону и богатую долину Оссола. Мир с Австрией развязал им руки, и они сочли момент достаточно удобным, чтобы овладеть этими лакомыми кусками. Разлад между завоевателями и энергичные военные действия со стороны герцога Миланского, владельца этих областей, осложнили в дальнейшем положение лесных кантонов. Военные действия долго шли с переменным успехом и лишь в 1440 году закончились победой Ури, окончательно овладевшего Беллинцоной.

Ободренные первыми успехами, швейцарцы все шире развешивали наступление на соседние области. Воспользовавшись конфликтом между императором и Австрией, они захватили в 1415 году коренную провинцию Габсбургов Ааргау, а в 1469 году такой же участи подверглась и другая исконная австрийская провинция — Тюргау. Собравшись с силами, австрийский герцог Сигизмунд III решил отомстить за такое унижение и начал военные действия против швейцарцев. Но терпевший поражение за поражением в этой войне Сигизмунд вынужден был за-

ключить позорнейший для своего престижа Вальдстутский мир, по условиям которого он отказывался от своих прав на захваченные швейцарцами области и обязывался уплатить им 10 тысяч флоринов контрибуции.

Финансовое положение его сделалось столь плачевным, что ради получения денег, необходимых для уплаты контрибуции, он отдал в залог за 50 тысяч флоринов свои эльзасские владения бургундскому герцогу Карлу Смелому. Сигизмунд считал, что совершил очень ловкий ход, ибо Карл Смелый должен был теперь защищать эти земли собственными силами от притязаний Берна, давно строившего планы их завоевания. В действительности Карл Смелый не собирался из-за эльзасских владений Сигизмунда портить отношения со своими соседями-швейцарцами. Но в дипломатическую игру вмешался новый участник — французский король Людовик XI, всеми средствами стремившийся сокрушить могущество Бургундского дома, мешавшего ему в деле политической централизации Франции. Людовик XI, умело используя экзальцированные стремления Берна в отношении Эльзаса, добился того, что слабые в дипломатии, но сильные на поле боя швейцарцы дали вовлечь себя в коалицию Империи и Франции против Бургундии. Таким образом, Карл Смелый вынужден был вступить в войну.

Наивные швейцарцы, рассчитывавшие играть второстепенную роль в предстоящей войне, были вероломно преданы своими союзниками. Людовик XI, испугавшись военного могущества Карла Смелого, а вслед за ним и император Фридрих, желавший отомстить швейцарцам за обиды, нанесенные ими Габсбургам, неожиданно заключили сепаратный мир с Карлом Смелым. Последний решил жестоко наказать швейцарцев.

Однако ход военных действий в швейцарско-бургундской войне принял неожиданный оборот. Первой в цепи трагических битв этой войны была битва при Грансоне 2 марта 1476 года. Карл Смелый, уверенный в своей победе, беспечно двигался от Грансона навстречу швейцарцам во главе 14-тысячной армии, подкреплённой самой сильной в Европе артиллерией, состоявшей из нескольких сот пушек. Внезапно он натолкнулся на швейцарское ополчение. Сражение разыгралось неожиданно для обеих сторон. Карл не сумел использовать преимуществ своей позиции и выгоды во времени, бывшей на его стороне. Атака его конных жандармов была отражена швейцарским авангардом, и в дальнейшем сражение быстро превратилось в разгром бургундской армии. Потери бургундцев людьми были певелики, всего не-

¹ См. В а н - М ю й д е н. Цит. соч. Т. I, стр. 236.

сколько сот человек, но очень значителен был моральный эффект. Велик был и материальный ущерб, нанесенный Карлом Смелым. Вся его артиллерия и огромный обоз оказались в руках победителей. Карл Смелый, болезненно любивший роскошь, выступил в поход со своей драгоценной золотой и серебряной посудой, бриллиантами, роскошным гардеробом, сотнями шелковых и бархатных боевых шатров, шитых золотом. Ликующие победители делили эту добычу несколько дней.

Следующее сражение, еще более удачное для швейцарцев, разыгралось 22 мая 1476 года близ Муртена. Карл Смелый, хвастливо заявивший, что сотрет Берн с лица земли, а на его развалинах поставит камень с надписью «Здесь стоял город, ранее называвшийся Берном», не учел печального опыта Грансона. Хотя армия его была больше по количеству, достигая 20 тысяч человек, и находилась в укрепленном лагере, он дал опять захватить себя врасплох. Стремительным натиском швейцарцы быстро смяли посты передового охранения бургундцев и, ворвавшись в лагерь, привели в полное смятение главные силы, находившиеся в лагере. Армия Карла Смелого «пришла в полное расстройство в более короткий промежуток времени, чем какой нужен был для того, чтобы прочесть Мисереге (католическая молитва. — А. Ш.)»¹, — сообщает миланский посол Паннигарола. Бургундцы потерпели сокрушительное поражение: семь тысяч их — треть армии — полегло на поле битвы. Потери швейцарцев были незначительны.

В битве при Нанси (5 января 1477 года), где швейцарцы дрались в качестве наемников герцога Лотарингского, Карл Смелый с самого начала находился в затруднительном положении. Хотя позиция его и была достаточно сильна с фронта, зато он имел в тылу гарнизон осажденного Нанси, войско, в два раза меньшее по численности чем у врага, и слабые фланги. Противник, воспользовавшись метелью, удачно маскировавшей его обходное движение, почти одновременно ударил по обоим флангам бургундцев и быстро одержал полную победу. В этой битве пал и сам Карл Смелый. Таков был эпилог кровавой эпохи бургундских войн.

Бургундия как могущественное государство прекратила свое существование. Но для Швейцарии не наступила длительная передышка от изнурительных войн. По-прежнему продолжались мелкие стычки с соседями, завершившиеся в конце XV века ниварской войной. Последняя была вызвана централизаторскими действиями императора Максимилиана. Он решил во что

¹ См. Ваг-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 335.

Печать кантона Швиц. 1291 год.

бы то ни стало укрепить трещавшее по всем швам здание «Священной империи» и подчинить все формально входившие в ее состав земли единому финансовому и политическому контролю имперской палаты. Швейцарцы отказались ему подчиниться и заключили союз с Францией против Империи. Начавшиеся военные действия неизменно складывались в их пользу, и в 1499 году Максимилиан подписал уничижительный для себя мир, устанавливавший de facto независимость Швейцарии от императора.

Окончательно свои споры с Габсбургами швейцарцы покончили наследственным миром, заключенным в 1511 году в Бадене. Обе стороны обязывались соблюдать вечный мир и взаимно не стеснять торговую свободу. Конфедерация за ежегодную пен-

Печать кантона Ури. 1291 год.

сию по 200 флоринов на каждый полноправный кантон и по 100 флоринов на

Печать кантона Унтервальден. 1291 год.

каждую союзную землю брала под свое покровительство Франш-Конте (графство Бургундское).

Рост конфедерации за это время шел не только за счет завоеваний, но попрежнему за счет присоединения к ней новых полноправных кантонов и союзных земель. В 1481 году к ней присоединились Фрейбург и Солотурн, в 1501 году — Шаффгаузен и Базель; с присоединением в 1513 году Аппенцелля число полноправных кантонов достигло 13 (таким оно и оставалось до самой швейцарской революции 1848 года).

Переход швейцарцев к завоеваниям ознаменовался большими сдвигами внутри самой конфедерации, причем сдвигами отрицательного характера. Итальянские провинции: Ааргау, Тюргау и множество других областей — не только не получили равноправия и свободы после их завоевания швейцарцами, а оказались еще более угнетенными. Роль их прежних сеньоров взяла на себя вся конфедерация. Они управляли поочередно по 2 года фогты каждого кантона, грабившие подчиненные им области самым безудержным образом. Каждый кантон кроме того обзавелся еще собственными фогствами, рассматриваемыми им как неиссякаемый источник доходов. Союзные земли: Биль, Герсау, аббатство и город Сен-Галлен, Ротвейль, Мюльгаузен, Женева, Невшатель, Граубюнден и Валлис — не имели права голоса при решении внутрисоюзных и внешнеполитических вопросов и находились фактически в состоянии подданства.

Швейцарцы, дотоле так кичившиеся своей свободой и демократичностью, теперь несли другим рабство и подчинение. Конфликты между лесными и городскими кантонами все учащались и принимали

все более резкие формы, сводя на-нет блестящие военные успехи конфедерации.

Из-за дележа выморочной сеньории Тоггенбургов вспыхнула в 1440 году война между лесными кантонами и Цюрихом. Присоединение Валлиса сопровождалось острым военным конфликтом между лесными кантонами и Берном. Если лесные кантоны не были достаточно политически зрелыми, чтобы стать во главе конфедерации, то у них оказывалось достаточно сообразительности, чтобы разстроить широкие планы своих городских собратьев по союзу. Особенно показательны в этом отношении политические итоги бургундских войн, столь жалкие по сравнению с военными успехами, одержанными в них швейцарцами. Уже при Грансоне и Муртене лесные кантоны с большой неохотой приходили на помощь Берну, жадно тянувшемуся к бургундским землям, и лишь в тот момент, когда промедление грозило интересам их собственной безопасности. Разбив врага и поделив награбленное, войска лесных кантонов немедленно возвращались обратно, не помышляя об использовании результатов своей победы. Их незаинтересованность в этих землях и боязнь дальнейшего усиления и без того слишком могущественногоерна перевешивали в них злобу к врагу. Когда же битва при Нанси окончательно ликвидировала Бургундское герцогство, послы лесных кантонов охотно дали себя обойти ловкому интригану Людовику XI. Они согласились возвратить страну Во, уже оккупированную Берном, Савойе, отказались от Франш-Конте, жадными руками хватали французское золото и ради личной выгоды и узкого партикуляризма продали общие интересы конфедерации королю Франции.

Копчилось это печально. В войне, завязавшейся между Людовиком XI и Максимилианом I из-за дележа бургундского наследства, швейцарские наемники дрались с равным озлоблением в войсках обеих воюющих сторон, что вызвало в стране бурю негодования. Мелкие и своекорыстные интересы господствовали над общей целью. Это сказалось и в конфликте, разгоревшемся по вопросу о принятии в союз Фрейбурга и Солотурна. Лесные кантоны, боясь нарушения выгодного для них соотношения голосов 5 : 3 в совете конфедерации, решительно возражали против предоставления полноправия Фрейбургу. Дело дошло до больших внутренних беспорядков и анархии. Распоясавшиеся банды военных наемников совершали самовольные завоевательные походы в соседние земли, и лишь в 1481 году был заключен спасительный Станский договор, смягчивший на время внутренние противоречия в

стране и сыгравший выдающуюся роль в истории Швейцарии.

Образовавшийся в процессе конфликта особый союз пяти городов был распущен. Фрейбург и Солотурн были приняты в конфедерацию без права ведения самостоятельной внешней политики. Всякое своеволие подданных подлежало пресечению военными мерами.

Станисский договор все же был слишком слабой протрадой в сравнении с набором тех сил, сдерживать которые он был призван. Войско швейцарцев «становилось все более и более разнузданным и склонным к грабежу»¹, — замечает Дельбрюк.

Все противоречия швейцарской конфедерации проорывались в событиях, приведших в начале XVI века к войне с Францией и битве при Мариньяно. Швейцарцы, служившие в войсках герцога Миланского, на основании конституции 1373 года, избалованные безнаказанностью, ободряемые политическим бессилием Италии и молчаливой благосклонностью властей лесных кантонов, захватили в 1513 году Милан, поставив его под фактический протекторат конфедерации. Это было совсем не по душе французскому королю Франциску I, имевшему относительно Милана свои собственные планы. Угрозами, подкупами, поглотившими около миллиона флоринов, и умелым использованием противоречий между лесными кантонами и Верном, не заинтересованным в Милане и горевшим желанием отомстить лесным кантонам за их вероломство в отношении страны Во, Франциску удалось склонить конфедератов к уступке ему Милана и заключить с ними соглашение о вечном мире и вербовке наемников. По заключении договора весьма им довольные бернцы немедленно ушли во свояси; однако войска лесных кантонов, крайне возмущенные его условиями, остались на месте. Конфликт между Францией и лесными кантонами был обострен римским папой, так как это соглашение противоречило и интересам его святейшества, отнюдь не желавшего иметь в качестве столь близкого соседа короля Франции. Поэтому папский агент кардинал Шиннер получил задание спровоцировать столкновение между французами и швейцарцами. Ловкий пройдоха Шиннер успешно справился с поручением, и мелкий инцидент благодаря провокации перерос в сражение при Мариньяно 13 сентября 1515 года.

Швейцарцы, оказавшиеся на невыгодных позициях перед численно превосходящей их и снабженной мощной артиллерией армией Франциска I, вынуждены были впервые отступить с поля битвы, понеся очень большие потери. От полного разгрома

Швейцарский пехотинец. XV век.

спасли их лишь политические соображения Франциска I, желавшего видеть в них не врагов, а будущих союзников. Сражение это, трактуемое традицией как легендарная битва гигантов, на самом деле не представляет ничего интересного. Дельбрюк говорит, что считал бы его даже недостойным упоминания в военной истории, «если бы не представлялось полезным оспорить ложную традицию более правильным изображением и в то же время дать яркую иллюстрацию сражения, искаженного политикой»².

После этих событий заключенный ранее договор был подтвержден и оказался поворотным пунктом в истории Швейцарии, надолго втянув ее в орбиту французской политики. В итоге описанных событий и без того чуждое дереву швейцарской свободы еще ниже опустило свои ветви под тяжестью всех этих преступлений против тех принципов, во имя которых оно было возвращено в конце XIII столетия.

Но если швейцарская свобода была довольно призрачна, то вполне реальна была военная доблесть ее сынов, ради которой могущественнейшие государи Европы сорвали золотом, а их послы ласкливо заискивали перед влиятельными деятелями швейцарских кантонов.

5

Причину высокой оценки, даваемой современниками швейцарским наемникам, мы легко выясним, если познакомимся в самых общих чертах с тенденциями развития

¹ Г. Дельбрюк «История военного искусства». Т. IV, стр. 77. М. Госвоентга. 1938.

² Г. Дельбрюк. Цит. соч. Т. IV, стр. 81.

военного дела в XVI веке и боевыми качествами швейцарских наемных войск. Рыцарская конница, игравшая решающее значение на протяжении всего Средневековья, предоставляла пехоте ничтожную, чисто вспомогательную роль. Центр тяжести битвы ложился не на тактический маневр и действие крупных соединений, а на индивидуальный бой, вследствие чего все сражения Средневековья представляли, по сути дела, сумму разрозненных стычек, где решающее значение для достижения победы имели личные боевые качества каждого отдельного воина.

Развитие огнестрельного оружия внесло крупные изменения в эту тактику. Решающими теперь стали тактические действия крупных соединений пехоты, совершенно отбрасывавших на задний план прежнего господина поля боя — рыцарей, закованных в латы. Последние играли теперь второстепенную роль и даже это свое положение сохраняли, лишь превращаясь в кавалерию, действующую более или менее сплоченной массой и применяющую, помимо холодного оружия, и огнестрельное, как это сделали немецкие рейтары. Гениальный политик и военный теоретик XVI века Макиавелли так оценивал тогда соотношение обоих видов оружия: «Конница, конечно, нужна, но все же это не первая, а вторая основа войска»¹, ибо «жизненной силой всякого войска, без сомнения, является пехота»². Основным контингентом для пехоты могло служить лишь крестьянство, но классовое чутье вполне определенно подсказывало феодалам всю рискованность вооружения своих собственных крепостных. Единственным выходом из этого положения было создание многочисленных наемных армий, которые и становились основой военных сил феодальных государств Европы в XVI веке, предпочитавших, скорее, терпеть своевольные разнузданной наемной военщины, нежели стать ареной крестьянских восстаний.

Новые условия боя предъявляли совершенно иные требования к солдату и командиру. Требовалось — хотя и элементарное — тактическое единство действий, подвижность, маневренность, умение применяться к местности и, наконец, самое главное — жесткая дисциплина. Эти качества в совокупности были присущи швейцарцам более чем каким-либо другим войскам того времени.

Этот маленький народ вынес многовековую, напряженную борьбу за независимость и внес немало славных страниц в историю развития военного искусства. В ходе этой многовековой борьбы и выработался у швейцарцев неслыханный

дух и несокрушимая вера в силу своего оружия. Их военное мастерство не было плодом теоретического творчества гениального полководца, а складывалось эмпирически и проверялось в огне многочисленных битв. Слишком бедные для того, чтобы содержать конное войско, закованное в латы, швейцарцы должны были с самого начала усвоить тактику ведения боя большими сплоченными массами, что вообще составляет специфическую черту тактики народных армий прошлого. Внезапность удара, умелое использование выгод местности — дополнительные причины их успехов.

Вооружению швейцарцев вначале не отличалось разнообразием. Они в подавляющем большинстве были вооружены аллебардами. Владение этим оружием требовало минимума искусства, но зато огромной физической силы. В XV веке швейцарцы, после первых столкновений с итальянскими кондотьерами, переняли у них длинные пики, которые приобрели в XVI веке господствующее значение. Это новое вооружение в сочетании с гибкостью, подвижностью и дисциплинированностью создало исключительное преимущество швейцарской пехоте.

Наемные войска швейцарцев выросли организационно из системы народной милиции, сохранившейся в Швейцарии с патриархальных времен, и лишь в мелочах — большая организованность, лучшие качества вооружения — отличались от территориальных войск. Полк и рота были хозяйственными единицами. Тактической единицей была баталья, размеры которой определялись в зависимости от совокупности условий боя. В марше полк обычно охранялся кавалерией. Он расчленялся на роты, построенные таким образом: впереди шли панцирные копейщики, в середине — аллебардчики, по углам — стрелки, замыкающие — беспанцирные копейщики. Такое построение в случае неожиданного нападения давало возможность быстро построиться в боевом порядке. Передний и задний ряды копейщиков прикрывали соответствующие фланги, стрелки выступали вперед и открывали огонь по приближающемуся противнику, а под их прикрытием сомкнувшиеся батальи образовывали знаменитый швейцарский «Igel» («еж»), оцепинившийся тысячами копий. Интенданты рот составляли своеобразное передовое охранение, часто с боем отбивавшее отставший обоз противника.

В бою швейцарский полк делился на авангард, главную баталью и арьергард. Создаваемая этим эшелонированием глубина наступающей части гарантировала от случайностей и обеспечивала возможность

¹ Н. Макиавелли «О военном искусстве», стр. 65. Военгиз. М. 1939.

² Там же, стр. 34.

поддержки передовых частей и обходного флангового движения. Фланги обычно прикрывались кавалерией или связанными железными цепями позозками («Wagenburg»). Построенные таким образом, швейцарцы бесстрашно шли в атаку, и обычно первым же натиском копейники прорывали фронт противника. Тогда наступала очередь аллебардчиков. Строй размыкался, аллебардчики довергали разгром и вели преследование врага. Все современники отмечают исключительное упорство швейцарцев в бою. Если они даже оказывались рассеянными, то собирались кучками и продолжали драться камнями и всем, что попадало под руку. «...они позволяли убивать себя за свое жалованье с величайшей добросовестностью»¹, — отмечал Энгельс.

Очень интересна внутренняя организация швейцарских войск. Их уставы предписывали строжайшую дисциплинированность. Бегство с поля боя рассматривалось как самое тяжкое и постыдное преступление. «Если кто-либо побежит или отступит, то ближайший, кто бы он ни был, должен убить этого беглеца, и совершивший это убийство не должен нести за то никакой ответственности»², — гласил один из параграфов их военного устава.

Дезертирство, азартные игры, пьянство, богохульство, пасилие и разнузданность наказывались самым суровым образом. Караульная служба строго регламентировалась, и самовольный уход с поста рассматривался как один из самых тяжелых проступков. Всех врагов предписывалось беспощадно убивать, за исключением наиболее знатных, за которых можно было получить большой выкуп. В полку существовал свой суд, разбиравший все проступки дисциплинарного, уголовного и гражданского характера по законам родины.

Таковы в общих чертах тактические приемы и система организации швейцарских войск, сделавшихся образцом для европейской пехоты XVI века. Слава швейцарцев была настолько широка, что каждый государь и даже владетельный князь старался достать себе хоть несколько швейцарских наемников в качестве личной стражи. Стражники-швейцарцы были так популярны, что сделались синонимом этой должности, откуда происходит и самый термин «швейцар», получивший бытовое значение и сохранившийся до нашего времени.

Последовавшая за битвой при Мариньяно серия договоров, заключавшихся конфедерацией с французскими королями, облекла

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 229.

² Segesser «Ludwig Pfyffer und seine Zeit». В. I, S. 634. Bern. 1880.

наем швейцарцев в твердые договорные формы. Обе стороны обязывались оказывать друг другу взаимную помощь, если одна из них подвергнется нападению. В случае военной угрозы король Франции, имевший преимущественное право перед другими государями в наборе наемников, посылал требование о наборе властям кантона. После санкционирования его общесоюзным советом командиры, выделенные властями кантонов, должны были приступить к вербовке наемников. Размер набора устанавливался от 6 до 16 тысяч человек. Набранные войска должны были служить королю Франции столько времени, сколько ему будет угодно, но обязаны были защищать лишь земли, принадлежавшие ему исстари, и не должны были использоваться в военных действиях против тех стран, с которыми швейцарцы состояли в аналогичных договорных отношениях. По условиям договоров, каждый кантон получал в общей сложности 3 тысячи флоринов, а союзные земли — по тысяче флоринов в год. Договоры детально устанавливали размеры вознаграждения и сроки его уплаты. Командиры, кроме оговоренных ставок, получали еще так называемые «appointement secret» и «roug son estat» — дополнительные вознаграждения в знак особой благосклонности короля к кому-либо из них; размеры их колебались в зависимости от заслуг и боевых качеств командира и достигали порой весьма значительной суммы. Так, виднейший швейцарский полководец XVI века Людвиг Пфиффер получил за поход 1567 года «roug son estat» 600 ливров, т. е. столько, сколько получали в год по договору 1515 года город и аббатство Сен-Галлен и графство Тоггенбургское, взятые вместе.

Французское золото с этих пор становится важнейшим фактором, подчас определяющим политику швейцарских кантонов, а профессиональное наемничество и коррупция — проклятием этого воинственного народа. Но следует подчеркнуть значительное отличие швейцарского наемничества от наемничества немецких ландкнехтов и рейтаров. Если в Германии уход в наемные войска был частным делом нанимающегося и приватной статьей дохода немецких князей, то в Швейцарии он был поставлен под контроль властей.

По договору, швейцарцы обязаны были поддерживать французского короля и в случае внутренней войны во Франции, но они не должны были использоваться против своих союзников (чтобы предотвратить возможность столкновения соотечественников, которые могли оказаться во враждебных армиях, как это имело место в XV веке). Обе стороны обязывались не разрешать на своих территориях враждебных союзику

организаций и не брать под защиту закона эмигрантов враждебных политических партий.

Командиры швейцарских наемных войск подробно информировали свои власти о политической обстановке во Франции и действовали строго в соответствии с инструкциями, получаемыми от них. Бесславный для французской короны Амбуазский мир с гугенотами так возмутил швейцарцев, что власти католических кантонов потребовали у полковника Пфиффера немедленного возвращения и отказа в повиновении еретика Кондэ. На это Пфиффер успокаивающе отвечал, что «Кондэ не имеет над ними никакой власти и полномочий, и мы этого ни в коем случае не позволим, а потребуем паспорта и вернемся на родину»¹.

В дальнейшем, в XVI веке, поле действия швейцарцев сузилось и ограничилось в основном пределами Франции, где происходили кровопролитные войны между гугенотами и католиками. Союз с Франциском I сделал швейцарцев участниками в общем малоуспешных войн этого монарха, и в лавровый венок победителей при Грансоне и Муртене оказались вплетенными тернии поражений при Бижокке и Павии, где швейцарцы понесли большие потери чем во всех своих предыдущих победоносных сражениях, вместе взятых. По договору с Франциском I, швейцарцы обязывались помогать ему против врагов внутренних, «которые будут иметь намерения открыть враждебные действия или выступить против него в королевстве Франции»² и других подвластных ему землях. На основании это-

го пункта договора Швейцария оказалась втянутой в борьбу партий во Франции, и ее наемные войска играли выдающуюся, если не решающую, роль в многочисленных сражениях религиозных войн.

* * *

Швейцарская конфедерация, начавшая свое существование в конце XIII века в форме слабого союза трех лесных кантонов, расширилась и окрепла в ходе освободительной борьбы, сбросив с себя феодальное владычество немецких князей. Вводя непрестанные войны за свою независимость, швейцарцы создали превосходное войско, почти не знавшее поражений. Но недолго Швейцария наслаждалась свободой, столь воспеваемой националистической историографией. На место прежних феодальных властителей пришли вскоре новые господа — крупные землевладельцы и военная аристократия в лесных кантонах, буржуазный патрициат в городах. Хваленая демократия превратилась в завуалированную форму тирании, а доблестные, но неискушенные в политических интригах швейцарские войска стали объектом беззастенчивого торга своих новых повелителей. Бродя по армиям почти всех монархов Европы, они боролись за чужие выгоды и интересы. Погрязшая в средневековых предрассудках и не гнушавшаяся феодальной эксплуатации крепостных крестьян подвластных ей фогтств, швейцарская буржуазия в дальнейшем становится оплотом замшелой реакции в Европе и верной ее помощницей, посылая повсюду своих наемников подавлять революционные выступления народных масс. Она «живет этой торговлей людьми и чтит ее»³.

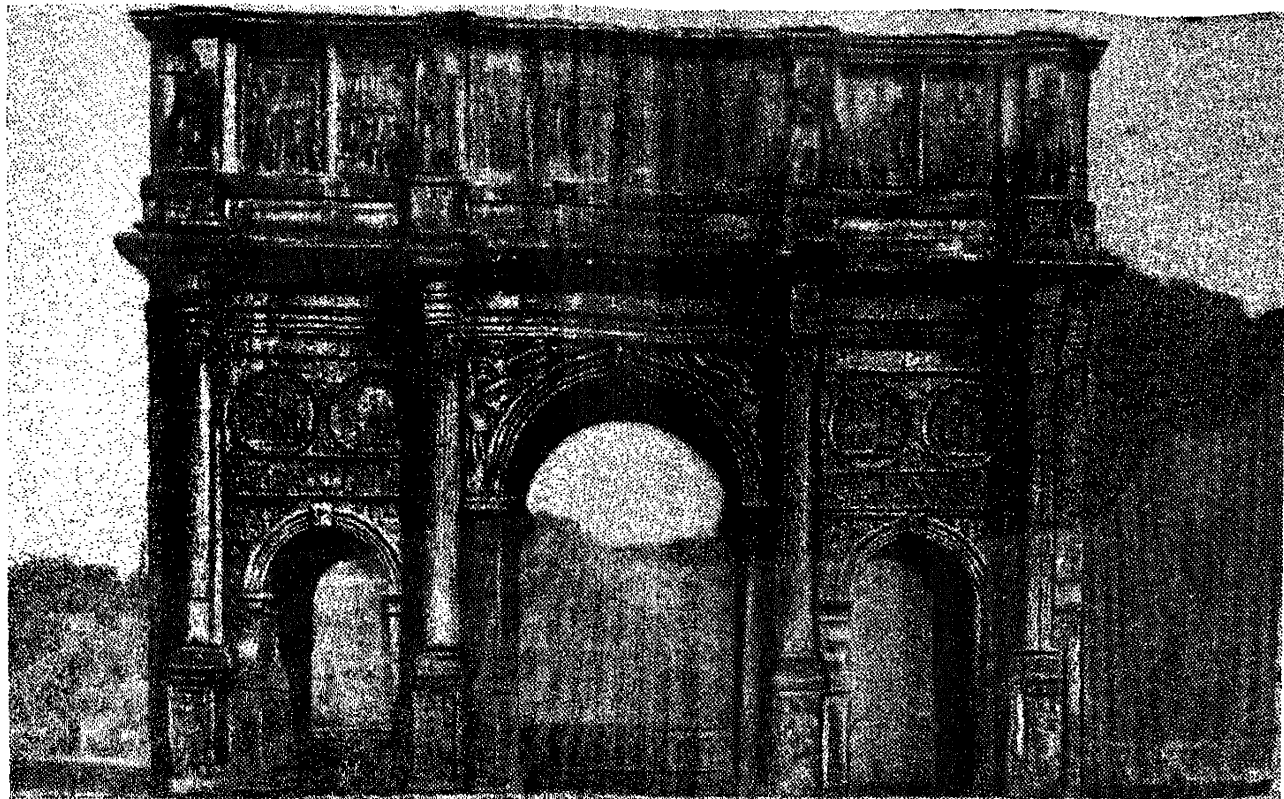
¹ Segesser, Op. cit. B. I, S. 337.

² Ibidem, S. 64.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 232.

Н. Розенталь

Римская империя в последние десятилетия своего существования

1

Долгое царствование императора Константина (306—337) было временем, когда римское государство окончательно «превратилось, — по выражению Энгельса, — в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»¹.

Население империи изнемогало от тяжести бюрократического административного аппарата и многочисленной наемной армии. Немаловажную роль в системе государственного управления стала также играть при Константине официально признанная им христианская церковь. Действие этой сложной машины в конечном счете определялось интересами верхушки господствующего класса рабовладельцев.

Податное бремя населения Римской империи было сильно увеличено еще в царствование Диоклетиана (284—305). Но изменяя налоговой политике своего предшественника, Константин проводил ее с беспощадной жестокостью, так как посто-

янно нуждался в деньгах. Историк Зосим, занимавший в V веке видную должность в императорском казначействе (*advocatus fisci*), утверждает, что Константин «расточал государственные средства, осыпая подарками и обогащая недостойных и бесполезных людей, что тяжело отражалось на плательщиках налогов»². По свидетельству того же Зосима, Константин с недангичной настойчивостью взыскивал специальные поборы со всех видов торговли, даже с проституток. «Когда приближался срок уплаты подати, производившейся раз в четыре года, — рассказывает Зосим, — можно было повсюду услышать стоны и жалобы. Тогда подвергали бичеванию и другим физическим мучкам тех, которые, по бедности, не могли внести платежей. Матери были вынуждены продавать своих детей, а отцы — честь своих дочерей, чтобы такой ценой приготовить для сборщиков золото и серебро»³.

Не менее безотрадную картину народного разорения, вызванного требованиями ненасытного фиска, рисуют и другие писа-

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 142. 1938.

² Zosimi «Historia nova», I, II, c. 38, 1.

³ Ibidem, 2, 3.

тели той эпохи. Автор христианского памфлета начала IV века «О смерти гонителей» говорит о колонах, которых тяжесть налогов заставляла бросать свое хозяйство и уходить в леса, а знаменитый языческий оратор Либаний (314—393) с горечью оплакивает запущенные поля и опустошенные дома землевладельцев.

Своей основной тяжестью налоги ложились на занятых в сельском хозяйстве рабов, колонов, а также на массу мелких и средних собственников. «Самое возмутительное то, что общее бремя несут не все, но бедным приходится платить за богатых и более слабым служить опорой более сильным»¹, — пишет писатель V века Сальвиан Марсельский, характеризуя налоговую систему поздней империи.

Бюджет римского государства основывался главным образом на земельной подати — анноне. Формально ее должны были выплачивать все землевладельцы, но крупные собственники всегда имели возможность переложить ее на тех, кто фактически обрабатывал их земли, — колонов и рабов. Поэтому сами императоры нередко называли аннону плебейской податью (*capitatio plebeia*). Чтобы обеспечить землевладельцев рабочими руками, Константин стал законодательным путем ограничивать свободу колонов, положив начало их позднему превращению в «рабов земли». Именно Константину принадлежит первый крепостнический закон — «О беглых колонах», — изданный 30 сентября 332 года. «Колонов, которые вздумают бежать, — читаем мы здесь, — следует, как рабов, заковать в железо, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, которые они раньше несли, как свободные люди»².

Во времена Константина резко углубилась грань между крупными собственниками — членами сенаторского сословия — и всей остальной массой землевладельцев. Наиболее зажиточные из них, не входившие в состав сенаторского сословия, принадлежали к сословию декуріонов, представители которого должны были участвовать в муниципальных советах — куриях. Члены курий — куриалы — следили в своих муниципиях за распределением и сбором налогов и в случае недоимок были вынуждены отвечать за них собственным имуществом. После реформ Диоклетиана эта обязанность куриалов сделалась чрезвычайно обременительной. Неся материальную ответственность за несостоятельных налогоплательщиков, куриалы легко могли сами совершенно разориться. Не удивительно, что имущие люди стали всячески избе-

гать участия в куриях. Поэтому Константин уже в 316 году издал закон, по которому все граждане муниципия, обладавшие соответствующим земельным цензом, не имели права уклоняться от занесения их в список местных куриалов и под каким-либо предлогом оставлять свои курии.

Так было положено начало превращению куриалов в «рабов государства» (*servi publicae*), бедствия которых так красочно изображал в своих речах Либаний: «Не имея больше золота и серебра, они плачут и продают слуганок, продают рабов, сыновей, своих старых воспитателей... Приходят они к себе в поместья, но не так, как раньше, с детьми, а с покупателями... и деньги за проданную землю идут на уплату податей... После этого для них наступают заботы о прокормлении себя, жены и детей и, наконец, когда все прожито, необходимость просить милостыню»³.

Фискальные интересы государства, то есть, в конечном счете, интересы правящей верхушки рабовладельцев, заставляли римское правительство все более стеснять также свободу торгового и ремесленного люда. И в этой области Константин выступает в качестве главного инициатора политики закрепощения. Ему принадлежит первый из дошедших до нас законов о наследственном прикреплении ремесленников к своим профессиям — закон 317 года о мастерах императорского монетного двора.

Все эти разнородные социальные элементы: колоны, ремесленники, куриалы и пр., — втиснутые государственным прессом в замкнутые тяглые сословия (*ordines*), были обязаны платить свои подати для содержания правящей сенаторской знати и ее военно-административного аппарата.

Верховная власть в римском государстве находилась в руках неограниченного императора, который к IV веку окончательно превратился из «принцепса» — первого гражданина республики — в «доминуса» — господина, владыку. При Константине эта эволюция получила формальное завершение: император окружил себя, по образцу восточных деспотов, пыльным придворным церемониалом и стал чеканить на монетах свое изображение с царской диадемой на голове.

Управление империи было организовано бюрократически, через многочисленных чиновников, во главе которых стояли ближайшие слуги императора: начальник конюшней, императорский канцлер и др.

Развитие бюрократического режима в III—IV веках сопровождалось постепенным упадком старинных органов общественного

¹ *Salvianus «De gubernatione Dei», b. V, c. 7.*

² *Codex Theodosianus, V, 17, 1.*

³ *Libanius «Orationes», XLVII, 8—9.*

самоуправления — муниципальных советов (курий). Последние стали служить государству лишь средством исправного взимания налогов. В лучших условиях, сравнительно со всеми куриями, находились сенаты Рима и новой столицы — Константинополя, — основанной Константином на месте перестроенного и пышно украшенного им Византия. Члены обоих столичных сенатов, принадлежа, в отличие от провинциальных куриалов, к высшей знати империи, сумели присвоить себе — законным, а также незаконным путем — различные привилегии финансового и судебного порядка. Представители сенатской знати наряду с личными любимцами императоров занимали все главные посты на государственной служебной лестнице.

На страже классовых интересов господствующей верхушки общества стояли сильно увеличенные при Диоклетиане и Константине наемные войска. Характерным показателем роста революционных настроений населения империи является то обстоятельство, что в IV веке большая часть солдат была размещена во внутренних городах и что на военную службу привлекались главным образом иноземные, преимущественно германские элементы. Правительство больше доверяло наемным варварским отрядам чем собственным подданным!

Несмотря на всю мощь своего военно-административного аппарата императорская власть не могла ограничиться им для удержания в покорности измученных народных масс. Господствующие классы использовали также другое средство воздействия на массы — религию. Однако старинные языческие верования, объединенные императорами в систему римского государственного культа богов, плохо соответствовали новым социальным отношениям. Как прекрасно показано Энгельсом, все религии древности были племенными, народными религиями и, естественно, пришли в упадок вместе с исчезновением самобытности отдельных народов¹. Удовлетворить религиозные потребности многоплеменного населения Римской империи могла только «мировая религия», обращенная ко всем народам без различия, которая, как известно, и возникла в лице христианства.

Зародившись впервые как «религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»², христианство было использовано идеологами господствующих классов для отвлечения масс от революционной борьбы и воспитания их в духе

Константин. Статуя в портале Латеранской базилики в Риме.

терпеливой покорности «поставленным от бога» властям. Чтобы примирить угнетенные народные низы с существующим общественным строем, христианская церковь искусно сочетала проповедь справедливого воздаяния в загробном царстве с практикой благотворительности. Всякое религиозное учение, призывавшее — хотя бы под христианским флагом — к насильственному перевороту, решительно осуждалось руководителями церкви, как ересь. Смешивая ведущее направление в христианстве с различными «ересями», императорское правительство первоначально преследовало христиан, но впоследствии, уяснив себе все преимущества, которые давала христианская религия в деле воспитания покорности в массах, изменило свою тактику. Вместо того чтобы бороться с христианской церковью, оно заключило с ней тесный союз. Первым императором, твердо вступившим на путь новой религиозной политики, был опять-таки стремившийся укрепить свою власть Константин, который «убедился, что принять эту бессмысленную религию — лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира»³.

В царствование Константина христианское духовенство получило ряд привилегий и фактически вошло в состав правящего государственного аппарата: все клирики были освобождены от налогов и муниципальных повинностей; епископы сделались ближайшими сотрудниками и советниками

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 602—610.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, Ч. 2-я, стр. 409.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 603.

императора. Христианская церковь стала официальной церковью. Со своей стороны, христианская церковь не замедлила благословить римский социально-политический строй и призвать своих приверженцев к самоотверженной защите его. Враги государства становились также врагами церкви.

Со времен Константина классовая борьба в Римской империи приняла ярко выраженную религиозную окраску. Преследуя противников официальной церкви, императоры преследовали в их лице тех, кто отрицательно относился к освящаемому ее авторитетом режиму. Недовольные народные низы стали объединяться большей частью под идейным руководством различных демократических сект (ересей), а оппозиционные настроения консервативных прослоек эксплуататорского класса способствовали возрождению симпатий к умирающему язычеству.

Таковы социальные корни острых религиозных конфликтов, происходивших в Римской империи в царствование преемников Константина. Эти конфликты осложнялись столкновениями между руководителями официальной церкви, вызванными борьбой за власть, протекавшей часто под флагом борьбы за различное толкование отдельных догматов.

2

После смерти Константина в 337 году его сыновья: Константин II, Констант и Констанций — начали свою деятельность с того, что лишили жизни большую часть своих родственников (в том числе младшего брата покойного императора Константина I — Юлия Констанция). Таким путем было уменьшено число возможных претендентов на верховную власть. Коронованные убийцы оставили в живых из всех мужских отпрысков константинова рода только двух сыновей Юлия Констанция — двенадцатилетнего Галла и шестилетнего Юлиана. Но жизнь этих мальчиков долгое время находилась под угрозой. У них было конфисковано их наследственное имущество, а сами они были отправлены, под надзором шпионов-воспитателей из христианского духовенства, в глубь Малой Азии, в каппадокийское императорское имение Мацеллум.

После этого сыновья Константина заново поделили между собой доставшиеся им по наследству области. Но вскоре между ними начались раздоры, вызванные как их соперничеством, так и интригами их приближенных, в частности руководителей христианской церкви. В результате вспыхнувшей в 340 году междоусобной войны погиб Константин II, после чего у власти

остались только два августа — Констант и Констанций.

Они продолжали в основном политику своего отца, внося в нее, однако, много личной мелочности и нетерпимости (последний момент особо характерен для деятельности Констанция). При них были значительно увеличены привилегии официальной христианской церкви, усилены преследования еретиков и язычников. Источники изображают обоих императоров постоянно окруженными епископами, а Констанция кроме того усердно занимающимся решением богословских вопросов. Сам Констанций откровенно заявил в одном из своих эдиктов, что, по его мнению, «государство более поддерживается религией, чем повинностями, трудами или потомства»¹.

С 350 года, после смерти Константа, у власти остался один Констанций. Во время его правления в Римской империи почти непрерывно заседали церковные соборы: в 338—341 годах — в Антиохии, в 343 году — в Сардике (Софии), в 351 году — в Сирмии, в 353—355 годах — в Арле и Милане и т. д. С влиянием епископов на Констанция могло соперничать разве только влияние его придворных евнухов во главе с «начальником священной опочивальни» Евсевием.

При сыновьях Константина христианское духовенство окончательно превратилось в привилегированное сословие Римской империи. Были дополнены законы, освобождавшие его от несения государственных повинностей, постоя солдат и содержания проезжавших придворных. Духовным лицам разрешалось заниматься торговлей, не платя соответствующих налогов. Они были освобождены от обязанности доставлять подводы и вообще от всех видов государственной барщины. Наконец, Констанций безоговорочно снял с них тяжесть куриального бремени.

Константин I проводил в этом вопросе двойственную политику, ограничивая доступ в духовное сословие богатым людям. Констанций же пошел дальше по пути уступок церкви. Он позволил всем свободно поступать в ряды ее служителей и, поскольку это звание избавляло от разорительного участия в куриях, оно стало особенно привлекательным для имущих общественных кругов. После Констанция уже почти невозможно заставить на посту епископов и других руководящих церковных должностных лиц выходцев из низших классов.

Усиленный приток богатей в состав христианского духовенства, при свободе последнего от куриальных повинностей,

¹ Codex Theodosianus, XVI, 2, 6.

Бронзовая медаль с изображением Константина. IV век нашей эры.

имел чрезвычайно вредные последствия для благосостояния империи. Упадок городских курий во второй половине IV века стал совершенно катастрофическим. В соответствии с уменьшением числа курiales увеличивался тяготевший над ними фискальный гнет. Речи Либания: «О патриархатах», «К антиохийскому сенату» и «К императору о куриях»¹ — свидетельствуют о полном развале муниципального самоуправления. По словам Либания, в антиохийской курии до Константина было шестьсот членов, а через несколько десятилетий после него не осталось и шестидесяти.

В кричащем противоречии с разорением массы населения империи находилось непрерывно возрастающее при христианских императорах материальное могущество высшего духовенства. Известный своей беспристрастностью историк конца IV века Аммиан Марцеллин с едким сарказмом вскрывает причины, побуждавшие клириков добиваться главных епископских кафедр. «Видя великолепные условия жизни в Риме, — пишет он, — я готов понять, почему люди, стремящиеся к (епископскому) сану, должны добиваться этой цели с таким крайним напряжением всех своих сил. Достигнув этого сана, они будут иметь возможность благополучно обогащаться добровольными приношениями матрон, носить роскошные одежды, раз'езжать в экипажах и задавать шпы, которые по своей пышности превзойдут царские»².

Идя далее своего отца в покровительстве официальной церкви, сыновья Константина опередили его и в ревностном преследовании инакомыслящих.

Положение еретических сект: манихеев, валентиниан, монтанистов, новациан, — несогласных с учением официальной христианской церкви, было весьма тяжелым. Все они подвергались, как правило, систематическим преследованиям. Еще Константин I решительно объявил: «Еретикам же

мы не только не намерены давать каких-либо привилегий, но считаем нужным применять к ним репрессивные меры»³. При сыновьях же его у религиозных общин, не признанных официальной церковью, отнимались земли, закрывались их молитвенные дома, а последователям наиболее опасных, с точки зрения господствующего класса, сект, как например манихеям, даже угрожала смерть.

В 347—349 годах император Константин жестоко разгромил зародившееся еще в начале IV века социально-религиозное движение донатистов. Эта секта, названная так по имени своего главного руководителя Доната, образовалась в римской Африке; она вела борьбу против местного высшего духовенства, обвиняя его в недостаточной преданности христианским идеалам. Донатисты предъявляли своим противникам главным образом моральные упреки — в изнеженности, лени, корыстолюбии, — но по существу это было разоблачение эксплуататорской природы господствующей церкви.

Не удивительно, что под влияние донатистов вскоре подпали демократические элементы африканских провинций, называвшие себя «агонистиками» («борцами») или «воинами христовыми» (*milites christi*), а во враждебных им кругах более известные под именем «циркумпеллионов», так как, будучи лишены пристанища, они «бродили вокруг деревенских жилищ» (*circum cellas rusticanas vagantur*). Их ряды пополнялись либо беглыми рабами и колонатами либо разоренными, потерявшими свои дома мелкими собственниками. Стихийная классовая ненависть агонистиков к эксплуататорам нашла себе религиозное оправдание в учении донатистов.

Агонистики стремились осуществить христианские идеалы равенства и справедливости не в потустороннем мире, а здесь, на земле. Они активно выступали за рабов против господ, за должников против кредиторов и вообще за унылых про-

¹ Libanius «Orationes», XLVIII, 3, 4.

² Аммиан Марцеллин, XXVII, 3, 14.

³ Codex Theodosianus, XVI, 5, 1.

тив угнетателей. По свидетельству Оптата и Августина, агонистики вторгались в чужие имения, жгли там долговые расписки и давали свободу рабам; бедняки могли получить у них пищу, а богачам приходилось, по их приказанию, вертеть жернова на мельницах и т. п. Так «своим судом и властью» агонистики «меняли положение господ и рабов»¹.

Император Констант, под властью которого находилась римская Африка, убедившись в невозможности подавить движение донатистов-агонистиков местными силами, отправил туда многочисленное войско под начальством Павла и Макария — «двух слугителей божьих», как с благодарностью назвал их карфагенский епископ Грат, или «двух бестий», как называли их в народе. Путем кровавых расправ, казней и ссылок в Африке было восстановлено внешнее спокойствие, но искры революционного пожара продолжали здесь тлеть вплоть до V века, когда они снова вспыхнули ярким пламенем в период вторжения вандалов.

Еще более резко изменилось к худшему при сыновьях Константина положение язычников. Сам Константин, насколько нам известно, закрыл только четыре языческих храма и предпочитал воздействовать на своих бывших единоверцев не преследованиями, а увещаниями. Старый император понимал, что язычество еще имело приверженцев в господствующем классе, и не находил нужным раздражать их проявлением религиозной нетерпимости. Наследники Константина заняли в деле защиты христианства позицию более воинственную. Констанций и Констант издали ряд законов о закрытии языческих храмов и прекращении жертвоприношений. Если первые враждебные действия Констанция против язычников смягчались специальными оговорками, то затем он окончательно вступил на путь религиозного террора. Так, в 356 году было категорически предписано наказывать тех, кто приносит жертвы языческим богам, смертной казнью. Сравнивая отношение к язычеству Константина и его сыновей, Либаний делает вывод, что последние, «получив от отца искру нечестия, раздули ее в настоящий пожар. Тот отнял у храмов богатства, а эти срыли самые храмы и совершенно уничтожили священные обычаи»².

Верность языческим богам в период официального торжества христианства в Римской империи характерна преимущественно для тех элементов общества, которые имели

основания предпочитать старые формы жизни новым, установившимся при доминанте и освященным христианской церковью. До нас дошло немало сочинений образованных язычников IV—V веков, отражавших настроения этих консервативных кругов. Наибольший интерес из них представляют речи Либания, исторические труды Аммиана Марцеллина и Зосима, биография Эввапия и письма Симмаха. Авторы названных произведений были большей частью либо средними собственниками, тесно связанными с разорвавшимся сословием куртиалов, либо оппозиционно настроенными аристократами.

Их симпатии к старине и недовольство современными порядками вызывались различными причинами. Если для языческого сенатора Симмаха самым неприятным было уменьшение прежнего престижа Рима, потерявшего роль руководящего центра империи, то Либаний, Аммиан Марцеллин и Зосим отмечают несравненно более знаменательные симптомы кризиса античного мира: они жалуются на упадок когда-то процветавших городов, на невыносимый гнет налогов, на чудовищный рост военно-административного аппарата, на бессилie римского государства в борьбе с варварами, на общее замирание политической активности населения. Для язычески настроенных умов все эти печальные для них факты были неразрывно связаны с победой христианства и поражением язычества. оплакивая старые общественные порядки, они, естественно, оплакивали вместе с ними и старую религию.

В сетованиях языческой интеллигенции можно обнаружить много горькой правды, но классовая природа этой интеллигенции не позволила ей обратиться к народным массам с призывом к революционной борьбе: ее идеалы лежали все вперед, а позади. Тот же Либаний и его единомышленники с готовностью прибегали к вмешательству императорской власти, если им приходилось сталкиваться с противодействием своих собственных рабов или колоннов. Оппозиция образованных язычников была оппозицией консервативной, разлагавшейся части эксплуататорского класса античного общества. Одни ее элементы, более гибкие и удачливые, постепенно приспособлялись к новому строю жизни; другие, напротив, теряли свое последнее достоинство, опускались на социальное дно. В обоих случаях перемена общественно-экономического бытия неизбежно приводила к переменам в религиозном сознании. Те, кто вступал в ряды правящего меньшинства, естественно, прижимали также и к господствующей религии; остальные же становились в большинстве случаев по-

¹ Optatus «De schismate Donatist», l. III, c. 4.

² Libanius «Orationes», LXII, 8.

следователями каких-либо еретических сект.

Исторически древнее язычество было уже обречено на полное исчезновение. Однако в IV веке этот процесс еще далеко не завершился, и в Римской империи оставался еще многочисленный социальный слой, мечтавший о возрождении как своего прежнего благосостояния, так и своих верований. Теряя экономическую силу и не имея опоры в народных массах, представители этого слоя могли рассчитывать лишь на благоприятную для них перемену политики верховной власти — на воцарение императора-язычника. Поэтому после смерти Константина их надежды обратились к младшему представителю царствующего дома, опальному принцу Флавию Клавдию Юлиану.

3

Юлиан и его брат Галл, едва избежав трагической участи своих родственников, казненных в 338 году по тайному приказанию Констанция, жили много лет в качестве узников, под строгим надзором императорских агентов. Их положение изменилось лишь в 350 году, когда Констанций был вынужден начать войну с убийцей своего западного соправителя Константа, узурпатором Магненцием. Перед тем как двинуться на Запад для защиты своих династических прав, Констанцию пришлось освободить из заключения последних членов правящей фамилии и назначить старшего из них, Галла, своим наместником (цезарем) на Востоке. Для Юлиана наступила тогда пора относительной свободы. Он стал с увлечением изучать философию и все известные в то время науки, сперва в Константинополе, затем в культурных центрах Малой Азии: Нико-медии, Пергаме и Эфесе.

Впечатлительный, необычайно восприимчивый, молодой человек подпал под влияние философской школы неоплатоников¹, являвшейся главным идейным оплотом язычества. Лучшие представители этой школы во главе с Приском и Максимом Эфесским использовали естественно сложившуюся неприязнь Юлиана к Констанцию и его христианскому окружению для того, чтобы завербовать царственного юношу в число язычников.

Между тем Констанцию после почти четырехлетней борьбы удалось отделаться от Магненция. Не имея более особой нуж-

ды в соправителе, он хитростью вызвал к себе в Милан ставшего ему подозрительным цезаря Галла и там без суда казнил его. Такая же расправа произошла и Юлиану, но у последнего нашлись заступники при дворе, особенно в лице хорошо относившейся к нему жены Констанция Евсевии. Юлиан предусмотрительно скрывал свои языческие симпатии, а его страстная любовь к книгам, казалось, говорила об отсутствии у него политического честолюбия. Поэтому Констанций согласился во второй раз оставить Юлиану жизнь и, вместо того чтобы послать его на плаху, разрешил ему уехать для завершения своего образования в Афины.

Но последний период занятий Юлиана продолжался только три месяца. Констанцию снова понадобилось назначить «цезаря», теперь уже для борьбы с германскими племенами, алеманами и франками, опустошавшими Галлию. Сам Констанций решил возвратиться на Восток, где угрожали войной персы. Кроме Юлиана у него больше не было родственников, а возводить в достоинство цезаря постороннее лицо значило подрывать престиж династии. Да и совершенно незнакомый с военными делами Юлиан, казалось, не мог сделаться политическим соперником Констанция. Таким образом воспитанник языческих философов был неожиданно для себя назначен в ноябре 355 года на пост правителя западных областей империи.

Однако еще большей неожиданностью явилось для всех то обстоятельство, что погруженный в науки книжник, который, став полководцем, сам иронически называл себя «оседланной коровой»², блестяще справился с порученными ему задачами. По единогласному признанию современников и всех позднейших историков, Юлиан обнаружил в боях с германцами качества поистине великого полководца. За пять лет своего управления Галлией он не только очистил ее от врагов, но и подчинил Риму все варварские племена, жившие по правому берегу Рейна.

Успехи Юлиана возбуждали в общественных кругах империи самые противоположные чувства. При дворе Констанция они сеяли страх и подозрения, а в сердцах его противников — надежду на скорую перемену режима.

О том, какими принципами будет руководиться Юлиан в качестве верховного главы государства, можно было отчасти судить уже по его административной деятельности в Галлии. Будучи здесь только цезарем, всецело подчиненным старшему императору, августу Констанцию, Юлиан,

¹ Неоплатонизм — философское направление, возникшее в III веке нашей эры и объединявшее учение Платона с мистическими верованиями древневосточных народностей.

² Ammianus Marcellinus, XVI, 1, 5.

Золотая медаль с изображением Юлиана.
IV век нашей эры. Венский музей.

тем не менее, сумел существенным образом изменить режим предоставленных ему провинций. Прежде всего при нем радикально уменьшилось налоговое бремя населения. По свидетельству Аммиана Марцеллина, он сократил в Галлии поземельную подать с двадцати пяти золотых с облагаемой единицы до семи¹. Вместе с тем Юлиан запретил несправедливые льготы (индульгенция) богатым лицам при распределении налогов, взяв под свою специальную защиту интересы низших категорий плательщиков.

В этом вопросе Юлиану, естественно, пришлось столкнуться с возражениями служащих государственного аппарата. Префект претория Флоренций категорически заявил, что после якобы тщательной проверки он убедился в дефицитности нового бюджета и потребовал, чтобы недоимки по поземельной подати были погашены экстренными взысканиями. Однако Юлиан с цифрами в руках доказал, что утвержденная им общая податная сумма «не только покрывает необходимые расходы на содержание армии, но даже превышает их»². Поэтому он не разрешил производить никаких экстренных взысканий, считая их явным вымогательством. Флоренций обратился тогда с жалобой на цезаря к Констанцию, но на запрос последнего Юлиан с почтительной твердостью ответил, что «следует радоваться, если и без того разоренные провинциалы аккуратно выплачивают необходимые подати, и не доводить их до крайности непосильными надбавками»³.

Охраняя широкие слои мелких и сред-

¹ Ammianus Marcellinus, XVI, 5, 14.

² Ibidem, 4.

³ Ibidem, 5.

них землевладельцев от произвола бюрократии и жадности богатей, Юлиан быстро достиг в Галлии заметного подъема народного благосостояния. В полном согласии с Аммианом Марцеллином Либаний говорит, что благодаря Юлиану, там «наполнились курии, возросло население, оживили промыслы и увеличились доходы...»⁴.

Но если население Галлии восторженно сравнивало Юлиана с «солнцем, засиявшим над их страной после черной ночи»⁵, то Констанций и его приближенные видели в растущей популярности цезаря лишь угрозу своему владычеству. К началу 360 года император принял решение ослабить Юлиана и потребовал, чтобы тот уступил ему свои лучшие войска. Но галльские солдаты не захотели уходить на Восток. Привыкнув к своему победоносному молодому вождю и не желая покидать родную землю, которую они только что освободили от варваров, они подняли бунт против императорского приказа и единодушно провозгласили Юлиана августом. Это означало разрыв с Констанцием и неизбежную междоусобную войну.

После недолгих колебаний Юлиан принял предложенную ему верховную власть. Ему удалось легко завладеть Италией и Иллирией, а вскоре он узнал, что Констанций, готовясь к борьбе с ним, внезапно умер. В декабре 361 года Юлиан имел возможность без пролития крови вступить в качестве общепризнанного властелина Римской империи в Константинополь.

Такая развязка конфликта объясняется тем, что у правительства Констанция было очень мало убежденных сторонников. «Если бы пришлось решить спор оружием,—высказывает свое мнение Либаний,—исход дела не изменился бы. Конечно, была бы пролита кровь, но ее было бы немного, и она лилась бы недолго. Ведь, кроме тех сотен, которые были подкуплены лестью, каждый воин чувствовал себя заодно с Юлианом»⁶.

Молодой император прославил себя работами о населении Галлии, а подданные Констанция жестоко страдали от продолжных чиновников и ненасытных сборщиков налогов, которые, по меткому замечанию Аммиана Марцеллина, доставляли своему государю «больше ненависти, чем денег»⁷. Юлиан победоносно воевал с грозными германскими племенами, а Констанций умел побеждать только внутренних врагов, возмущая римский патриотизм своей крайне неудачной внешней политикой. Наконец, Констанция не любили за его религиозную

⁴ Libanius «Orationes», XVIII, 80—81.

⁵ Ammianus Marcellinus, XVI, 5, 14.

⁶ Libanius «Orationes», XIII, 87.

⁷ Ammianus Marcellinus, XXI, 16, 7.

нетерпимость, от которой страдали не одни язычники, но и многие христиане, толковавшие по-иному чем придворный клир отдельные догматы. Между тем о тайном язычестве Юлиана знали только его близкие друзья, вследствие чего оно не могло оттолкнуть от него христианские массы.

4

Юлиан на тропе римских августов представляет собой очень своеобразную фигуру. Историческая наука занималась им главным образом как реставратором язычества, как борцом с христианской религией в политике и литературе. Гораздо слабее освещен вопрос о социальной сущности его мероприятий, о тех практических интересах, которые были объективно связаны с его религиозными убеждениями. Восстанавливая культ языческих богов, Юлиан надеялся восстановить вместе с ним процветание городов, активную деятельность курий и общее благосостояние свободного населения империи. Идеалы Юлиана были воплощены в прошлом, о котором он судил по сочинениям своих любимых эллистических поэтов и философов. Конечно, Юлиан не думал уничтожать эксплуататорских основ разлагавшегося античного общества. Но он отрицательно относился к современным ему формам общественной жизни. Чувства Юлиана в большей или меньшей степени разделялись многочисленными представителями гибнувшего класса мелких и средних собственников, занимавшего промежуточное положение между бесправными, неимущими низами и правящими верхами. Как и Юлиан, они ненавидели бездушную бюрократию, хищных богачей и лицемерное высшее христианское духовенство. Как и Юлиан, они мечтали о смягчении социального неравенства, о защите мелкой собственности против крупной, о «справедливой власти». Идеология и политика Юлиана, по существу, выражала интересы именно класса мелких и средних собственников.

Но ходом истории чаяния этого класса осуждены были на полное крушение. Происходившая в рабовладельческом обществе концентрация земельной собственности в руках крупнейших рабовладельцев неминуемо приводила к гибели класса средних собственников. И деятельность Юлиана не могла остановить, а тем более изменить этот исторический процесс.

Христианская церковь заклеймила Юлиана прозвищем «отступника». Но сам Юлиан с негодованием называл отступниками христиан, отрекшихся от веры отцов — язычества. Основным принципом своей деятельности он искренно считал благоговейное уважение к древней религии и всем освященным ею традициям.

Став императором, Юлиан немедленно приказал вновь открыть языческие храмы и возвратить им их имущество, которым большей частью уже завладели служители христианского культа. Последние должны были либо отдать захваченное либо возместить его стоимость. Вместе с тем христианское духовенство лишилось и всех своих недавно полученных привилегий, обеспечивавших ему господствующее положение в обществе. Не удивительно, что церковники стали называть Юлиана гонителем, хотя он не только никому не мешал исповедывать свои религиозные взгляды, но даже вернул из ссылки изгнанных его предшественниками еретиков, за которыми точно так же были признаны права на похищенное у них имущество. Таким образом, получилось, что христианские секты, страдавшие от притеснений своей единоверной церкви, должны были благодарить за предоставленную им возможность легального существования никого иного, как императора-язычника.

Единственным законом Юлиана, ущемлявшим гражданские права христиан, можно признать лишь его запрещение противникам официальной религии преподавать в государственных школах.

Юлиан вел борьбу с христианством главным образом путем разоблачения его в своих литературных трудах и реорганизации языческого жречества. Коронзванный неоплатоник написал ряд богословских сочинений, в том числе специальную полемическую книгу «Против галилеян», как он пренебрежительно называл христиан. После смерти Юлиана эта книга была уничтожена, и до нас дошли лишь ее отрывки, главным образом из первой части.

Христианская религия рассматривается здесь как поздняя, извращенная разновидность иудаизма, который, по Юлиану, в свою очередь, далек от правильного понимания божественных истин. Юлиановская критика христианства свидетельствует не только о серьезном религиозно-философском образовании автора, но и о глубоком моральном возмущении, которое вызывали в нем современные ему последователи Христа. Пламенными словами произносит он им свой обвинительный приговор: «Вы разрушаете храмы и жертвенники и убиваете не только тех, кто остался верен религии отцов, но даже разделяющих с вами ваши убеждения, если они кажутся вам еретиками, так как чтут мертвеца иным способом, чем вы... Брещение не излечивает ни проказы, ни лишаяев, ни бородавок, ни подагры, ни дизентерии, ни водянки, ни паронихии, никакого телесного недуга, большого или малого, но оно якобы исце-

ляет прелюбодеяние, грабежи и вообще все болезни души!»¹.

Но при всей своей ненависти к христианству Юлиан не мог не признать за его руководителями больших организаторских способностей и их влияния на массы. Поэтому реставратор язычества горячо убеждал своих первосвященников использовать христианские методы пропаганды, особенно настаивая на практике благотворительности. «Позор нам,—писал Юлиан великому жрецу Галатии Арзакнию,—что у иудеев нет нищих, а печетивые галилеяне кормят не только своих бедняков, но и малых, которым мы не оказываем необходимой помощи!»². И, по приказанию Юлиана, государство и частные лица должны были доставлять храмам специальные средства на содержание бедноты.

Не менее отрицательно чем к церкви Юлиан относился к другому оплоту поздней империи — многочисленному чиновничеству. В первые же дни своего царствования он уволил тысячи придворных должностных лиц. Им было также сильно сокращено количество секретарей и служащих сыскной полиции (*agentes in rebus*). По отзывам современников, Юлиан избавил эти меры государственную казну от бесполезных расходов, а население — от хищных вымогателей.

Разрушая громоздкий дворцовый аппарат, уничтожая царское величие, поражавшее взоры простого народа, молодой император не задумывался над тем, что, с точки зрения правящих кругов, он «уничтожал престиж верховной власти». Идеалом государя был для Юлиана не надменный деспот эпохи домината, а скромный, доступный народу вождь. Характерно, что он не позволял называть себя «господином». Сам он обычно употреблял в разговоре со всеми людьми обращение «друг» (*εταίρος*). Враг деспотизма и бюрократии, Юлиан всячески стремился возродить политическое достоинство сената и муниципальных курий.

Современники Юлиана, одни с насмешкой, другие с уважением, подтверждали, что вопреки установившейся практике он не вызывал сенаторов к себе во дворец, а сам посещал их заседания, позволяя им сидеть в своем присутствии. Для укрепления сословия декурюлов Юлиан решительно отменял привилегии, освобождавшие многих состоятельных лиц от курialesных повинностей. Таким способом ему удалось, например, включить в состав антиохийской курии двести новых членов, что, безусловно, облегчало гнет тяготевшего над курialesами податного прессы.

¹ Julian «Contra christian», 206A, 245D.

² Julian «Epist». 49, 430D.

Нужно заметить, что как раньше, в качестве цезаря, так и затем, будучи августом, Юлиан заботился не только о более равномерном распределении государственных поборов, но и об абсолютном уменьшении их. Известно, что он ввел пониженный оклад податей, отказался от традиционных подарков, которые должны были делать города по случаю вступления на престол нового императора, прощал недонимы.

Юлиан выступил против коммерческих спекуляций богачей, скупавших в голодные годы хлеб и паживавшихся на общей нужде. Во время его пребывания в Антиохии, перед началом персидского похода, народ встретил Юлиана жалобами на богачей: «У них есть все, но все чрезмерно дорого»³. Принятые императором энергичные меры для снабжения антиохийцев хлебом и продажи его по твердой цене вызвали серьезный конфликт между ним и жадными торговцами.

Вообще можно заметить, что если при воцарении Юлиана у него почти не было недоброжелателей, то за время своего короткого царствования он возбудил против себя недовольство очень влиятельных элементов. Его непримиримыми врагами сделались христианское духовенство, высшее чиновничество и многие богатые граждане, интересы которых были им ущемлены. Характерно, что даже представители средних социальных кругов, интересы которых объективно защищал Юлиан, далеко не во всем поддерживали своего вождя. Например Аммиан Марцеллин порицал его за отмену привилегий отдельным лицам, освобожденным от несения курialesных повинностей, а Либаний — за введенные им в Антиохии твердые цены. По мнению Аммиана Марцеллина, император доходил до крайностей в своем демократическом образе жизни и в преданности богам.

26 июня 363 года Юлиан был убит в ожесточенной схватке с неприятелем, сражаясь как всегда с беззаветной храбростью.

Смерть Юлиана положила конец его попытке остановить силами верховной власти внутренний распад античного мира. Последующие императоры снова вернулись к методам управления Константина и его сыновей. Либаний красноречиво говорил о том, кому следовало больше всего сожалеть о гибели Юлиана. «О, несчастные земледельцы,—воскликнул он,—как жестоко будут терзать вас теперь сборщики податей! О, мощь курий, уже падающая, скоро ты окончательно превратишься в призрак! О, правители городов, погибнет ваше дело!.. О, вопли угнетаемых бедняков, теперь вы будете напрасно сотрясать воздух! О, солдаты, вы потеряли своего последнего

³ Julian «Misopogon». 368C.

вождя, который ел с вами в походах одинаковую пищу!»¹.

Из всех перечисленных Либанием социальных группировок только армия представляла собою сколько-нибудь организованную силу. Но пока солдатская масса оплакивала Юлиана, командный состав поспешил провозгласить нового государя, который начал свое царствование немедленным заключением мира с персами. Войска, обрадованные возможностью возвратиться на родину, молчаливо санкционировали выбор своих командиров, а новый август — Иовиан, — озабоченный главным образом укреплением неожиданно доставшейся ему власти, без боя уступил неприятелю ряд восточных провинций империи. Мечты Юлиана о восстановлении прежнего блеска римской державы теперь окончательно погибли. Его преемники, как и его предшественники, пугались в оружии главным образом для борьбы с внутренними врагами.

Иовиан был у власти только несколько месяцев: он умер в 364 году на пути в Константинополь. На его место командные круги армии избрали полководца Валентиниана (364—375), который, взяв на себя управление западными областями империи, передал власть на Востоке своему брату Валенту (364—378). Период царствования Валентиниана и Валента был временем окончательного восстановления старых порядков. Христианская церковь, разумеется, получила обратно все свои привилегии.

Положение народных масс Римской империи после смерти Юлиана и до начала победоносного революционного движения рабов и варваров оставалось невыносимо тяжелым. Аммиан Марцеллин с горечью замечает, что «могущественные люди» делали все, чтобы «не воспрянула, как во времена Юлиана, невинность»². Находясь под их влиянием, император Валент «ши-

роко раскрыл двери грабегам, которые усиливались со дня на день вследствие подлости судей и адвокатов; действуя заодно, последние продавали за деньги интересы простых людей командирам армии и придворным сановникам, наживая богатства и высокие звания»³.

Не лучше обстояло дело и на Западе. Аммиан констатирует и здесь «тяжкие бедствия подданных, губительные налоги, упадок крупных и мелких состояний»⁴.

На непрерывно возрастающий гнет население отвечало стихийными восстаниями. В первые годы правления Валентиниана и Валента константинопольская «чернь» примкнула к военному мятежу, организованному родственником Юлиана, Прокопием. Готовился бунт ссыльных в Британии. Вновь поднялись массы населения в Африке под руководством Фирма, «не желавшего долгие выносить грабегий и высокомерия военных чинов»⁵. Все эти выступления рабов и бедноты расшатывали государственный аппарат империи, хотя еще и не в состоянии были окончательно его сломить.

У порабощенных низов римского мира имелись союзники в лице варварских народов. По верному замечанию Энгельса, «порядок (римского государства.— Н. Р.) был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»⁶. Слившись с натиском варваров, революционное движение рабов вступило с момента восстания готов и угнетенных масс населения Мезии и Фракии в 376 г. в стадию своего завершения, когда оно вылилось в революцию рабов и колоннов, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин).

³ Ibidem, 2.

⁴ Ibidem, 5, 6.

⁵ Ibidem, XXIX, 5, XXX, 7, 10.

⁶ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 142. 1938.

¹ Libanius «Orationes», 17, 27.

² Ammianus Marcellinus, XXX, 4, 1.

О. Филиппова,

преподавательница 29-й и 41-й школ Москвы

Историко-драматический кружок

(29-я школа ФОНО)

В 7-м классе мы изучаем историю средних веков. Учащиеся читают отрывки из исторических документов, исторические романы и повести из жизни этой эпохи. На уроке я обязательно указываю художественную литературу по данной теме, демонстрирую рекомендуемые книги. Очень часто учащиеся сообщают о книгах, мне неизвестных, или приносят книги, которых у меня нет. Таким образом мы помогаем друг другу подобрать интересную литературу по изучаемым темам.

После прочтения книг мы устраиваем беседы, на которых обсуждаем прочитанное. На одной из таких бесед мы решили попытаться представить в лицах сцены из жизни средневековой Европы. Руководить этой работой взялся режиссер И. Я. Левченко.

Целую пьесу ставить мы не собирались. Мы задумали инсценировать отрывок из исторической повести, в котором были бы ярко показаны типичные представители различных классов средневекового общества, борьба их интересов. Свой выбор мы остановили на отрывке из повести Ст. Вольского «Завоеватели».

Действие этой повести происходит в XV веке в одном испанском городе, на рыночной площади. Два монаха усердно продают на рынке индугенции, расхваливая свой товар. Крестьяне и крестьянки обмениваются мнениями по поводу индугенций и их стоимости. Затем появляется купчиха, которая после торга с одним из монахов покупает индугенцию, а на прощанье всячески ругает «духовную особу». На протесты монаха купчиха резонно отвечает: «Ничего ты мне не сделаешь, грехи-то у меня все прощены — и прошедшие, и настоящие, и будущие».

Эту яркую жанровую сценку мы выбрали как типичную для европейского средневековья.

Кроме этой сценки с продажей индугенций мы взяли для инсценировки, по предложению самих учащихся, два отрывка из романа Вальтер Скотта «Квентин Дорвард». В этом романе мастерски показаны характеры действующих лиц. Мы выбрали

отрывки, отражающие политические взаимоотношения французского короля Людовика XI и его вассала бургундского герцога Карла Смелого, чрезвычайно типичные для феодального общества. В этих сценах выведены также кардинал, настоятельница монастыря, граф Кривкор, герцог Орлеанский и молодая графиня Изабелла де Круа.

Работа над ролями, исторические характеристики политических деятелей, определение их взаимоотношений, раскрытие истинных причин, порождающих конфликты, составляют самую интересную часть работы.

При создании образа широко используется сравнение с аналогичными образами всемирной художественной литературы. Ученицы, игравшие испанских крестьянок, отлично поняли, как держать себя на сцене со своими мужьями, исходя из хорошо известного им по урокам русской литературы образа Хиври из «Сорочинской ярмарки».

Наш кружок отнюдь не ставит себе задачей воспитание сценических навыков у учащихся, а является лишь одной из форм внеклассной работы по истории, стимулирующей изучение исторической эпохи в конкретных образах. Вот почему подбор репертуара, работа над исторической характеристикой действующих лиц составляет значительную часть нашей работы. Не должно быть ни под каким видом ставки на сценически одаренных детей, напротив, работа ведется с любимыми ребятами, которые заинтересовались работой кружка. Например очень много внимания и времени было уделено одному ученику, который взялся за роль герцога Орлеанского. Этот ученик говорит очень тихо и маловыразительно, но никому из ребят даже в голову не пришло отстранять его от исполнения роли, которой он сам заинтересовался.

Ребята понимали, что важен не сценический успех, а самый процесс работы, поэтому при распределении ролей нет спора о том, что эта роль «первая», а эта — «последняя».

В начале работы мне показалось, что у нас может получиться затруднение со «ста-

Сцена из романа Вальтер Скотта «Квентин Дорвард» в инсценировке учеников 29-й школы ФОНО.

тистами», например с придворными дамами или с воинами, которым не придется произнести на сцене ни одного слова. Однако оказалось, что ребята с удовольствием брались за эти роли и относились к ним со всей ответственностью. Так, во время второго спектакля исполнительница роли одной из придворных дам была занята вечером по какому-то экстренным домашним обстоятельствам. Но она своевременно командировала вместо себя двух заместительниц (по принципу «какая лучше подойдет») и передала им пакет со своим парчевым платьем и прочими деталями придворного туалета.

Дети с большим интересом ждали нашего первого спектакля. Конференс с историческими комментариями вела ученица VII класса; она знакомила зрителей с развитием исторических событий в инсценируемой повести и дальнейшей судьбой действующих лиц. В заключение она рекомендовала прочесть роман Вальтер Скотта полностью.

Костюмы и детали оборудования для постановок изготовлены следующим образом. Учащиеся сами вырезывали сплизованные лилии Валуа, которые прикреплены к ткани, покрывающей стол, к ковру на стене, сами делали гербы для щитов и планшеты, золотые цепочки с орденом золотого руна, индульгенции и печали в пим и т. д. Некоторые участники спектакля сами смастерили свои костюмы (для Людовика XI,

Изабеллы де Бруа, крестьянок, купчихи, графини Кревкер). Девочки вышивали «жемчугом» головные повязки и пояса. Дети принесли из дому шелерини для монахов и т. д.

Во Фрунзенском районном доме пионеров по нашей просьбе нам предоставили возможность выбрать подходящие для нас вещи: маптю, куртки для крестьян, салюги и т. д.

После этой постановки ребята еще больше разохотелись и проделали большую самостоятельную работу по подбору отрывков для следующих инсценировок. Одна ученица перевела с немецкого языка большой отрывок из народного эпоса о Гудрун (Deutsche Heldensagen von W. Wagner. Leipzig. 1902), а другая наметила 4 отрывка из «Талерии» Мериме. Один ученик с увлечением предлагал ставить сцену посвящения в рыцари и сцену в харчевне из «Дон Кихота» Сервантеса. Предлагалась инсценировка отрывков из гуманистического памфлета «Письма темных людей». Иногда предложения носили менее конкретный характер и вместо отдельных сцен указывался в качестве объекта весь роман. Так выдвигались «Ричард Львиное Сердце» Вальтер Скотта, «За свободу» Швейхеля, «Под знаменем бабмака» Алтаева. Многократно предлагались сцены из «Тили Улленшпителя» Шарля де Костера, «Черной стрелы» (повести о двух розах) Р. Стивенсона и т. д.

Работой нашего кружка заинтересовалась преподавательница английского языка в 7-х классах Р. С. Дашевская, и сейчас мы все — и ребята и взрослые — просматриваем литературу о Робин Гуде, потому что у нас явилась мысль инсценировать небольшой отрывок на английском языке.

Так может быть осуществлена в школе связь истории, литературы и иностранного языка.

Члены нашего кружка обнаруживали большое пристрастие к прозе. Во время «пробы голосов» все хотели читать прозу, ссылаясь на незнание стихов. Кое-кого удавалось уговорить прочесть стихи, но репертуар стихов у ребят оказался очень ограниченным. Но так как ролей в пьесах на всех не хватило, а на вечере, посвященном средневековью, полагалось читать стихотворения на исторические темы, то постепенно нашлись желающие декламировать стихи. Были замечены для чтения «Альпухара» А. Миткевича (из поэмы «Конрад Валленрод»), чрезвычайно ярко рисующая один из моментов реконкисты (обратного завоевания испанцами своих земель у мавров); «Епископ Гаттон» В. А. Жуковского, «Повесть о буренке, поповской корове» (анонимная французская городская новелла XII века); «Дружба» (китайское лирическое стихотворение). Дети стали разучивать и стихи, не имеющие прямого отношения к средневековой тематике. Интерес к поэзии в связи с этим повысился.

Спектакль, поставленный учениками 7-х классов 29-й школы ФОНО 7 декабря 1940 года, был повторен 9 декабря на сцене 41-й школы для учеников 6—9-х классов этой школы. Учащиеся 41-й школы решили дать ответный исторический спектакль ученикам 29-й школы в конце учебного года.

Е. Хазанова,

методист Мосгороно

Состояние преподавания истории в школах Москвы в первом полугодии 1940—1941 учебного года

В Москве была проведена проверка преподавания истории в 76 школах; посещено было 476 уроков у 217 преподавателей истории. В проверке помогали методисты-общественники. Обследование проводилось путем посещения уроков истории, беседы с каждым преподавателем, просмотра наглядных пособий, классных журналов,

Отрывок «Отпущение грехов» из «Завоевателей» транслировался по радио 17 декабря 1940 года. В настоящее время этот отрывок в нашей инсценировке ставят учащиеся 57-й школы Киевского района Москвы под руководством преподавательницы истории Ф. Ф. Лаговской.

Вскоре после спектакля у нас, в 29-й школе, на «расширенном» собрании членов историко-драматического кружка, побывав писатель Н. Н. Шаповаленко (автор «1881 г.», «Альбины Мегуреккой» и других исторических пьес). Он прочел нам полностью свою пьесу «Христофор Колумб». Из этой пьесы мы выбрали одну сцену — «Заседание ученого совета Саламанкского университета обсуждает проект Колумба». В этой сцене много действующих лиц — представителей средневековой схоластической науки, фанатиков и мракобесов, осмелевших Колумба. Роли небольшие, но характерные, яркие. И ребята хорошо поняли эти роли. В этой сценке очень удачно показан разгар страстей «ученых» того времени и скрытая тревога этих схоластов перед надвигающимися гуманистическими идеями.

Занятия историко-драматического кружка посещают не только участники данной «пьесы», а все желающие, потому что всем интересно наблюдать, как товарищи работают над ролями, над созданием образа.

И чтение художественной литературы и изучение ролей из произведений классиков литературы, конечно, способствуют развитию художественного вкуса и литературной речи у учащихся. Надо всемерно стимулировать детское внеклассное чтение, развивать в детях умение разбираться в произведениях художественной литературы.

ученических записей в тетрадях по истории.

При этом уделялось большое внимание вопросу о том, как осуществляется помощь и контроль за преподаванием истории со стороны руководства школы (директора школы и заведующего учебной частью), со стороны райОНО и райпедкабинета.

Краткий анализ состояния преподавания истории в школах Москвы показывает, что школы правильно развернули преподавание истории в соответствии с программными указаниями НКП, но при прохождении программ в первой четверти наблюдалось отставание на 6—10 часов и даже больше. Более нормально проходила программа в 5-х классах.

Качественное состояние преподавания истории в средней школе можно охарактеризовать следующим образом: школы имеют ряд несомненных достижений в преподавании истории.

Все преподаватели истории соблюдают историко-хронологическую последовательность в изложении учебно-программного курса; наблюдались только единичные случаи отступления от такого изложения.

Несколько лучше, чем в прошлые годы, преподаватели истории освещают роль исторических деятелей, уделяя внимание их личной характеристике, показывая их как представителей определенных классов.

Все больше и больше внедряется работа с картой на уроках истории. Все шире применяются наглядные пособия. На уроках истории встречаются часто не только картины и гравюры, но также самодельные пособия (школы № 113 Советского района, №№ 235 и 238 Дзержинского района, №№ 494 и 504 Пролетарского района, №№ 422 и 473 Таганского района, №№ 551 и 557 Москворецкого района, №№ 175 и 635 Свердловского района, № 517 Красногвардейского района и др.).

В ряде школ передовые преподаватели истории дают прекрасные образцы преподавания. Серьезное, научное освещение исторических событий и явлений сопровождается правильным марксистским анализом, способствующим укреплению у учащихся материалистического мировоззрения.

Такие преподаватели не только умело излагают материал, но и прививают учащимся навыки самостоятельной работы над учебно-программным материалом.

В школе № 175 Свердловского района преподаватель Н. А. Куликов в 5—7-х классах очень интересно проводит занятия. Живой, содержательный рассказ преподавателя, умело подобранный иллюстративный материал (преподаватель проявляет много инициативы для изготовления наглядных пособий, пополняющих имеющееся в школе оборудование) делают уроки Николая Афанасьевича Куликова интересными и увлекательными для учащихся.

Последние жадно схватывают живое слово преподавателя, усердно работают над материалом учебника и в результате прекрасно справляются со всеми заданиями.

Ученики Н. А. Куликова давали осмысленные и ясные ответы даже по наиболее трудным разделам программы 7-х классов, как например: «Начало реформации в Германии», «Реформация и католическая реакция в Европе» и т. п.

В той же школе хорошо поставлено преподавание истории в 8—10-х классах (преподаватель—П. Ж. Холмогорцев). Большое внимание уделяется развитию у учащихся умения углубленно и серьезно работать над учебным материалом: над учебником, над отдельными статьями Ленина и Сталина, а также над художественной исторической литературой.

Наряду с четким и доступным пониманию учащихся рассказом-объяснением преподаватель практикует рефераты, письменные работы учащихся, экскурсии. Все это, вместе взятое, обеспечивает прочные знания учащихся.

В школе № 635 того же Свердловского района преподаватели истории А. Б. Абрамсон и Г. В. Гасилов добились хороших знаний учащихся благодаря упорной и настойчивой работе по привитию учащимся навыков к самостоятельной работе.

Такого рода работа проводится и на уроках и в связи с домашними заданиями.

В 10-х классах в процессе изучения темы «Начало кризиса Временного правительства» и апрельских тезисов В. И. Ленина преподаватель дал учащимся следующее задание: раскрыть сущность лозунга «Вся власть советам!», рассказать о его первоначальной постановке, о том, почему он был снят и почему впоследствии был вновь выдвинут.

Надо сказать, что предложение самостоятельно продумать задание вызвало большое оживление среди учащихся. Учащиеся показали, что сумели разобраться в вопросе, и дали правильные ответы.

В качестве домашнего задания преподаватель предложил выписать по апрельским тезисам В. И. Ленина вопросы хозяйственные, политические и военные.

При таком преподавании рамки обычных уроков расширяются и изучаемый материал выходит далеко за пределы программного; кружковая работа и исторические вечера являются дополнительными источниками удовлетворения возрастающего интереса учащихся к исторической науке.

Примеры удачной, правильной постановки преподавания истории в школах Москвы можно было бы увеличить.

Однако отдельные улучшения в преподавании не могут скрыть того, что в целом преподавание истории и в первой половине текущего учебного года поставлено все еще не удовлетворительно.

Основным недостатком в преподавании истории является недостаточное внимание к разбору исторических явлений и их обобщению, а нередко и полное отсутствие этой важнейшей воспитательной работы.

Простое описание фактов, без разбора и анализа, не дает учащимся правильного понимания исторической эпохи, выходящая за пределы политическую сущность изучаемого исторического материала. Приведем отдельные примеры, подтверждающие это.

В 6-м классе «В» средней школы № 551 Москворецкого района на уроке истории по теме «Древнейшая религия римлян» преподавательница довольно живо и полно рассказала о верованиях римлян, что произвело сильное впечатление на учащихся, но в рассказе отсутствовал анализ изложенных фактов, и потому не была выяснена классовая сущность религии, и урок, следовательно, не достиг своей воспитательной цели.

В 8-м классе «А» средней школы № 234 Дзержинского района в беседе с учащимися по теме «Крещение Руси» преподаватель извратил историю, представив принятие христианства как явление отрицательное.

Невнимание к анализу и разбору фактов нередко приводит к модернизации и тем самым к нарушению историзма в освещении событий.

Особенно часто встречается в практике нечеткость и неясность в освещении экономического и политического строя на разных ступенях развития человеческого общества. Нередко еще даются либо голые схемы либо одно описание.

В школе № 499 Пролетарского района, в 8-м классе, при объяснении темы «Феодальная борьба в первой половине XV века в России» преподавательница сказала: «Со смертью Шемяки прекратилась междоусобная борьба» (получилось, что в междоусобной борьбе виноват один Шемяка). В 9-м классе та же преподавательница, объясняя тему «Империализм, как высшая стадия капитализма», неправильно осветила вопрос о концентрации производства. Нарисовав на доске круг, а внутри круга маленькие кружочки, она при этом пояснила: «Вот этот круг поглощает все эти маленькие кружочки» (что вызвало реплику учащихся: «Молекулы!»). Такая механическая постановка вопроса не помогла учащимся разобраться в сущности концентрации производства, не вскрыла конкретно процесса поглощения крупными предприятиями мелких.

Наблюдаются существенные недостатки методико-педагогического порядка: планированию учебно-программного материала и планированию каждого урока не отводится должное внимание. Четвертные планы

представляют собою простой перечень тем с указанием количества часов, отводимых для каждой темы. Что же касается планов каждого урока, то в значительном большинстве случаев они состоят из нескольких пунктов, составных звеньев для рассказа преподавателя. Встречается немало случаев, когда преподаватель даже вовсе не пишет плана, ограничиваясь краткой записью своего рассказа-объяснения.

Нечеткость в планировании нередко на практике приводит к неполноценному уроку. Вместо последовательного и умелого сочетания всех элементов урока вводится, в одну стройную систему, обеспечивающую учащимся понимание нового учебного материала, преподаватель излагает материал несистематически, недостаточно увязывает новые данные с ранее пройденным материалом. Особенно слабо продумывается преподавателем методика проверки знаний учащихся.

Устный опрос учащихся является и до последнего времени почти единственным способом проверки их знаний.

К тому же надо сказать, что постановка вопросов не продумана и мало способствует выявлению знаний учащихся.

Часто вопросы преподавателя нечетко, а подчас и неправильно сформулированы, как например: «Какую играл роль: большую или маленькую?», «Они были против марксизма и против чего?», «В ихней программе говорилось или нет о диктатуре пролетариата?» и т. п. Такая формулировка вопросов не способствует серьезной работе учащихся над материалом, а с другой стороны, не позволяет учащимся ввиду неясности вопросов выявлять свои знания.

Вопросы преподавателей в большинстве случаев не требуют творческой работы мысли со стороны учащихся. Они трафаретны и неинтересны.

В 9-м классе школы № 559 Москворецкого района после ответа ученика о неравномерном развитии экономики капиталистических стран, причем ученик правильно развивал свои мысли и приводил ряд примеров, преподаватель ставит так называемый наводящий вопрос: «Шла что?..»

Такие вопросы свидетельствуют только о недостаточной работе над собой самих преподавателей.

Непродуманная постановка вопросов сопровождается часто тем, что педагог сам же отвечает на свои вопросы. Преподаватель говорит вместе с учеником, перебивает его, мешает ему отвечать.

Иногда преподаватели допускают бессмысленные, неграмотные обороты. В рассказе по теме «Держава Чингис-хана» в

8-м классе средней школы № 559 Московского района преподавательница сказала: «Темучин вел завоевательную политику и около себя и на земле других». В 9-м классе средней школы № 234 Дзержинского района преподаватель объяснил: «Рабочее движение тормозилось в результате земель на Западе» (речь шла о США).

Мало спрашиваются учащиеся: за четверть в 5—7-х классах учащиеся редко имеют больше двух оценок по текущему учету; немало случаев, когда оценка выводится по разовому опросу.

Не продумана в достаточной мере и самая система проверки знаний. Устный опрос является почти единственным способом проверки знаний учащихся в средней школе.

Надо сказать, что в ряде школ, в которых преподавание истории ведут наиболее квалифицированные педагоги, знания учащихся хорошие. Так, в школе № 113 Советского района, в 9-м классе «А», ученица Лапшенкова на предложение преподавателя сравнить политический строй Германии и Англии конца XIX века очень удачно рассказала об этом. В этом же классе учащиеся дали хорошие ответы на вопросы преподавателя об уроках революции 1905—1907 годов, о ее международном значении. Кроме содержательного и подробного рассказа учащиеся двух 10-х классов той же школы четко ответили на такие вопросы, как причины русско-японской войны, почему избирательный закон 3 июня 1907 года называется государственным переворотом, и т. п.

Неудовлетворительные ответы учащихся у недостаточно опытных педагогов объясняются часто тем, что за годы занятий по истории без учебников ученики привыкли дословно записывать рассказ учителя. Привычка эта мешает им теперь, когда необходимость записывать отпала, внимательно вслушиваться в рассказ учителя.

К сожалению, в некоторых школах даже теперь, при наличии учебника, ведется запись рассказа учителя под диктовку. При этом проверка записей в ученических тетрадях преподавателями истории не практикуется, и в результате в тетрадях нередко остаются извращения.

Недопустимо медленно разворачивается внеклассная работа по истории несмотря на большой интерес к ней со стороны учащихся. Приказ горОНО о внеклассной работе явно не осуществляется. Можно назвать крайне ограниченное число школ, в которых (и то лишь в последнее время) приступили к организационному оформлению кружковой работы. Сами преподаватели истории слишком медленно раскачива-

ются, а руководство школы не проявляет настойчивости.

Недостаточно привлекаются богатства наших музеев при прохождении программного курса. Даже в 10-х классах по курсу истории СССР XX века, по которому имеется ценнейший материал в Музее Ленина, в Музее революции СССР, преподаватели истории почти не проводят экскурсий.

Причины недостатков в преподавании истории объясняются недостаточной квалификацией преподавателей истории.

Кадры их разнородны: большинство преподавателей истории в школах Москвы имеет законченное высшее образование, часть учится, и только немногие преподаватели, не имея законченного высшего образования, не продолжают в настоящее время учиться.

Но и среди имеющих высшее образование наблюдается неоднородность состава. Так, одна часть преподавателей получила высшее образование в то время, когда в вузах не преподавались систематические курсы истории древнего мира, средних веков, новой истории и истории СССР; другая часть изучала историю в духе вредной концепции «школы» М. Н. Покровского. Естественно, что эта часть преподавателей должна в первую очередь пополнить пробелы в своем историческом образовании.

Преподаватель истории должен глубоко и всесторонне знать свой предмет и уметь увязать каждый данный раздел со всем историческим процессом в целом (так изложение истории СССР нужно давать не отрывая его от курса всеобщей истории).

Нужно также отметить, что многие преподаватели истории не имеют достаточного идейно-теоретического багажа. Большую часть выявленных недостатков в преподавании истории следует отнести на счет невысокого уровня марксистско-ленинского образования части кадров преподавателей истории.

Преподаватели истории часто изучают «Краткий курс истории ВКП(б)» не систематически и неглубоко; над первоисточниками марксизма-ленинизма работают несерьезно, от случая к случаю, по мере того, как при прохождении учебно-программного материала приходится обращаться за справками к произведениям классиков марксизма-ленинизма.

Поэтому основная задача преподавателей истории — поднять свой идейно-теоретический уровень и углубить свои специальные знания.

Наряду с индивидуальной работой преподавателей истории по повышению квалификации огромное значение приобретают коллективные формы работы — объедине-

ние преподавателей истории школы, район она для обсуждения методических вопросов, а главное, для обмена положительным опытом.

* * *

С конца первого полугодия, когда почти во всех классах учащиеся получили новые учебники по истории, преподаватели стали перестраивать преподавание.

Издание учебников создало огромные возможности для решительного улучшения всей системы преподавания истории.

Естественно, что ответственность преподавателей значительно возросла. Неотложная задача — умело перестроить работу, сделать упор на правильную методику работы с учебником, следуя примеру передовых преподавателей. И действительно, наличие учебников по истории уже начало сказываться в частичном улучшении знаний учащихся, особенно в 5—6-х классах. В этих классах учебники по истории древнего мира были получены учащимися в конце сентября и, следовательно, учащиеся пользовались учебниками по истории почти все первое полугодие. Кроме того необходимо отметить, что учащиеся 5—6-х классов лучше снабжены учебниками: по истории древнего мира приходится один учебник на 2—3 учащихся, по истории же средних веков и истории СССР приходится от 2 до 6 учебников на класс, то есть на 40—44 учащихся. Несомненно, что такое количество учебников совершенно недостаточно. У каждого ученика должен быть свой учебник.

Однако главный недостаток заключается

в том, что преподаватели слишком мало места и внимания уделяют работе с учебником. Они не дают необходимых практических советов учащимся о том, как пользоваться учебником при приготовлении домашних заданий. нередко приходится сталкиваться с неправильными приемами работы с учебником; вместо систематической работы ведется объяснительное чтение текста учебника с последующим пересказом учащимися прочитанного.

Но уже и теперь можно привести примеры умелой работы лучших преподавателей с учебниками. Такие преподаватели сами вдумчиво читают и перечитывают каждый раздел и каждую тему учебника и приучают учащихся к серьезной работе.

Лучшие преподаватели строят свой рассказ в соответствии с учебником и на основе его, обращая особое внимание на выводы—обобщения. Одновременно с этим поясняются трудные и незнакомые понятия, термины, отдельные обороты и выражения. Преподаватели приучают учащихся составлять планы изучаемого материала сначала в классе, а затем самостоятельно. Это способствует более осознанному усвоению курса и большей стройности и последовательности изложения. Учащимся прививаются также навыки по работе с иллюстрациями и картами учебника, их приучают вести тетради по истории с систематическими записями плана, зарисовками, самостоятельно вычерченными картами, диаграммами, картограммами, схемами и тому подобными материалами.

В результате такой работы знания учащихся систематически укрепляются.

В. Михайлова,

преподавательница 353-й школы Москвы

Внеклассная работа по Конституции

Ввиду перегруженности программы по Конституции я каждый год в 7-х классах организую кружок по Конституции. Кружок ставит своей целью изучить следующие темы: а) 16 союзных республик; б) труд в дореволюционной России и в странах капитализма; в) национальная политика царской России и капиталистических государств, г) история герба СССР.

Каждый участник кружка обязан сделать доклад, иллюстрируя его газетными вырезками, снимками, открытками и т. п.

На текущий, 1940—1941 учебный год был намечен такой план работы кружка:

1. Провести вечер, посвященный Дню Сталинской Конституции.
2. Провести особое занятие 21 декабря, в день рождения товарища Сталина.
3. Собрать стихотворения, характеризующие дореволюционную Россию, Украину, Белоруссию.
4. Собрать коллекцию марок, выпущенных ко Дню Конституции.
5. Завести переписку с учащимися 7-го

класса одной из школ наших союзных республик.

6. Заслушать доклады членов кружка и активно принимать участие в их обсуждении.

Распорядок работы кружка следующий:

а) Кружок собирается один раз в неделю, по понедельникам, в 2 часа 15 минут, и работает 1 час 50 минут.

б) После обсуждения и принятия плана и порядка работы выбираем старосту и секретаря.

в) Работа кружка фиксируется секретарем в особой тетради.

г) Староста кружка отчитывается перед членами кружка в конце каждого полугодия. Периодически он отчитывается не только перед членами кружка, но и перед ученическими организациями школы.

На первом же занятии учащиеся выбирают темы докладов и записывают рекомендованную литературу для подготовки. Первая тема, которую мы должны разобрать, — «Что дала советская власть трудящимся». На очередном занятии этот доклад заслушивается и обсуждается со стороны содержания, изложения и формы. Окончательный вывод делает руководитель кружка — преподаватель.

Приведу отчет, сделанный членами кружка на слете в Бауманском детском доме культуры 17 декабря 1940 года:

«Наш кружок работает еженедельно с 16 сентября в количестве 18 человек. За этот период мы изучили:

1. Что дала советская власть трудящимся. 2. Царская Россия — тюрьма народов. 3. Расцвет промышленности, сельского хозяйства, культуры РСФСР. 4. То

же — по УССР. 5. То же — по БССР. 6. То же — по Узбекской ССР. 7. То же — по Азербайджанской ССР. 8. То же — по Грузинской ССР. 9. Сделали 3 альбома и 4 газеты. 10. Организовали вечер, посвященный Дню Конституции. 11. Написали письмо в Узбекистан. 12. Отметили день рождения И. В. Сталина. 13. Собрали стихи о дореволюционной России и Украине».

Такая внеклассная работа дает возможность развивать у ребят организационные навыки, навыки самостоятельной работы над книгой, газетой, умение самостоятельно составлять доклады, подбирать и использовать художественную литературу. Очень важно также развить у учащихся умение подбирать материал для альбома, стенгазеты или монтажа.

В результате самостоятельной работы кружковцы составили альбомы по Грузинской ССР, Белорусской ССР, стенгазеты по Армянской, Азербайджанской, Украинской, Таджикской республикам и иллюстрированные доклады по Азербайджанской ССР и Узбекской ССР. Все эти альбомы и газеты используются затем учащимися как пособия по подготовке к испытаниям.

При повторении старого материала на уроках члены кружка в большинстве своем отвечают на «отлично». На испытаниях по Конституции в 1939-1940 году члены кружка получили только хорошие и отличные отметки.

Такая кружковая работа ребятам нравится, они с большим удовольствием делают доклады и усердно готовятся к ним. Обсуждение докладов воспитывает учащихся в духе критики и самокритики.

В. Виргинский,

кандидат исторических наук

Роберт Оуэн

(К 170-летию со дня рождения)

1

Роберт Оуэн, один из великих социалистов-утопистов, учение и общественная деятельность которых оказала огромное влияние на подготовку научного социализма, родился 14 мая 1771 года в небольшом городке Ньютауне (Северный Уэльс). Его отец, шорник и мелкий торговец скобяным товаром, выполнял также общественные должности в своем приходе.

Пяти лет Роберта отдали в местную начальную школу, где мальчик так быстро постиг нехитрую премудрость, преподаваемую детям учителем, что последний упрямил Оуэна-старшего оставить на 2 года семилетнего Роберта в школе «помощником учителя», то есть репетитором.

«...Эти два года, — пишет Оуэн в своей автобиографии, — были потеряны для меня, если не считать, что я таким образом

рано приобрел навыки обучения других тому, что знал сам»¹.

Уже в эти ранние годы Роберт Оуэн увлекался чтением всевозможных книг. Представительницы местной религиозной секты методистов пытались обратить вдумчивого и мечтательного ребенка в свою веру. Мальчик, которому было в то время лишь 10 лет, неожиданно обнаружил критические настроения. Благочестивая литература, доставляемая ему сестрами, вызвала обратное действие.

«...Чтение мною религиозных трудов в сочетании с чтением иных книг привело к тому, что я уже в 10 лет ясно почувствовал, что в основе всех религий, в том виде, как они тогда исповедовались, должно

¹ Здесь и ниже автобиография Оуэна цитируется по F. Rodmore «R. Owen». London. 1923.

лежать нечто глубокого ошибочное»¹ («something fundamentally wrong»).

Многодетная семья Оуэнов находилась в таких тяжелых материальных условиях, что репетиторство мальчика в школе не спасало положения. Роберту пришлось отправиться одному в Лондон, к старшему брату Уильяму, имевшему там шорную мастерскую и лавку.

Юный Роберт оказался в столице. Вскоре его наняли на работу торговец готовым платьем Мак-Геффог, содержавший магазин в провинциальном городе Стамфорде.

Деятельность провинциального приказчика, разумеется, меньше всего могла удовлетворить запросы одаренного подростка. Он получил доступ в богатую библиотеку Мак-Геффога и проводил там по несколько часов в день, изучая общественные, естественные и точные науки.

Там окончательно сложилось его отрицательное отношение ко всем существующим религиям и выработались взгляды, роднящие Оуэна с французскими просветителями-материалистами XVIII века.

Тринадцатилетний Оуэн отверг христианство, как и все другие религии. Он решил, что в основе всех их лежит абсурдная предпосылка, будто «каждый создает свои собственные свойства, определяет свои собственные мысли, стремления и действия и отвечает за них перед богом и близкими».

Оуэн же пришел к заключению, что свойства человеческого сознания определяются естественными и социальными причинами. «Я полностью дитя природы и общества, — писал он, — природа дала свойства, а общество направило их».

На место отвергнутой им религии Оуэн поставил стремление к благу человечества, «искреннее и пламенное желание делать людям добро»².

По окончании срока работы у Мак-Геффога Оуэн перешел на службу в лондонский галантерейный магазин Флинта и Памера. Юноша получал там 25 фунтов стерлингов в год, работая до полного изнеможения. В 1787 году он перешел в манчестерскую торговую фирму Саттерфильда на жалованье в 40 фунтов.

Это были годы бурной перестройки ланкаширской промышленности (Манчестер — центр графства Ланкашир). Возникали новые и новые фабричные предприятия с недавно изобретенными прядильными и ткацкими машинами. Мастер шляпных каркасов Джонс, близко познакомившийся с Оуэном, предложил ему основать мастерскую по производству прядильных машин

(мюлей) системы Кромптона. Взяв в долг у брата 100 фунтов стерлингов, Оуэн начал карьеру самостоятельного предпринимателя.

Вскоре Оуэн из'ял свой пай, ушел из дела и открыл собственную прядильную мастерскую. В это время (в начале 1791 года) богатый манчестерский фабрикант бумагающей пряжи Дринкуотер дал объявление, что ищет управляющего. Оуэн, дела которого шли не особенно блестяще, решил вновь стать служащим и отправился к Дринкуотеру.

Грубый и заносчивый, как большинство новоиспеченных ланкаширских богачей, Дринкуотер встретил Оуэна словами: «Вам слишком молоды». Оуэн ответил, что такое замечание было бы уместнее пять лет назад, теперь же ему двадцать лет. Дринкуотер все же принял молодого человека на службу.

На фабрике Дринкуотера работало 500 человек (мужчин, женщин и детей). Условия их труда здесь, как и на других фабриках, были ужасны.

Оуэн со свойственной ему убежденностью, настойчивостью и энергией принялся одновременно и за усовершенствование технологического процесса на фабрике и за улучшение условий труда рабочих. Он категорически воспретил жестокое и грубое обращение с рабочими и особенно с детьми, строго взыскивал с мастеров за все случаи такого обращения, хлопотал перед хозяином о повышении заработной платы, велел выстроить новые жилища для рабочих, заботился об улучшении их пищи и т. д. Результаты были поразительны. Ни на одной фабрике в Манчестере не было такого порядка и такой сознательной дисциплины, как у Дринкуотера после полугода деятельности Оуэна. Нищета так не сократилась пьянство. Нищета работа не выполнялась с такой добросовестностью и искусством.

Поскольку Оуэн ввел в то же время важные технические усовершенствования, резко поднявшие качество пряжи, фабрикант был вынужден оценить Оуэна по заслугам и предложил ему вступить через три года компаньоном в дело, что и было оформлено договором. Но когда некий капиталист Олдуно посватался к дочери Дринкуотера, поставив своим условием вступление компаньоном в предприятие тещи, последний предложил Оуэну пересмотреть договор. Обиженный подобным отношением, Оуэн порвал договор и ушел от Дринкуотера.

В 1793 году Оуэн вместе с двумя фирмами основал «Чорлтонскую крутильную компанию» по производству тонкой крученой пряжи. Он был главным распорядителем строительства и пуска в ход

¹ F. Rodmore «R. Owen», p. 9. London. 1923.

² Там же, стр. 20.

новой фабрики, а также организации на ней технологического процесса.

Оуэн ухитрился совмещать с этой напряженной работой научную и литературную деятельность.

Взгляды и убеждения Роберта Оуэна формировались в бурные десятилетия конца XVIII века, в годы великой буржуазной революции во Франции и «менее шумного, но не менее могущественного», по выражению Энгельса, промышленного переворота в Англии. Оуэн облизился с учеными и публицистами, членами Манчестерского унитариянского¹ колледжа и Манчестерского литературно-философского общества. К этим годам относятся его знакомство с будущим знаменитым физиком и химиком, автором атомистической теории Джоном Далтоном, с изобретателем парохода Робертом Фультоном и с выдающимся медиком Персивалем.

Двадцатидвухлетний Оуэн был избран членом Литературно-философского общества и прочел там ряд докладов, например «Замечание об улучшении хлопчатобумажной промышленности», «Этюд о пользе учения», «Мысли о связи между всеобщим счастьем и прикладными техническими науками» и др.

Во время своих раз'ездов по служебным делам Оуэн в Глазго (Шотландия) познакомился с семьей богатого фабриканта Дейля. Дэвид Дейль был ханжой и лицемером. Он афишировал свою благотворительность, но на самом деле стремился попросту выжать все соки из «облагодетельствованных» им бедняков. При этом он являлся основателем секты «старых шотландских индпендентов» и выполнял на протяжении 40 лет по совместительству с фабричными, торговыми и биржевыми операциями функции пастора и проповедника.

Оуэн горячо полюбил дочь Дейля Каролину. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы глава шотландских индпендентов, считавший религиозную нетерпимость своей главной заслугой, так просто выдал дочь за человека, формально принадлежащего к англиканской церкви, а по существу вообще неверующего. Но Оуэн знал, чем преодолеть сопротивление Дейля. От имени своего и своих компаньонов он купил большую фабрику Дейля в Нью-Ленарке (в живописной долине реки Клайда²) и стал управляющим этой фа-

брикой. Лишь после этого он попросил у Дейля руки Каролины. В душе старика делец взял верх над сектантом. Чтобы не выпускать фабрики из семейных рук, Дейль дал согласие на брак.

2

В первый день XIX века Роберт Оуэн вслушивал в должность управляющего Нью-ленаркским предприятием. Эта фабрика была построена в 1784 году Дейлем вместе со знаменитым Аркрайтом, «величайшим воров чужих изобретений и самым низким субъектом» (Маркс), одним из первых организаторов крупного фабричного производства и создателей режима беспощадной эксплуатации.

На фабрике было занято 2 тысячи человек обоего пола, включая 500 детей, проданных Дейлю приходскими работными домами и приютами. Невыносимые условия труда и быта толкали потерпевших человеческий облик рабочих на всевозможные пороки. Вечно голодные, работающие из-под палки, с ненавистью и к хозяину и к машинкам, они, по словам Оуэна, были «как правило, ласковы и очень склонны к воровству, пьянству и лжи со всеми сопутствующими пороками»³.

Но Оуэн меньше всего осуждал морально искалеченных фабричной системой людей за их недостатки. Как мы знаем, Оуэн еще в ранней юности пришел к убеждению, что человеческий характер является продуктом среды.

Развернутое изложение своих взглядов Оуэн дал позднее в «Новом взгляде на общество», или «Опыте об образовании человеческого характера» (1812—1814 годы). Отметим здесь, что в своих теоретических построениях Оуэн допускал ряд ошибок, представляя себе слишком упрощенно и механически обусловленность человеческих поступков влиянием среды, недооценивая фактор наследственности и роль субъективного момента. Его утопические взгляды о возможности мирной замены антагонистического и эксплуататорского строя строем справедливым и гармоничным в значительной мере снижали ценность его выводов о решающей роли среды. Но взглядам Оуэна применимы следующие критические замечания Маркса:

«Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изме-

¹ Унитарии, или антитринитарии, — секта, отрицавшая догмат «святой троицы».

² В первые десятилетия промышленного переворота двигателями на текстильных фабриках оставались водяные колеса, а потому предприятия ставились на реках.

³ Р о d m o t e. Цит. соч., стр. 81.

няются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитывать. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстановки и человеческой деятельности может быть постигнуто и рационально понято только как революционная практика»¹.

Но несмотря на эти теоретические неточности, связанные с незрелостью английского рабочего движения тех лет, выводы Оуэна о роли среды являются большим шагом вперед в науке о законах общественного развития. Оуэн утверждал, что не несчастные представители угнетенных классов Англии, идущие на нищенство, пьянство, проституцию, воровство, ссылаемые на каторгу и направляемые на виселицу за кражу со взломом или разрушение прядильной машины, виноваты в своих преступлениях, а строй, толкающий их на это. Оуэн бросал этим вызов капиталистам, их законникам и их попам, не только свирепым карающим «преступников», но и осуждающим их проклятиями и издевательствами. «Наше воспитание, — с негодованием писал Оуэн, — научило нас не колеблясь убивать гола и издерживать миллионы на открытие и наказание преступлений... и, однако, мы не продвинулись ни на шаг на истинном пути предупреждения преступлений»².

«Вы сами не лучше, вам просто незачем врать и ломать станки, — как бы говорил Оуэн надменным представителям господствующих классов. — Если бы современные судьи этой страны родились и воспитывались среди бедного и развращенного населения... то вследствие своих врожденных способностей они давно бы уже стояли во главе противозаконного ремесла и в силу самого своего превосходства и искусства уже подвергались бы тюремному заключению, ссылке или смертной казни»³, — писал он.

И Оуэн развертывает борьбу за обеспечение рабочим человеческих условий существования. Он не знал путей к полному разрешению этого вопроса и вынужден был ограничиться лишь мерами, осуществимыми в рамках тогдашнего строя. Но зато он и не переоценивал своих возможностей. Маркс отмечает, что «Роберт

Роберт Оуэн.
С редкой литографии.
Британский музей.

Оуэн, отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок... вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения этих изолированных элементов преобразования...»⁴.

Тем не менее практические результаты его деятельности в Нью-Ленарке, его страстных исканий были значительны.

С самого начала он убедился, что благотворительность его святоши-тестя прикрывала лишь особые формы эксплуатации. Так например Дейль построил для детей, продаваемых ему в рабство приютскими Шейлоками, большой и хорошо обставленный дом. Он кормил детей и обучал их закону божью, а также грамоте и арифметике. Однако старый лицемер все расходы по содержанию и обучению детей старался переложить на них же самих. Шести-семи-восьмилетние дети должны были работать у станков круглый год по 13 часов! И когда, доведенные до полного изнурения, они возвращались в свой дом, прославленный всеми прихвостнями Дейля, то не были в состоянии держаться на ногах, а не то что изучать библию или арифметику. Но «благодетель» заставлял их похрапывать своей кушеточный уровень ночью, с тем чтобы в 6 часов утра опять потянуться на работу.

¹ Приложение «Карл Маркс о Фейербахе» в брошюре Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», стр. 54. Госполитиздат. 1939. (Разрядка наша).

² Р. Оуэн «Об образовании человеческого характера», стр. 21. СПб. 1881.

³ Там же, стр. 36.

⁴ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 472. 1937.

«Многие из них,— пишет Оуэн,— сделались карликами телом и умом, другие же вышли совершенно изуродованными. Труд днем и воспитание ночью до того спротивели детям, что многие из них беспрестанно убегали». Они бежали в Эдинбург и Глазго, где мальчики пополняли кадры нищих и малолетних преступников, а девочки — ряды детской проституции, этой ужаснейшей язвы капиталистических городов.

Когда Оуэн приступил к своим реформам, он, естественно, столкнулся с недоверием и враждебностью рабочих. Они ожидали от зятя Дейля в лучшем случае новой затеи, вроде ночного обучения замученных детей, а в худшем — просто интенсификации труда. Шотландские проповедники, шпионы Дейля в Нью-Ленарке, разжигавшие годами религиозную рознь среди рабочих, завидовали «выскочке» — пришельцу и всячески поддерживали подобные настроения.

Но Оуэн не падал духом. Он начал, как и в Манчестере, с коренного улучшения бытовых условий рабочих. По его указанию были построены новые, здоровые и удобные дома. Специальная санитарная инспекция следила за чистотой в рабочем поселке. Был открыт магазин, где рабочие могли приобретать доброкачественные продукты и другие товары по дешевой цене, всякие же перекупщики и барышники получили отставку. Ряд мер был принят Оуэном по борьбе с пьянством. Обеспечив себе поддержку небольшой вначале группы инициативных и развитых рабочих, Оуэн вел среди остальных большую воспитательную работу. В частности он защищал идею религиозной терпимости.

До прихода Оуэна в Нью-Ленарк рабочий день длился 14 часов для взрослых и 13 для детей. Среди английских фабрикантов господствовала теория (разоблаченная Марксом в «Капитале»), будто сокращение рабочего дня уничтожит всю прибыль хозяев. Поэтому, когда Оуэн сократил рабочий день сначала до 12, а с 1816 года до 10½ часов, это вызвало возмущение других фабрикантов. К классовому негоднованию на «изменника» присоединилась зависть, когда фабриканты убедились, что доходы предприятия значительно повысились. Повторилась та же история, что и на манчестерской фабрике Дринкуотера.

Но особенно интересны были меры по улучшению положения детей. Оуэн запретил допускать к работе на фабрике детей до 10-летнего возраста. С 5 лет дети поступали в бесплатную школу, где их обучали чтению, письму и арифметике. При школе был организован детский сад (точнее, ясли, куда принимались дети в воз-

расте от 1 года), где дети были ограждены от вредных влияний, унаследованных их семьями от прежнего уклада жизни, и где их тщательно воспитывали и обучали.

Как в своих воспитательных учреждениях, так и на фабрике Оуэн вывел из употребления телесные наказания, действуя методами поощрения и общественного порицания. Обучение наукам сочеталось в детских садах с занятными гимнастикой, играми, леписом, экскурсиями и т. д. Значительную часть времени дети проводили на свежем воздухе.

В 1819 году один из посетителей детского сада и школы Нью-Ленарка заявил: «Дети и молодежь этой прекрасной колонии по поведению и характеру стоят выше всех их сверстников, когда-либо виденных мною».

Маркс придавал огромное значение педагогическим опытам Оуэна, видя в них зародыши воспитания детей в будущем (для нас уже осуществившемся) социалистическом обществе, «...когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»¹.

А. И. Герцен в своих воспоминаниях о встрече с Оуэном останавливается на результатах ньюленаркского опыта. «Успех Оуэна,— пишет Герцен,— раскрывает еще одну великую историческую новость, именно ту, что бедный и подавленный рабочий, лишенный образования, с детства приученный к пьянству и обману, к войне с обществом, только сначала противодействует нововведениям... но как только он убеждается в том, что перемена не во вред ему, что при ней и он не забыт, он следует с покорностью, потом с доверчивой любовью.

Среда, служащая тормозом,— не тут»².

В самом деле, тогда как рабочие стали всячески поддерживать нововведения Оуэна, деятельность реформатора вызвала резкие нарекания компаньонов по предприятию. Оуэну пришлось в конце концов порвать с ними.

Средств для единоличного ведения ньюленаркского предприятия у Оуэна не было, а потому он должен был вступить в компанию с другими капиталистами, вновь и вновь ограничивающими осуществление его широких планов. Соседние фабриканты также крайне отрицательно

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 455.

² А. И. Герцен «Взвешенные и думы». Т. IV, стр. 357. М. 1938.

относились к действиям ньюленаркского «сумасброда».

«Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ленарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «Соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих»¹, — писал Маркс.

Не смущаясь этим, Оуэн не только продолжал свой ньюленаркский опыт, но и опубликовал его результаты в очерках «Об образовании характера». Энгельс высоко оценивал ньюленаркскую деятельность Оуэна. Он писал, подводя итоги, что Оуэн превратил Нью-Ленарк «...в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, процессы, пошечительство о бедных, благотворительность стали неизвестными явлениями. Он достиг этого единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения... А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие, оставшиеся без дела, продолжали получать полную плату. И при всем том предприятие более чем удвоило свою стоимость и вплоть до конца приносило своим собственникам богатый доход»².

Превосходные взаимоотношения между Оуэном и рабочими, высокое качество продукции, хорошая доходность предприятия — все это, наконец, привлекло внимание буржуазных, аристократических и церковных кругов. Перед лицом усиливающегося рабочего движения в стране они заинтересовались ньюленаркским опытом как возможным средством смягчения классовой борьбы. А мы знаем, что «в интересах утверждения своего господства, господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ»³.

И вот Нью-Ленарк — его рабочий поселок, школы и детские сады, кооперативные лавки — увидел в своих стенах всевозможных, в том числе высокопоставленных, посетителей, число которых доходило к 1825 году до 2 тысяч. Приезжали в Нью-Ленарк и знатные иностранцы, глав-

ным образом из любопытства. По словам самого Оуэна, Ленарк посещали «принципы Иоанн и Максимилиан Австрийские, иностранные послы, много епископов и бесчисленное количество духовенства, почти вся наша знать, образованные люди всех специальностей из разных стран и всякого рода богатые туристы — ради развлечения или любознательности»⁴.

Среди посетителей был и русский великий князь, будущий царь Николай I. В 1816 году он не только посетил ньюленаркское предприятие, но и провел вечер в доме Оуэна.

Много лет спустя Оуэн рассказывал об этом визите Герцену, все еще naïвно веря, что «если б император хотел вникнуть, понять новые требования возникающего гармонического мира», то «ему легко бы сделаться одним из величайших людей».

«Улыбаясь, — пишет Герцен, — просил я моего драгомана⁵ сказать Оуэну, что я очень мало имею надежд, чтоб Николай сделался его последователем.

— А ведь он был у меня в Ленарке.

— И, верно, ничего не понял?

— Он был тогда молод и, — Оуэн засмеялся, — очень жалел, что мой старший сын такого высокого роста и не идет в военную службу. А, впрочем, он меня приглашал в Россию»⁶.

Оуэн, несомненно, питал иллюзии, что интерес высокопоставленных лиц к его деятельности окажет помощь в проведении задуманных им реформ. «Пока человек жив, не надобно в нем отчаиваться», — говорил он Герцену. Оуэн охотно рассылал экземпляры своей книги лордам, епископам, денежным тузам, принцам и королям (так, кстати, поступали и иные великие утописты, например Фурье), с готовностью вел с ними беседы.

Но постепенно Оуэн все яснее начал сознавать тщетность надежд на представителей господствующих классов. Правда, он продолжал использовать всякий случай для пропаганды своих идей в английских и заграничных правящих сферах, но не это становится для него главным.

Частичные реформы не удовлетворяют более Оуэна. «То положение, в которое он поставил своих рабочих, далеко еще не соответствовало в его глазах человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами», — говорил он»⁷.

Ясно видя, что колоссальное развитие производительных сил, наступившее в ре-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 283.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 516.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 612. 10-е изд.

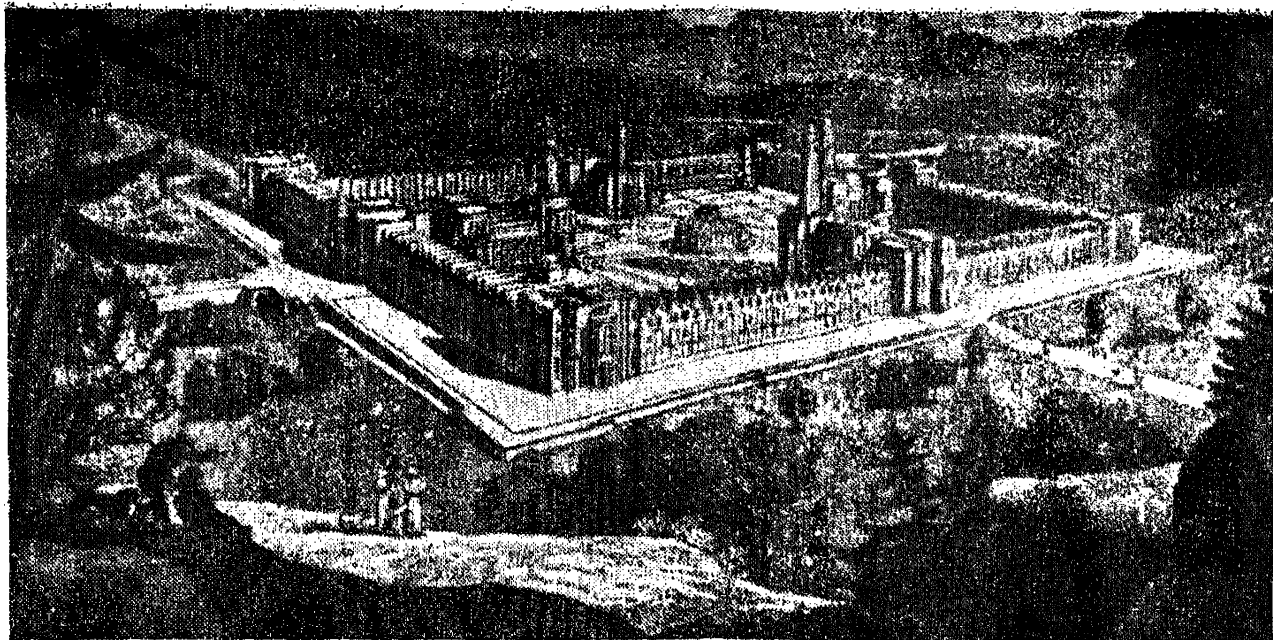
⁴ Rodmore. Цит. соч., стр. 172—173.

⁵ Драгоман — переводчик.

⁶ А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 323.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 516—517.

Проект коммуны Роберта Оуэна.

зультате промышленного переворота, пошло на пользу лишь господствующим классам, Оуэн требовал не возврата к доиндустриальным временам «доброй старой Англии», как некоторые реакционные утописты, а к иному использованию последних достижений технико-экономического развития. «Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были в качестве общественной собственности служить благосостоянию всего общества»¹.

3

К 1817 году популярность Оуэна среди власть имущих достигла апогея. Считая его простым филантропом, пользующимся большим влиянием среди рабочих и являющимся в то же время сторонником мирных реформ, представители правящих классов слушали Оуэна весьма благосклонно и сами спрашивали его мнения. Герцог Кентский, отец королевы Виктории, и его брат, герцог Сессекский, нередко бывали у Оуэна. В 1817 году парламентский комитет для пересмотра закона о бедных и благотворительная «Ассоциация по борьбе с безработицей и нищетой» обратились к Оуэну по вопросу о методах этой борьбы.

Оуэн представил доклад, в котором изложил свои идеи. Промышленный механизм страны, заявил он, должен служить рабочему классу, а не вытеснять его из производства на улицу. Оуэн предлагал поделить безработных земель и средствами произ-

водства и организовать целую сеть производственно-потребительских коммун — «поселков единения и кооперации».

Согласно подробному описанию Оуэна, коммуны эти должны были иметь индустриально-аграрный характер. Они планировались в форме четырехугольников («параллелограммы Оуэна» сразу же явились мишенью для издевательств со стороны буржуазных журналистов и ораторов), где производственные здания размещались среди зеленых насаждений и возделываемых участков. В каждой коммуне предусматривались общественные, бытовые и культурно-просветительные здания: столовые, школы, детские сады и ясли, клубы, лектории и т. д.

Хотя Оуэн предполагал, что подобные «поселки единения и кооперации» будут возможны в системе капиталистического общества, и доказывал их рентабельность с капиталистической точки зрения, но члены «Ассоциации» и парламентского комитета поняли, что коммуны Оуэна выходят далеко за пределы буржуазного строя. Не удивительно, что план Оуэна был встречен крайне недружелюбно. Его попросту отказались рассматривать.

Тогда Оуэн опубликовал свой доклад и серию аналогичных статей в печати. В том же, 1817 году он стал выступать на митингах с пропагандой своих идей. Беспощадно критикуя современный ему частнохозяйственный строй и порождаемое этим строем невежество, Оуэн особенно напал на религию, доказывая несовместимость религиозных предрассудков с будущим гармоническим обществом. Религия, говорил Оуэн, превратила человека в жалкое, лицемерное, фанатичное, непоследовательное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 517.

существо. Она способна изуродовать и огривить все, к чему только прикоснется.

В 1820 году Оуэн опубликовал «Доклад совету графства Ленарк о плане ликвидации общественных бедствий». Доклад представлял собой дальнейшее развитие антикапиталистических взглядов Оуэна. Причиной кризисов перепроизводства, доказывал Оуэн, является то, что рабочие не получают той доли общественного продукта, на которую имеют право. Повысив покупательную способность рабочих (вводя «вознаграждение, соответствующее труду») и заменив денежное мерило стоимости трудовым, писал Оуэн, можно уничтожить главный источник кризисов и безработицы. Мы знаем, что подобные взгляды на происхождение кризисов и безработицы неправильны, что на самом деле основной причиной кризисов является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, проявляющееся в анархии капиталистического производства. Мы знаем также, что безработица растет при буржуазном строе вместе с возрастанием общественного богатства, что таков всеобщий, абсолютный закон капиталистического накопления.

Но при всех этих ошибках и непоследовательностях учение Оуэна было направлено против системы буржуазного производства и обращения, а потому вызвало отрицательное отношение в кругах буржуазии и аристократии, не говоря уже, разумеется, о церковниках.

Не ограничиваясь теоретическими выступлениями, Оуэн боролся за издание законов, ограждающих фабричный труд, прежде всего детский. Еще в 1815 году он разработал проект запрещения на текстильных фабриках труда детей до 10 лет, причем рабочий день подростков до 18 лет не должен был превышать $10\frac{1}{2}$ часов. Почти 5 лет сражался Оуэн за этот проект и, наконец, добился его проведения через парламент, но, к сожалению, в совершенно изуродованном виде. Первая возрастная норма была снижена до 9 лет, вторая — до 16 лет, минимальный же рабочий день определен в 12 часов. К тому же закон отнесен не ко всем, а лишь к хлопчатобумажным фабрикам.

В эти годы наступил перелом в отношении господствующих классов к Оуэну. «Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна, — писал Энгельс. — Пока его деятельность была простой филантропией, она доставляла ему богатство, всеобщее одобрение, почет и славу... Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, — все изменилось. Три великих препятствия прежде всего заграждали, по его мнению, путь к

общественной реформе; частная собственность, религия и современная форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным среди официального общества и лишиться своего общественного положения. Но это ни на волос не ослабило его беспощадного нападения, и произошло то, что он предвидел»¹.

4

В то время как Оуэн в 1818 году совершил поездку за границу, где пытался излагать свои взгляды французским академикам и европейским монархам, призывая последних дать трудящимся добровольно то, что иначе будет добыто посредством революции, компаньоны ньюленаркского предприятия вели интригу против Оуэна.

В согласии с окружающими фабрикантами они стали подкапываться под «безбожные» методы управления и воспитания в Нью-Ленарке. Были назначены шпионы (из местных попов), чтобы доносить на Оуэна, если в школах будет замечена «малейшая попытка ввести что-либо, идущее вразрез с религией откровения».

Борьба продолжалась до 1824 года и окончилась торжеством ханжей и мракобесов, требовавших, как выразился Герцен, «...чтобы детей не учили ни танцевать, ни светскому шенью, а раскольниковому катехизису — непременно»². Передовые учителя, подобранные Оуэном, увольнялись, программа учения и воспитания в школах и детских садах уродовалась в сектантском духе. Скоро вся школьная система, а затем и управление предприятием были вырваны из рук Оуэна. Хотя финансовая связь Оуэна с Нью-Ленарком продолжалась до 1828 года, но фактически он был изгнан из своего любимого дела. Такова была первая муть английской буржуазии человеку, осмелившемуся восстать против собственности и религии.

Оуэн продолжал отстаивать свои идеи. Высокопоставленные «покровители» не решились сразу отвернуться от него. Напряженное политическое положение и обострение классовой борьбы в стране заставляли их некоторое время еще использовать имя Оуэна. Лишь высшее духовенство после митингов 1817 года резко порвало с «безбожником». Но в то же время кампания против него и в консервативном и в либеральном лагере все более усиливалась, а «содействие» знатных «друзей» носило все более откровенный характер саботирования всех предложений реформатора.

¹ К. Марко и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 517—518.

² А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 356.

«Новая Гармония» Роберта Оуэна.

В 1821 году в палате общин идеи Оуэна подвергались самым клеветническим нападкам. Придравшись к внешней форме проектируемых Оуэном сельскохозяйственно-индустриальных коммун, враги издевались над его «четырёхугольным раем». «Если система г-на Оуэна даёт так много счастья при столь малых затратах, — воскликнул один из членов парламента, радикал Джозеф Юм, — то принятие её превратило бы нас в расу существ, недалеко ушедших от зверей, разве что рыскающих между четырёх углов параллелограмма вместо лесных дубрей»¹. Реакционеры, как раз в эти годы обрушивавшие на рабочий класс одну репрессию за другой и предоставлявшие безработным единственное право — умирать с голоду, восставали против планов Оуэна во имя... свободы, утверждая, что режим в проектируемых Оуэном коммунах «несовместим с чувством свободной нации».

В 1822 году Оуэн отправился в Ирландию, где свирепствовал голод и население находилось в самом бедственном положении. Там он выступил с защитой своих взглядов. Протестантские попы встретили его крайне враждебно, объявив учение Оуэна «противоречащим религии откровения, безнравственным по своим тенденциям и вообще разрушительным (subversive) для существующего строя». У протестантского духовенства — передового отряда английских насильников и эксплуататоров в Ирландии — был тонкий нюх.

Напрасно основанное Оуэном филантропическое общество в Ирландии ходатайство-

вало перед парламентом о разрешении устроить опытную коммуну по системе Оуэна. Комитет не дал на это согласия.

20-е годы XIX века были для Англии периодом обострения экономических и политических противоречий в стране. Между правящими классами — земледельческой аристократией и буржуазией — и внутри каждого из этих классов происходила борьба за власть. Буржуазные радикалы и либеральные группировки, стремившиеся к избирательной реформе и к ограничению политического влияния землевладельцев из среды британской знати, пытались опереться на трудящихся.

Как мы увидим дальше, буржуазные политики обманули в конце концов рабочих, использовав избирательную реформу исключительно в интересах своего класса, но все же в процессе совместной борьбы рабочие заставили радикалов провести в парламенте билль, отменявший запрещение рабочих коалиций (1824 год). «Рабочие получили право ассоциаций, — право, принадлежавшее до тех пор только аристократии и буржуазии»². Возникают новые и новые пролетарские организации, ставящие своей задачей улучшение положения рабочих. В этих условиях «оуэнизм», как теперь стали называть учение великого утописта, приобретает все большее распространение. Еще в 1821 году печатник Джордж Мьюди и его друг Генри Гетерингтон (впоследствии участник чартистского движения) основали «Коопе-

¹ Подмоге. Цит. соч., стр. 275—276.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 497.

ративное и экономическое общество», раз-
делявшее идеи Оуэна, и стали издавать
первую оуэнистскую газету «Экономист».

В 1824 году возникло «Лондонское ко-
оперативное общество». В следующем году
начал выходить «Кооперативный журнал и
ежемесячный вестник». В 1826 году обра-
зовалось «Девонское и Эксетерское коопе-
ративное общество» и т. д. К концу деся-
тилетия насчитывалось больше 400 таких
обществ. Они организовывали потребитель-
ские, а затем и производственные коопера-
тивы. К оуэнизму примыкали многие буду-
щие видные деятели чартистского движе-
ния, например Уильям Ловетт, впослед-
ствии глава «партии моральной силы».

Сам Оуэн в 1824 году направился в
США. Там он купил большое имение и
основал, согласно своему проекту, комму-
ну под названием «Новая Гармония». По
приглашению Оуэна в «Новую Гармонию»
приехало до 800 человек. Принимая всех
желающих, Оуэн словно забыл по отноше-
нию к ним свой основной тезис о том, что
человек является продуктом среды. Наряду
с хорошими работниками и передовыми
людьми умственного труда (среди них бы-
ли выдающийся американский геолог Мэк-
люр, зоолог Сой и другие) в колонию с'еха-
лись также развращенные, изломанные ка-
питалистическим строем искатели легких
доходов, неудачники, авантюристы. К то-
му же большинство членов коммуны было
во власти религиозных предрассудков,
вредного действия которых Оуэн недаром
всегда так боялся.

В «Новой Гармонии» начались раздоры
и столкновения. Производство не налажи-
валось. Воспитанные в условиях, где гос-
подствовал волчий закон капитализма, и
искусственно изолированные в рамках
одной ячейки, за стенами которой продол-
жал существовать прежний строй, члены
«Новой Гармонии» не оправдали надежд,
возлагавшихся Оуэном на эту колонию. Де-
ло, в которое он вложил почти все свои
сбережения, обанкротилось и развалилось.
Разумеется, богатые и знатные «друзья»
Оуэна в Англии не оказали ему никакой
поддержки.

5

В 1829 году Оуэн вернулся на родину.
«Изгнанный из официального общества, за-
малчиваемый прессой, обедневший благода-
ря неудачным коммунистическим опытам в
Америке, поглотившим все его состояние,
он обратился прямо к рабочему классу и
работал в его среде еще тридцать лет»¹, —
писал Энгельс.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.
Т. XV, стр. 518.

Всячески поддерживая крепнущее коопе-
ративное движение, Оуэн выдвинул мысль
о создании «базаров трудового обмена». На
этих базарах производственные коопера-
тивы должны были обмениваться без всяких
посредников продуктами своего труда, при-
чем мерилом ценности этих продуктов были
особые трудовые бонусы (labour notes).

Как отмечает Маркс, Оуэн вовсе не при-
давал этим бонусам самодовлеющего значения:
они дополняли обобществление средств про-
изводства в кооперативах. «Рабочая кви-
танция лишь констатирует долю индиви-
дуального участия производителя в общем
труде и долю его индивидуальных притя-
заний на предназначенную для потребле-
ния часть общего продукта. Но Оуэн и
не думал предполагать товарное производство
и в то же время стремиться устранить его
необходимые условия посредством денеж-
ных фокусов»².

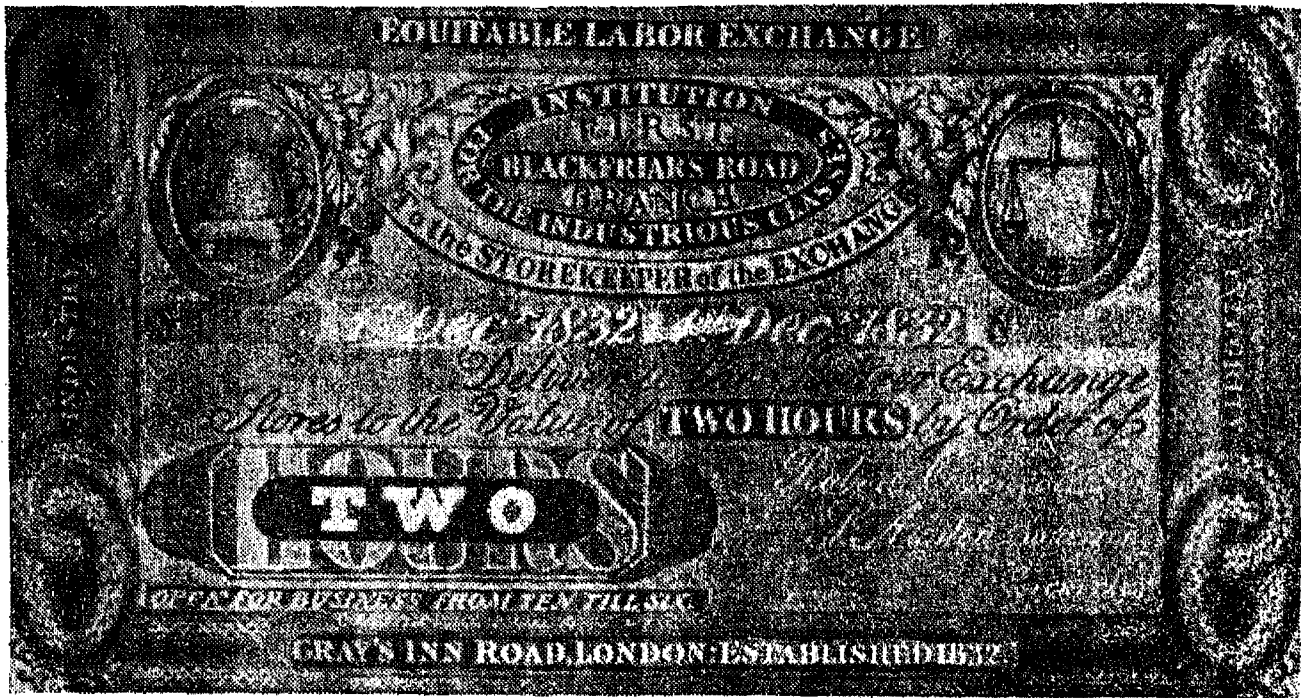
Как и можно было ожидать, «базары
справедливого обмена», вокруг которых
сразу же начали затевать свои махинации
купцы и спекулянты, потерпели в конце
концов неудачу.

Однако как раз в это время, в сере-
дine 30-х годов XIX века, среди рабочих, глу-
боко разочарованных результатами избира-
тельной реформы 1832 года, усилилось
влияние оуэнизма. Обманутые буржуазны-
ми радикалами и либералами, борьбу кото-
рых за реформу они поддерживали с такой
энергией, рабочие не получили избиратель-
ных прав. Это на время (до под'ема чар-
тистского движения) оттолкнуло рабочих
от политической борьбы и сделало популяр-
ными идеи Оуэна об экономической борьбе
посредством профессиональных и коопера-
тивных организаций.

С 1832 по 1834 год выходила ежене-
дельная газета «Кризис», сделавшаяся
главным органом оуэнистского движения.
Ее первым редактором был сам Оуэн. В
1834 году по инициативе Оуэна возник
«Великий национальный об'единенный союз
профессий Великобритании и Ирландии», в
который вошло более полумиллиона чело-
век. Платформа союза была крайне рас-
плывчатая. В него входили различные тече-
ния, в том числе левое крыло, настаивав-
шее на активной борьбе с предпринимате-
лями, борьбе в первую очередь стачечной,
вплоть до всеобщей стачки, или, как тогда
выражались, «священного месяца». С сере-
дины 30-х годов XIX века начинается под'-
ем чартизма. Это массовое рабочее движе-
ние выступает под черными политическими
лозунгами (всеобщее избирательное право,
вознаграждение депутатов и т. д.) и сразу
принимает боевой характер.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 92.

Трудовые бонны, выпущенные последователями Роберта Оуэна.

Оуэнисты с их расплывчатой реформистской программой не могли сохранить своего влияния на массы, стремящиеся к активной борьбе за свои права. «Великий союз» оуэнистов распался на составные части, причем наиболее сознательные и решительные элементы перешли к чартистам. Но сам Оуэн остался верен своим прежним взглядам.

В 1835 году под руководством Оуэна стал выходить журнал «Новый нравственный мир». Это же заглавие было принято и для основной теоретической работы великого утописта, прозванной учениками «библией оуэнизма».

Оуэн публиковал свою «Книгу нового нравственного мира» с 1836 по 1844 год. Она распадалась на семь томов. В этом труде Оуэн придал своим философским, экономическим и политическим взглядам наиболее законченное и систематическое выражение.

В четвертой части Оуэн в следующем порядке перечисляет причины зла, господствующего в современном ему обществе:

- «1. Так называемые религии всего мира.
2. Правительства всего мира любого вида и под любым названием.
3. Гражданские и военные сословия во всех странах.
4. Денежная система всех стран.
5. Практика покупки и продажи ради прибыли...
7. Нынешняя практика производства и распределения богатства...
10. Обособленные интересы и соответственное этому всеобщее раз'единение...

11. Практика воспитания женщин в качестве рабынь семьи, а не лучших соратников....

15. Неравенство в воспитании, пользовании и жизненных условиях людей»¹ и т. д.

Даже из этого перечня видно, что Оуэн осуждал не только современный ему способ производства и распределения, но решительно все стороны капиталистической действительности: государственное и общественное устройство в любых существовавших тогда формах, буржуазную семью, порабощение женщины, религию, быт, мораль и т. д. и т. д.

Оуэн мечтал о совершенно новом обществе, но создать его думал путем постепенной и мирной переделки старого общества.

6

Итак, по классификации Оуэна, первым врагом человеческого счастья оказывалась опять поповщина, которую Оуэн клеймил вновь и вновь с непримиримостью французского просветителя XVIII века. Едва ли не с каждой страницы его работ слышен вольтерьянский призыв «раздавим гадину». За год до выпуска первой части «Нового нравственного мира» Оуэн опубликовал специальную антиклерикальную брошюру — «Лекции о браках духовенства в старом безнравственном мире».

Не удивительно, что церковники развернули против Оуэна бешеную кампанию, «священную войну», как иногда выража-

¹ Подморе. Цит. соч., стр. 479—480.

ются его биографы. Эта «священная война» входила как составная часть в общую борьбу реакции против рабочего движения и социализма. Вспомним, что конец 30-х годов были временем подъема чартистского движения и мобилизации всех сил реакции против него.

Прежде всего в палате лордов выступил против оуэнизма епископ эксетерский Гепри Филпотс, прозванный памфлетистами «Филлперс», т. е. «Набей-мошну». Этот продажный политический интриган произнес трагические тирады о страшной опасности, которую представляет для общества оуэнистское тайное коммунистическое общество, раскинувшее сеть по всей стране, и лично Оуэн, «поносящий институт брака и христианскую религию».

Подчеркивал, что целью оуэнистов является изменение существующего строя, епископ требовал запрещения и разгона оуэнистского движения. Особенно возмутило его то, что за год до этого Оуэн получил доступ к королеве Виктории и представил ей изложение своих теорий. Призванный глава английской реакции герцог Веллингтон поддерживал требование Филпотса о производстве расследования по поводу деятельности оуэнистов.

В то же время с цепи была спущена целая свора ликов во главе с неким Бриндли, наемным клеветником, шантажистом и организатором погромов. Они выступали с трибуны и в печати, пзыгая по адресу оуэнистов самую разную и дикуую ложь (вроде того, что оуэнисты требовали «ежеквартально новую жену» и т. д.).

Оуэн, которому шел семидесятый год, не утратил до конца дней своих наивной доверчивости по отношению к врагам. Он согласился провести с Бриндли в Бристоле публичный диспут (в 1841 году). Церковники превратили диспут в хулиганское издевательство над стариком. Его корректные, полные достоинства заявления, произносимые тихим голосом, заглушались громогласными пагальными репликами Бриндли и сидевших в зале церковников, роли между которыми были распределены заранее. Председатель собрания был также в сговоре с ними. Наступая на Оуэна, Бриндли угрожающе допрашивал его, верит ли он в боговдохновенный характер библии. Когда Оуэн скромно ответил, что не может принять каждое слово библии за истину, Бриндли проревел, что Оуэн — атеист и безбожник, явно подстрекая присутствующих к расправе над стариком.

Если на этот раз дело ограничилось лишь оскорблениями и угрозами, то в других случаях церковникам и фабрикантам удавалось организовать погромные выступления против оуэнистов. Собрания

оуэнистов в построенных ими «домах науки» (в найме помещения оуэнистам систематически отказывали по наущению реакционеров, и поэтому оуэнисты стали строить собственные дома) то и дело срывались шайками хулиганов. Были попытки поджогов «домов науки».

Когда в 1840 году Оуэн приехал в Берслем, чтобы прочитать лекцию в местном Социальном институте, враги мобилизовали городские деклассированные элементы, щедро раздавая им водку, и под звуки барабалов собрали пьяную толпу перед дьерьми аудитории. Едва Оуэн вышел на сцену, как хулиганы кинулись к нему, и друзья с трудом спасли старика от расправы, спрятав его в соседнем доме. Собравшиеся же оуэнисты были избиты. Погромные выступления против оуэнистов произошли в 1841 году (по прямому призыву Бриндли) и в Бристоле вскоре после диспута с Оуэном. «Социалистический дом» оуэнистов был разгромлен.

Власти явно потворствовали погромщикам. Судьи выносили приговоры не против громил и их вдохновителей, а против оуэнистов за произнесение речей «совращающего и безнравственного характера» и за публикацию «богохульных» статей. Оуэнистов присуждали к большим штрафам и тюремному заключению. Фабриканты систематически увольняли рабочих-оуэнистов.

7

Роберт Оуэн, человек, с именем которого связаны, по выражению Энгельса, «...все общественные движения, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом в Англии»¹, продолжал свою деятельность несмотря на поход реакции против него и его учеников. Он попытался еще раз основать коммуну, на этот раз в самой Англии. В 1839 году оуэнистское «Рациональное общество»² приобрело в графстве Хемпшир владение Куинвуд, где решило основать коммуну «Гармони-холл».

Создавая это новое образцовое поселение, Оуэн опять допустил ту же ошибку, что и прежде: он отвлекся от капиталистической действительности, где царили неисчисленные им с такой пунктуальностью 18 главных источников несправедливости и зла, не говоря о побочных моментах.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 518.

² Центральная оуэнистская организация того времени. Ее полное название в то время было «Всеобщее коммунальное общество последователей религии разума». Позднее оно получило более краткое название «Рационального общества».

«Протестантизм против социалнама», или «Воскрешение» добрых старых времен». Карикатура того времени на травлю Роберта Оуэна.

Он строил «Гармони-холл» так, как будто бы дело происходило в стране победившего социализма.

Оуэн начал с сооружения превосходной школы и политехникума, великолепных жилых зданий для работников коммуны, он не жалел денег на самое передовое оборудование промышленных заведений и ферм, нанимая работников недостающих профессий и т. д.

Но... вокруг оазиса «Гармони-холл» безраздельно господствовал капитализм. Вложения были произведены из средств «Рационального общества», имевшего очень ограниченные ресурсы. Капиталистические же круги меньше всего склонны были содействовать социалистическим экспериментам и лишили «Рациональное общество» кредитов. В результате не хватило оборотных средств и средств для дополнительных вложений, и «Гармони-холл» обанкротился (1845 год).

После неудачи с «Гармони-холл» Оуэн на несколько лет уехал в Америку. В это время «Рациональное общество» распалось, но зато усилились отдельные местные оуэнистские кооперативные организации. Упадок чартизма после 1842 года повысил интерес английских рабочих к кооперативному движению. Особенную известность приобрела потребительская кооперация в Рочделе (под Манчестером), осно-

ватели которой вошли в историю под названием «рочдельских пионеров».

Несмотря на преклонные годы Оуэн продолжал принимать участие в политической и литературной жизни. В 1848 году он отправился во Францию, стремясь убедить левое крыло буржуазных революционеров в необходимости использования его системы общественного переустройства. Он дважды собирался выставить свою кандидатуру в английский парламент. В 1849 году Оуэн опубликовал книгу «Революция в сознании и практике человеческой расы», в 1853 году — брошюру «Будущее человеческой расы», в 1854—1855 годах — книгу «Новое существование человека на земле» и еще ряд работ. Последней была опубликована его автобиография — «Жизнь Роберта Оуэна».

В 1851 году великому утописту исполнилось 80 лет. Друзья и последователи организовали торжественное чествование человека, отдавшего всю сознательную жизнь борьбе за счастье угнетенного и эксплуатируемого народа.

Герцен, встретившийся с Оуэном год спустя, так описывает наружность своего собеседника: «В гостинице был маленький, тщедушный старичок, седой как лунь, с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом, — с тем голубым детским взглядом, который

остаётся у людей до глубокой старости, как ответ великой доброты»¹.

Когда в 1858 году престарелый Оуэн узнал о деятельности «Национальной ассоциации для содействия развитию социальных наук», он отправился в Ливерпуль на заседание этой «Ассоциации», чтобы выступить там с докладом. Но силы покинули его, и он упал в обморок в зале заседания. Пролетав два недели в Ливерпуле, Оуэн попросил, чтобы его перевезли в родной город Ньютаун. Там он и находился последние дни жизни.

Церковники не теряли до последнего момента надежды, что закоренелый «грешник» возвратится хотя бы на смертном одре в лоно церкви. Одни за другим проносили священники в комнату умирающего.

«Не раскаиваетесь ли вы в том, что потратили жизнь на бесплодные усилия и невыполнимые планы?» — «вразумлял» Оуэна назойливый поп.

«Нет, сударь, — с достоинством ответил великий друг рабочего класса, — я не даром потратил жизнь. Я возвестил миру важные истины, и если мир их не признал, то лишь потому, что он их не понял. За это я его не порицаю. Я опередил свое время»².

17 ноября 1858 года Роберт Оуэн скончался. Погребение, по желанию покойного, было обставлено просто и скромно. Старший сын, Роберт Дейль, и многочисленные друзья и приверженцы, прибывшие из

различных районов страны, провожали тело Оуэна на старое кладбище в Ньютауне.

В 1902 году рабочие кооперативные организации Англии установили на могиле плиту с барельефом, изображающим Оуэна среди пролетариев.

Роберт Оуэн твердо верил в великое будущее нашей страны. «Я жду великого от вашей родины, — говорил он за несколько лет до смерти Герцену, — у вас поле чище, у вас попы не так сильны, предрассудки не так закоснели... а сил-то! а сил-то!»³.

Надежды друга трудящихся сбылись.

В стране победившего социализма, в ее гигантских социалистических предприятиях, в ее колхозных полях, в ее системе подготовки трудовых резервов, в ее системе народного образования, в непрестанной и повседневной заботе коммунистической партии и советского правительства о труде, отдыхе и культуре нашего народа, воплотилось лучшее и ценнейшее из того, о чем мечтали Оуэн и другие великие социалисты-утописты.

Граждане страны освобожденного труда, страны Сталинской Конституции, с уважением вспоминают имя Роберта Оуэна, более ста лет тому назад провозгласившего права трудящихся на то, что им дала лишь Великая Октябрьская революция, — имя человека, который, по выражению Герцена, приветствовал «зарю нового дня, никогда не бывалого и невозможного в прошедшем»⁴.

¹ А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 321.

² В. Либкнехт «Роберт Оуэн», стр. 30. М. 1919.

³ А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 323.

⁴ Там же, стр. 373. (Разрядка наша).

В нарымской ссылке с В. В. Куйбышевым и Я. М. Свердловым

(Воспоминания)

Город Нарым—место политической ссылки в царские времена—окружен лесами и болотами и расположен на берегу реки Протоки. В 1910 году он представлял собой деревню. Длинная, суровая зима, большая отдаленность от путей сообщения, неустанный надзор полицейских властей создавали исключительно трудные условия жизни политическим ссыльным. Тем не менее большевики, сосланные в Нарым, прилагали все усилия к тому, чтобы использовать время ссылки для самообразования и для политико-просветительной работы среди ссыльных-рабочих.

Мне пришлось побывать в ссылке с такими стойкими большевиками, как Я. М. Свердлов и В. В. Куйбышев. Они очень упорно работали в этом направлении.

Валерьян Владимирович Куйбышев был выслан в Нарым летом 1910 года. Здесь тогда было около 200 ссыльных. Они разбивались на несколько групп, из которых наиболее сплоченной была группа большевиков, насчитывавшая около 30 человек.

Валерьян Владимирович уже в первые дни, как только успел ознакомиться с местными большевиками, немедленно включился в культурно-просветительную и политическую работу среди ссыльных, в числе которых в то время был значительный процент рабочих. Последние прибывали из Москвы, Питера, Баку, Ростова на Дону и других крупных промышленных центров. Большинство из них, хорошие революционеры, были в области теории мало сведущи и часто не обладали даже элементарной грамотностью. Наряду с занятиями по изучению трудов Маркса и Ленина наша большевистская группа решила преподавать рабочим и общеобразовательные знания.

Помню, например, на собрании членов партии, организованном В. В. Куйбышевым, я сделал доклад о школе для ссыльных и ее программе; в программу входили следующие вопросы: политическая экономия, история партии большевиков, профессиональное движение, история России, история русской литературы.

По всем этим предметам потом читались лекции, в которых Куйбышев принимал активное участие. Были организованы также занятия по русскому языку и математике. К сожалению, было прочтано всего 2 лекции, так как в ноябре 1910 года жандармы арестовали 20 человек наиболее активных ссыльных и в том числе Куйбышева. Правда, вскоре мы были выпущены.

Валерьян Владимирович часто и охотно выступал на собраниях ссыльных по вопросам программы и тактики нашей партии, а также по вопросам текущего момента. Обладая колоссальной трудоспособностью, он много занимался, прочитывал большое количество книг и в то же время вел почти ежедневные занятия в 2—3 кружках.

Валерьян Владимирович вначале жил один в комнате у местного крестьянина, затем мы поселились вдвоем. Валерьян Владимирович вел правильный образ жизни, вовремя вставал, делал гимнастику и обтирания, ходил гулять.

Он был прост и мягок в обращении с товарищами, проявлял по отношению к ним чуткость, готовность делиться последним куском хлеба, но в то же время был очень тверд в принципиальных вопросах: так, в дискуссиях с меньшевиками и эсерами Валерьян Владимирович беспощадно разоблачал мелкобуржуазную сущность этих господ.

Через шпионов и провокаторов полиция узнавала о жизни ссыльных, их занятиях и проводимых собраниях. В Нарыме были поселены два жандармских унтер-офицера, в задачу которых была поставлена усиленная слежка за активистами ссылки.

Местный пристав повел линию на раскол среди ссыльных. Однажды он заявил ссыльным, что получил предписание от высших властей о выселении из Нарыма большей части ссыльных в деревни, расположенные вокруг Нарыма. У меньшевиков и эсеров началась массовая возня вокруг составления списков и беготня к приставу с просьбой об оставлении в Нарыме большинства из них. Большевики заняли дру-

тую позицию. Валерьян Владимирович на собрании большевистской группы заявил, что никаких переговоров с приставом вести не должно, а надо ему заявить, что добровольно из Нарыма в деревню мы не поедим, а если нас захотят взять силой, то пусть попробуют. Вся затея пристава провалилась, никто никуда не выехал. Но он стал мстить, в первую очередь Валерьяну Владимировичу, а также всей нашей большевистской группе. У большевиков начались частые обыски, отбирались письма, тетради, лучшие книги. Приходилось книги и тетради прятать в сено, а зимой зарывать в снег.

Вместе с оживлением борьбы рабочих с капиталистами в Центральной России появилось настроение ссыльных-большевиков. Все чаще на запятых кружков ставились вопросы о том, что нашу теоретическую учебу надо вести под углом зрения тех вопросов, которые выдвигаются настоящим днем, так как многие из нас предполагали скоро вернуться к подпольной работе. Те, у кого срок ссылки был еще большой, подумывали о побеге. Это было очень сложное и трудное дело.

Валерьян Владимирович, будучи уроженцем Западной Сибири, прекрасно знал сибирские условия передвижения и принимал активное участие в организации побегов.

Окончив в мае 1912 года срок ссылки, он уехал. Однако вскоре он был арестован и привезен в томскую тюрьму. Мы сидели с ним в одной камере. У меня было образование лишь в объеме 3 классов сельской школы. Валерьян Владимирович охотно согласился заниматься со мной в тюрьме русским языком и арифметикой. Затем мы прочитали с ним большое количество беллетристики, хотя выбор книг был весьма ограничен. За 7 месяцев книгу за книгой мы прочитали Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского и отдельные книги других классиков. Мы читали также книги марксистских авторов, попадавшие к нам от знакомых Валерьяна Владимировича с «воли».

Валерьян Владимирович, революционная работа которого в течение нескольких лет проходила в Петербурге, охотно слушал мои рассказы о подпольной работе в Москве. Он подробно расспрашивал о построении первичной подпольной организации на фабрике, о количестве ее членов, о качестве и степени подготовки ее актива, об условиях, в которых происходили собрания и обучение марксизму-ленинизму молодых рабочих.

Стоило Валерьяну Владимировичу узнать, что кто-нибудь из сидящих рядом товарищей в чем-нибудь нуждается или грустит от долгого сидения в камешном мешке, он

всегда находил возможность оказать ему материальную помощь, развеселить его смешным рассказом во время прогулки.

Общение с Валерьяном Владимировичем играло громадную роль для тех, с кем сталкивала его жизнь, вливая в них новые силы.

* * *

Осенью 1911 года нам, ссыльным Нарыма, стало известно от ссыльных села Колпашева (которое находится в 110 верстах от Нарыма) о том, что из Петербурга в Максимкин Яр выслан Я. М. Свердлов. Ссыльные Нарыма знали Якова Михайловича, так как в 1910 году он был в ссылке в Колпашеве и, пробыв там всего несколько дней, сумел с помощью товарищей бежать.

Приехав осенью 1911 года в Максимкин Яр, Я. М. Свердлов пробыл там 7 месяцев. Позднее Яков Михайлович рассказывал нам, что в то время в Максимкином Яре — самом отдаленном и глухом месте Нарымского края — имелось всего 7—8 домов, в которых жили 3—4 русских семьи и остяки. Пароходы приходили туда один или два раза в лето, а почта — один раз в два месяца. Стражникам, которые были приставлены к нему, было сказано, что, если убежит Свердлов, они будут отданы под суд, поэтому они ходили за Свердловым по пятам.

Яков Михайлович не имел теплой одежды и проходил всю зиму при 30—40-градусных морозах в летнем пальто.

Вот что Свердлов писал своей жене Гладии Тимофеевне Новгородцевой: «Недавно со мной случился казус такого свойства: я был на «неводье» и долбил лед. Мороз был свыше 20 градусов, и я провалился под лед, но не весь вымок, а только выше пояса.

Неводили в 8—10 верстах от дома. Дело было уже в 2 часа дня, а выехали в 7 часов утра. Целый день на морозе согревался лишь долбежкой льда, а тут еще вымок... У меня в броднях (сапогах) полно воды, и тогда решили, что меня необходимо немедленно отправить домой. Как-то сняли с меня бродни и мое летнее пальто, в котором я был, один из неводчиков отдал свою шубу, и я отправился домой. Дома я растопил сам свою печку, отогрелся и несколько не простудился. Э, да что, всякое бывало за это время, один раз отморозил ухо, другой раз нос, третий — щеку, а теперь опять все в порядке, и кожа перестала шелушиться; вот только руки не оправились, сильно растрескались до крови во многих местах»¹.

¹ См. И. Зелксон-Бобровская «Профессиональный революционер», стр. 38. М. 1934.

Только кипучая энергия Якова Михайловича Свердлова помогла ему пережить эти морозы и жестокую неволю, на которую обрекло его царское правительство за революционную деятельность. Ссылные Нарыма, большевики, решили обратиться в думскую фракцию Петербурга, к нашим депутатам, чтобы они потребовали перевода Якова Михайловича в другое место, так как дальнейшее его пребывание в Максимкином Яре было для него гибелью. Прошло немало времени, пока, наконец, Яков Михайлович был переведен к нам, в Нарым.

Как только Яков Михайлович прибыл в Нарым, он сейчас же взялся читать лекции по политической экономии. Читал он басом, скороговоркой и, прочитав лекцию, спрашивал: «Все понятно?»

Через Якова Михайловича мы получали от Владимира Ильича Ленина письма и газету «Пролетарий», которая переходила из рук в руки среди ссыльных. Благодаря связи Свердлова с Лениным ссылки были в курсе революционной жизни центра России и заграницы.

В 1912 году политические ссылки решили отпраздновать 1 Мая. С раннего утра ссылки стали готовиться к маевке: прикололи красные банты, сговорились пойти на берег Протоки и там отпраздновать 1 Мая.

Так как ссылки всю зиму держались двумя группами: большевики, с одной стороны, меньшевики, эсеры, анархисты и прочие — с другой, а кроме того вторая группа боялась идти вместе с большевиками, особенно в этот день, то поэтому они пошли в лес отдельно, хотя и в одном направлении.

Мы знали, что полиция намерена наблюдать за нами. Но нас это не смущало. На маевке наша группа подняла красное знамя, начались речи о значении 1 Мая. Прешло около часу, когда появились страж-

ники. Они подошли с разных сторон, записали участников маевки, посмотрели на наше знамя и пошли к приставу с докладом.

По приходе домой мы узнали от хозяев, что стражники справлялись, где мы были.

После маевки прошло уже больше месяца, когда приехали жандармы и начали производить обыски и аресты. К вечеру оказались арестованными человек 20 участников демонстрации. Нам предъявили обвинения по статье 125-й Уголовного уложения, сурово карающей за вооруженную демонстрацию и демонстрацию в больших городах. Но к нам эта статья не могла подойти, так как Нарым ни в коем случае не мог считаться большим городом, и нас суд должен был оправдать. Группу арестованных в 20 человек перевезли в томскую городскую тюрьму.

Перед маевкой Свердлов поехал в Колпашево и пробыл там несколько дней. Когда он приехал, маевка была окончена, и поэтому мы были спокойны, что Якова Михайловича не арестуют за участие в маевке. Но каково же было наше удивление, когда Яков Михайлович появился среди нас в тюрьме. «В чем дело? Ведь вы не были на маевке!», «Каким же образом вас могли арестовать?» — обратились мы к нему. «Очень просто, — отвечал он. — Жандармы рассуждают так: «Вас не было на маевке, это мы знаем. Но если бы вы были, то были бы вместе с ними. Вот почему мы вас арестовали».

Жандармы продержали Свердлова около месяца, но не могли предъявить ему обвинения и должны были выпустить его. Когда к Я. М. Свердлову приехала в ссылку его жена Клавдия Тимофеевна Новгородцева, стражники совсем успокоились, думая, что Свердлов будет вести тихий и мирный образ жизни.

Но прошло очень немного времени, и Яков Михайлович снова бежал.

«Историк-марксист» №№ 7—12 за 1940 год, №№ 1—2 за 1941 год.

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) о критике и библиографии имеет особенно важное и актуальное значение для советских исторических журналов. Было бы неправильным рассматривать это постановление, как относящееся только к критическим и библиографическим отделам журналов. Историческая наука, более чем какая-либо иная, может жить и плодотворно развиваться, лишь критически используя уже достигнутое, отвергая устарелое, постоянно двигаясь вперед. Духом подлинно творческой большевистской научной критики должна быть проникнута вся работа наших историков и та значительная и важная часть этой работы, которую выполняют советские исторические журналы.

Шередовая в № 12 «Историка-марксиста» совершенно правильно указывает на недостаточную теоретическую глубину многих работ по истории, появляющихся в печати, на то, что в них зачастую некритически повторяются старые положения, что авторы статей и книг по истории часто обходят острые теоретические вопросы, преподносят читателю голый подбор фактов.

Журнал «Историк-марксист» имеет полную возможность практически выполнять постановление ЦК ВКП(б). Издание «Вестника древней истории», «Военно-исторического журнала», «Исторических записок», издание сборников по истории средних веков и истории нового времени позволяет «Историк-марксисту» сосредоточиться на более углубленной постановке на своих страницах теоретических и конкретных вопросов исторической науки.

Обратимся к содержанию восьми последних номеров журнала. Десятый номер «Историка-марксиста» посвящен 120-летию со дня рождения великого основоположника научного коммунизма Фридриха Энгельса. Номер открывается статьей Ленина «Фридрих Энгельс». За ней следует краткая биография Энгельса, написанная Е. Степановой. Центральное место в номере принадлежит статье Ем. Ярославского «Маркс и Энгельс о России». По теоретической глубине, богатству фактического материала и методическому значению эта работа должна

быть признана одной из наиболее ценных в журнале за последнее полугодие.

«Маркс и Энгельс, — пишет тов. Ярославский, — первые дали марксистское освещение истории России, марксистский анализ классов и производственных отношений в России. Они первые дали марксистский прогноз русской революции» (стр. 58).

Акад. Ярославский указывает, что высказывания Маркса и Энгельса о России, собранные воедино, составили бы не менее трех больших томов: Маркс и Энгельс уделяли России огромное внимание. Уже в начале 50-х годов Энгельс начал изучать русский язык. Интерес Энгельса к России еще более возрос после Крымской войны, когда развитие революционного движения, крестьянские восстания убедили его в неизбежности и близости российской революции.

Литературное наследие Маркса и Энгельса, относящееся к России, акад. Ярославский разбивает на четыре основных раздела.

К первому разделу он относит работы, статьи и брошюры, посвященные истории России. Важнейшее значение в этом разделе имеют «Хронологические выписки» К. Маркса по русской истории; эти выписки, как указывает тов. Ярославский, не может игнорировать ни один русский историк. Другая значительная работа Маркса — его книга «Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия», содержащая глубокий анализ внешней политики царизма в XVIII веке и кроме того ценнейшие характеристики Ивана Калиты, Ивана III и Петра I.

В статьях Энгельса о Крымской войне и о внешней политике царизма уже содержатся указания на близость больших исторических перемен в России. В 1863 году Маркс писал Энгельсу: «Будем надеяться, что лава потечет на сей раз с востока на запад, а не наоборот»¹.

Следующий раздел литературного наследия Маркса и Энгельса включает их обширную переписку с русскими революционерами и общественными деятелями. За ней следует переписка Маркса и Энгельса между собой и с деятелями европейского рабочего движения по поводу русских дел.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 134.

В четвертому разделу относятся выступления Маркса и Энгельса против народников, анархистов и панславистов, полемика с Ткачевым, Лавровым, Бакуниным и т. д.

Акад. Ем. Ярославский особо останавливается на взглядах Маркса и Энгельса по вопросу об освобождении крестьян. Большой интерес представляют цитируемые автором статьи и заметки Маркса о реформе 1861 года (готовятся в настоящее время к печати ИМЭЛ). Заметки обнаруживают глубочайшее знание вопроса, содержат десятки ссылок на русских ученых и русские источники, блестяще разоблачают крепостническую сущность царской реформы. «Раньше, во времена крепостного права, — пишет Маркс. — помещики были заинтересованы в помощи крестьянину, как необходимой рабочей силе; это прекратилось. Крестьянин впал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика» (стр. 60).

Особое место посвящает автор борьбе Маркса и Энгельса против русского народничества и анархизма. Маркс и Энгельс первые дали критический марксистский анализ народнических теорий о самобытности России, вредных и ложных взглядов народников на общину и на значение политической борьбы.

Акад. Ярославский указывает, что следует отличать отдельные полемические преувеличения Маркса и Энгельса в их борьбе против народников от их общей глубоко правильной критики народнических взглядов. Наибольшим вниманием из теоретиков народничества пользовался у Маркса и Энгельса Лавров. Маркс и Энгельс считали, что Лавров наиболее поддается влиянию марксистской теории, и относились к нему «с доверием».

Автор останавливается на вопросе о представителе Маркса от русской секции в I Интернационале и об отношении Маркса и Энгельса к «Народной воле». В связи с последним вопросом акад. Ярославский указывает на необходимость учитывать односторонний характер информации, которую получали Маркс и Энгельс о «Народной воле». Именно этим объясняется то чрезмерно большое значение, которое придавали Маркс и Энгельс этой партии и возможности захвата ею государственной власти.

Автор также указывает на известное преувеличение роли царизма в отдельных работах Маркса и Энгельса. В статье «Внешняя политика русского царизма» Энгельс характеризует самодержавие, как последнюю твердую общеевропейской реакции.

Преувеличение это было обусловлено жгучей ненавистью, которую питали Маркс и Энгельс к самодержавию.

Царизм, пишет тов. Ярославский, был

«действительно главным, но не единственным и не последним оплотом всемирной реакции» (стр. 74—75).

Последняя часть статьи посвящена отношению Маркса и Энгельса к группе Плеханова и началу распространения марксизма в России. Акад. Ярославский считает доказанным, что знакомство передовых кругов русского общества с произведениями Маркса и Энгельса началось задолго до появления в 1872 году русского перевода «Капитала».

В том же номере журнала помещена статья С. Захарова «Маркс и Энгельс о некоторых вопросах истории Англии». Автор констатирует изумительную глубину предвидения Энгельсом исторических судеб Великобритании. Формулировки Энгельса об основном противоречии в историческом развитии Англии остаются полностью неизменными до сих пор.

Н. Андреев в статье «Как работал Энгельс над вопросами средневековой истории» устанавливает, в какой мере работы Энгельса были основаны на исследовании первоисточников. Н. Андреев считает несомненным, что Энгельс при выяснении какого-либо специального исторического вопроса всегда пользовался первоисточниками. Много и упорно работал Энгельс над первоисточниками древнекельтского права и истории древних германцев.

Но, делая свои произведения максимально доступными, Энгельс одновременно стремился поднять их на наивысший научный уровень и с этой целью проделывал до их опубликования колоссальную предварительную работу.

В журнале помещена также библиография работ Энгельса по разделам «История как наука», «Исторический процесс» и «Основные периоды истории человечества», краткий перечень биографических работ об Энгельсе и важнейшие даты его жизни и деятельности.

Энгельсу посвящена также в № 12 интересная статья А. Золотарева «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука». Автор касается главным образом первой части работы Энгельса, анализируя метод использования Энгельсом работ Моргана. Энгельс сделал огромный шаг вперед по сравнению с Морганом и сам никогда не отжидествлял своих взглядов с его воззрениями. Морган был особенно слаб в вопросах о происхождении классов, государства и частной собственности. Понятие классовой борьбы ему, судя по его трудам, не было знакомо. Энгельс вовсе не был склонен каппицировать принятую Морганом периодизацию исторического процесса. «Периодизация Моргана—Энгельса», по мнению А. Золотарева, вообще не существует.

А. Золотарев считает, что ряд вопросов, решенных в свое время Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», в свете данных современной науки получил новое решение и новую постановку. Наряду с этим возникли новые проблемы, неизвестные Энгельсу. Наконец, ряд частных положений Энгельса, несомненно, устарел.

В статье А. Золотарева было рассмотрены на материале новейших исследований значение полового и социального инстинктов в образовании общества, проблемы возникновения брака и происхождения рода.

Статья С. Капа в № 9 под заглавием «Из истории борьбы Маркса за пролетарскую партию в Германии» является главой из докторской диссертации автора. С. Кап рассматривает вопрос о влиянии силезского восстания 1844 года — первого массового выступления германского пролетариата — на образование самостоятельной партии немецкого рабочего класса. С. Кап считает, что силезское восстание способствовало выделению социалистического ядра внутри прусской демократической оппозиции. Полный разрыв Маркса и Энгельса и их единомышленников с мелкобуржуазными радикалами, разрыв личных отношений между Марксом и А. Руге были непосредственно вызваны силезским восстанием.

Одной из замечательных страниц биографии товарища Сталина посвящена статья Ник. Анисимова «И. В. Сталин в годы сольвычегодской и вологодской ссылок» (№ 9). Автор использовал для своей работы мемуарную литературу, донесения полиции, материалы из большевистских газет того времени. Особый интерес представляют в статье малоизвестные широким кругам читателей документы из Сольвычегодского и Вологодского музеев И. В. Сталина. Автор начинает свое изложение с того момента, когда И. В. Сталин по распоряжению министра внутренних дел был отправлен в Вологду из Баилловской тюрьмы города Баку. Товарищ Сталин был послан по этапу, в ручных кандалах, он получал по 10 копеек «кормовых» в день. Из Вологды товарищ Сталин был направлен местными властями в глухой Сольвычегодск, куда прибыл в феврале 1909 года. Здесь товарищ Сталин оплотил ссыльных большевиков, поднял их боевой дух. Полицейские власти дали товарищу Сталину характеристику «грубого, дерзкого», «с начальством непочтительного» (стр. 6). В июне 1909 года товарищ Сталин бежал в Петербург и затем — в Баку, где уже в июле он руководил общегородской конференцией Бакинской организации. В Закавказье товарищ Сталин возглавил борьбу против меньшевиков, ликвидаторов и оппортунистов, создал газету «Тифлисский

Пролетарий». Товарищ Сталин посылал Ленину в эмиграцию свои исторические «Письма с Кавказа».

Эта широчайшая деятельность была вновь прервана арестом товарища Сталина в марте 1910 года и высылкой его в Сольвычегодск. Товарищ Сталин находился под неотступной слежкой охранников, надеявшихся получить повод для еще более жестокой расправы с вождем российского пролетариата.

Яркое представление о жизни товарища Сталина в Сольвычегодске в период второй ссылки дают приводимые Н. Анисимовым воспоминания М. П. Кузаковой, хозяйки дома, в котором жил И. В. Сталин.

«Как-то зимой заходит ко мне Иосиф Виссарионович, — рассказывает М. П. Кузакова. — Я его и раньше видела — ведь жили по соседству, но разговаривать не приходилось. На нем, как всегда, было надето черное пальто, в котором он ходил и в морозы и в осеннюю непогоду. «Слышал, освободилась у вас комната?» — говорит. Как раз накануне съехали жильцы, и комната, окнами на улицу, была свободна...

Жилец он был аккуратный, вежливый. Пригляделась я к нему, — очень у него изурнанный вид. Это и понятно. До того он сидел в тюрьме и маялся по этапу. И в ссылке не на что было поправиться. Получал Иосиф Виссарионович на все семь рублей сорок копеек, — это и на еду и на квартиру. Питался очень скудно. Брал у меня крынку молока в пять стаканов — это ему хватало на два дня. К молоку покупал булку. Обедать уходил куда-то к товарищам.

Все больше Иосиф Виссарионович бывал дома — читал, писал. Очень много писал. Часто ночью я слышала через перегородку, как скрипели половицы — значит, не спит, работает. У него была такая привычка — когда работал, то часто вставал из-за стола, ходил из угла в угол» (стр. 13).

Товарищ Сталин немедленно по прибытии в Сольвычегодск начал восстанавливать связи с В. И. Лениным и товарищами, находившимися в России и за границей.

Полиции вопреки ее стараниям долгое время не удавалось прервать связь между Лениным и Сталиным и раскрыть конспиративную технику переписки. «Сообщаю..., что корреспонденция из-за границы на имя Ивана Исааковича Богомоллова, Петра Михайловича Серафимова и Ивана Александровича Вознесенского в которую получалась, — доносит сольвычегодский исправник, — ...но кто такую получал — не было этих сведений...» (стр. 17).

В августе 1911 года товарищ Сталин, переведенный в Вологду, нелегально уехал оттуда в Петербург, но его вновь аре-

ставали и вернули в Вологду. После того как Пражская конференция избрала товарища Сталина в ЦК и создала по его предложению Бюро ЦК, товарищ Сталин вновь бежал из ссылки в феврале 1912 года и стал во главе Русского бюро ЦК в Петербурге. Вместе с Лениным он разоблачал ликвидаторов, троцкистов, впередовцев и готовил большевистскую партию к новым боям против царизма.

В № 12 «Историка-марксиста» читатель находит интересную по материалу статью И. Гохберга и Ю. Аксенова «М. И. Калинин в период подполья».

Заслуживает внимания публикация С. Чобаяна в № 9. Она представляет собой обнаруженное в Центральном государственном архиве Армянской ССР предписание эриванского губернского комиссариата от 30 октября 1917 года. В документе всем уездным комиссарам и начальникам милиции губернии поручается принять меры к аресту В. И. Ленина. Документ этот составлен на основании телеграммы министра юстиции Временного правительства Малинговича о задержании Ленина в «качестве обвиняемого делу вооруженном выступлении третьего — пятого июля Петрограде» (стр. 127). Телеграмма была послана 22 октября 1917 года прокурору тифлисской судебной палаты.

Таким образом, ищейки Временного правительства сначала потеряли следы Ленина, а потом стали разыскивать его в Эриванской губернии, когда социалистическая революция уже победила и великий вождь пролетариата занял пост главы советского правительства.

Следует отметить как заслугу журнала появление в нем статей по истории освобожденных Красной Армией советских республик и по славяноведению.

Я. Зутис в статье «Балтийский вопрос в политике великих держав» (№ 2) исследует историю военно-дипломатической борьбы за Прибалтику в период от Полтавской битвы до Семилетней войны. Балтийский вопрос, указывает Я. Зутис, был в XVIII веке кардинальной проблемой внешней политики России. Автор анализирует историческое значение завоеваний Петра I, явившихся итогом многолетней борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю и имевших огромное прогрессивное значение. Однако, утверждает Я. Зутис, Ништадтский мир не разрешил полностью прибалтийской проблемы для России, ибо не дал удовлетворительного для нее решения вопроса о проливах между Балтийским и Северным морями. На этой почве развивалась дальнейшая сложная борьба, в результате которой царской дипломатии несмотря на отдельные неудачи все же удалось укрепить позиции России на Балтийском море. Исте-

рессы великих держав в Прибалтике непосредственно определяли поведение западноевропейской дипломатии в эпоху дворцовых переворотов.

Автор приходит к выводу, что в течение первой половины XVIII века роль главного противника России на Балтийском море поочередно выполняли все великие державы, кроме Австрии: с 1717 года фронт враждебных России государств возглавлялся Англией; в 30-х годах ее сменила Франция; в 40-х годах продолжалось франко-русское соперничество, но постепенно на первый план выдвигались прусско-русские противоречия, обостренные отношениями государств к Австрии.

Статьи П. Дауге посвящены революции 1905 года в Прибалтике (№ 11) и обзору истории прибалтийских стран в 1917—1940 годах (№ 1).

В начале первой статьи автор приводит данные о развитии капитализма в прибалтийских странах, зарождении рабочего движения, появлении в Прибалтике первых социал-демократических организаций. В 1904 году, через год после II съезда РСДРП, состоялся I съезд латышской социал-демократической рабочей партии. Центральный орган партии поддерживал постоянную связь с ленинской «Искрой».

В Эстонии объединившиеся социал-демократические группы сразу же вошли в местные организации РСДРП, чему содействовала деятельность М. И. Калининга, работавшего в Ревеле. И в Латвии и в Эстонии гегемоном в революции 1905 года выступал пролетариат. Крестьянство под руководством социал-демократической партии поднялось на борьбу против помещичьего дворянства и русского самодержавия. После петербургских событий 9 января в крупных городах Прибалтики проводились забастовки, массовые митинги и демонстрации, происходили кровавые столкновения с царскими властями. С весны 1905 года широко развивалось крестьянское движение. В первомайских демонстрациях в Латвии участвовали сельскохозяйственные рабочие. К лету движение вылилось фактически во всеобщую забастовку сельскохозяйственных рабочих. Уже в начале 1905 года Рижский большевистский комитет РСДРП создал военную организацию с ячейками во многих полках. В некоторых частях в организацию входило до 90% состава.

В стране проходили демонстрации солидарности с восставшим «Потемкинским». Бургальская дума по призыву РСДРП активно бойкотировалась. 15 октября в Риге началась всеобщая забастовка, которая распространилась на всю Латвию. Фактически органами власти стали в городах социал-демократические партийные комитеты, а в

селах — демократические «распорядительные комитеты». Латвийская буржуазия в буржуазно-демократической революции стояла на заднем плане, занимая по мере развития движения все более контрреволюционную позицию.

В декабре в Риге вспыхнула всеобщая забастовка. Хотя забастовка и не привела к вооруженному восстанию, в стране продолжалась руководимая рабочим классом вооруженная борьба крестьянства. Карательные экспедиции царизма залили революцию кровью, но они не сломали боевого духа трудящихся Прибалтики. Совместно с русскими большевиками ЛЮДРП провела бойкот I думы. В деревне росло партизанское движение «лесных братьев». В 1906 году III съезд латышской социал-демократии принял постановление о слиянии с РСДРП.

В статье тов. Дауге наряду с литературными источниками использованы газеты «Диенас Лапа», «Социал-демократ», «Циня», «Испербургас Латвиетис», «Тевия», архив латвийской коммунистической партии.

Во второй статье автор излагает важнейшие события пролетарской революции в Прибалтике и дает краткий очерк истории прибалтийских стран в период господства контрреволюционной буржуазии.

В статье охарактеризованы деятельность коммунистических партий Прибалтики, внутренняя и внешняя политика плутократических буржуазных правительств, направленная к удушению революционного движения, ограблению трудящихся масс в интересах отечественной и западноевропейской буржуазии и провокации войны против Советского Союза.

Статья Н. Нарцова в № 9 посвящена историческим судьбам Бессарабии и Молдавии. Статья страдает сбивчивостью изложения. Читатель то и дело вынужден возвращаться назад или забегать вперед.

Статья охватывает свыше чем двухтысячелетнюю историю Бессарабии и Молдавии. Автор, повидимому, хотел придать работе частично исследовательский характер. В результате в отдельных своих частях статья основана на первоисточниках, а другие части содержат лишь беглые и общие высказывания автора. Не выиграв в научности, статья проиграла в популярности. Виноват в недостатках статьи также язык автора. Как должен понять читатель такую, например, фразу: «В начале февральской революции 1917 г. территория Бессарабии была занята русскими войсками» (стр. 91)? Прямой смысл этой фразы: Временное правительство оккупировало Бессарабию. Но ведь, как известно, воссоединение Бессара-

бии с Россией произошло еще в 1878 году, и с той поры ни одному русскому правительству не могла придти в голову мысль о необходимости «занять» Бессарабию. Может быть, автор хочет сказать, что Бессарабия продолжала оставаться в 1917 году в составе России? Или, что туда было в связи с войной направлено большое количество войск? Какова бы ни была мысль автора, ее следовало изложить так, чтобы не вводить читателя в заблуждение и не заставлять его теряться в догадках.

Создание истории освобожденных Красной Армией советских республик — почетная и трудная задача советских историков. До сих пор марксистская историография сделала в этой области очень мало. Мы полагаем, что «Историк-марксист» в дальнейшем перейдет от сводных и обзорных статей по истории новых советских республик к обсуждению кардинальных теоретических вопросов, будет ориентировать советских историков в имеющейся литературе, в архивных материалах и документации. Привлекая к проблемам истории воссоединенных с СССР народов внимание советской научной общественности и разоблачая ложь буржуазно-националистической историографии, «Историк-марксист» вместе с тем укажет работы и публикации, которые смогут быть использованы для создания подлинно марксистской истории Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии, Латвии, Литвы, Эстонии, Карело-Финской ССР.

Проблемам славяноведения посвящены в «Историке-марксисте» статьи акад. Н. Державина «К истории капитализма в Болгарии», Хр. Кабакчиева и Р. Караколова «Болгария в первой мировой империалистической войне (1915—1918 гг.)» (№ 1 за 1941 г.) и проф. З. Неелды «К истории славяноведения до XVIII века» (№ 2).

Акад. Державин исследует роль болгарских городов, как центров ремесленного и мануфактурного производства, и на основе этих данных прослеживает разложение натуральных форм и возникновение капиталистических отношений в экономике Болгарии. Первая часть статьи посвящена городу Базанлыку, известному в литературе с XVII века. Основатели города занимались почти исключительно земледелием и вели натуральное хозяйство. Постепенно возник обмен с соседними районами, развивались ремесла, а также формы свободного землевладения на выкупленных у помещиков землях. Крупным стимулом в развитии капиталистических отношений послужила Крымская война. Базанлык расширил свой рынок вплоть до Сербии и Малой Азии, в результате чего из домашнего производства выделились различные отрасли мелкой про-

мышленности. Вторжение европейского капитала на турецкий рынок, а затем освобождение Болгарии от турецкого владычества включили страну в мировой капиталистический круговорот, содействовали росту национальной промышленности, развитию болгарской промышленной буржуазии.

В статье Хр. Кабакчиева и Р. Караколова показана борьба империалистических группировок за Болгарию в начале первой империалистической войны, причины выступления Болгарии на стороне австро-германского блока, позиция болгарских политических партий. Авторы специально останавливаются на борьбе против войны партии тесняков, выступавших с лозунгами мира и создания Балканской демократической республики. Статья рисует экономическое положение Болгарии, вызванную войной разруху, разложение армии, нарастание революционного протеста широких народных масс.

Статья проф. З. Неедлы представляет собой очерк развития славяноведения начиная с Плиния Тацита и кончая Добровским и Шлоссером. Изучение первого этапа истории славяноведения, указывает автор, — необходимый шаг к созданию подлинно марксистской науки о славянских народах. Покровский и его «школа» отказывались от изучения славянства, чем фактически отрицали целую важнейшую научную дисциплину. Задача советских историков (объединенных вокруг сектора славяноведения и кафедры истории западных и южных славян при Московском университете имени Ломоносова) — восстановить на принципиально новой основе научное славяноведение, критически пересмотрев все достигнутое в этой области добуржуазной и буржуазной историографией.

Среди материалов журнала, посвященных истории СССР, привлекает внимание статья С. Дмитриева «Славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века)» (№ 1). Следует отметить, что эта статья, как и несколько других наиболее интересных работ в «Историке-марксисте», представляет собой один из отчетов о докладах, дискуссиях, защите диссертаций в научных учреждениях. Крайне желательно было бы, чтобы «Историк-марксист», как теоретический орган, поднимая насущные вопросы исторической науки, давал тем самым материал для дискуссий, а не только печатал отчеты о дискуссиях.

С. Дмитриев указывает на большое значение движений западников и славянофилов в истории русской общественной мысли и одновременно то, что эти движения почти не изучены, хотя имеется громад-

ная литература об отдельных славянофилах.

Сложное само по себе явление, славянофильство еще более осложнено в историографии противоречивыми высказываниями отдельных исследователей. Одни считают славянофильство движением чуть ли не националистически настроенной «либеральной буржуазии», другие — реакционным движением крепостников-помещиков. Самые различные взгляды существуют по вопросу о связи славянофилов 40-х годов с позднейшим панславизмом. Автор считает, что говорить о славянофильстве можно лишь начиная с 40-х годов, и намечает три основные этапа в развитии движения.

Он подчеркивает необходимость учитывать внутреннюю противоречивость славянофильской теории. Существование прогрессивных и реакционных взглядов в славянофильстве являлось, по мнению автора, одной из его существенных черт. Учение славянофилов покоилось на богословских основах, было антиреволюционным, близким к панславизму. Но наряду с этим в нем были прогрессивные начала, проявившиеся в первую очередь в политических и экономических воззрениях славянофилов. Ни один из славянофилов не стоял за неизменное сохранение крепостного права; как направление, славянофильство было настроено по отношению к крепостному праву отрицательно. В 40-х и 50-х годах славянофильство выступало за отмену крепостного права и освобождение крестьян с землей. Поскольку вопрос о крепостном праве, как указывает Ленин, являлся кардинальным и определяющим в ту эпоху, не учитывать подобной позиции славянофилов, говорит автор, нельзя. Помимо того славянофильство осуждало реакционную систему Николая I, ратовало за уничтожение смертной казни, введение гласного суда, созыв Земского собора. По существу своему славянофильство, согласно С. Дмитриеву, — помещичья теория, объективно защищавшая прусский путь развития капитализма. Однако славянофильство были передовыми помещиками, пришедшими к убеждению в необходимости заменить крепостной труд трудом наемных рабочих. Противоречия во взглядах славянофилов были обусловлены противоречивостью самого исторического процесса. Отождествлять теорию славянофилов с «теорией официальной народности», таким образом, абсолютно неверно. Чрезвычайно ценным в статье С. Дмитриева является широкое использование первоисточников. Относительно мало внимания уделил С. Дмитриев историческим воззрениям славянофилов. Как было отмечено на состоявшейся в Институте истории дискус-

сии по поводу доклада тов. Дмитриева, наиболее уязвимым местом в его работе является попытка установить связь славянофильства с утопическими учениями западноевропейского христианского социализма.

Значительный интерес представляет помещенная в № 7 статья В. Шульгина «О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса». Эта статья построена на большом и тщательно собранном документальном материале. Путем сличения различных источников В. Шульгин устанавливает, как именно работы Маркса и Энгельса читал Белинский. На основе анализа документов автор доказывает, что в первую половину 40-х годов Белинский познакомился с брошюрой Энгельса «Шеллинг и откровение». Белинский читал статьи Маркса в «Deutsch-französische Jahrbücher» и косвенно признал, что они оказали на него влияние. Шульгин устанавливает, что известное письмо Белинского к Герцену подразумевает статью Маркса «К критике гегелевской философии права». В спорах с Герценом Белинский опирается на письмо Маркса к Аппенкову. Рапняя смерть помешала знакомству Белинского с «Манифестом Коммунистической партии».

Помещенная в том же номере статья Хас. Муратова освещает роль английской дипломатии в «восточном кризисе» 1875—1878 годов. Автор указывает, что «школа Покровского» в силу характерного для нее пекритического отношения к буржуазной историографии оставила нераскрытым значение Англии, как главного противника царской России в области международной политики. Используя секретные телеграммы и письма царского посла в Константинополе Игнатьева, донесения русских консулов в Турции и различные материалы азиатского департамента министерства иностранных дел, автор рисует провокационную деятельность английской дипломатии в эпоху русско-турецкой войны.

В № 8 помещена статья Г. Качапуридзе «Грузия во второй половине XIX века». Достоинством статьи следует признать то, что автор широко использовал высказывания товарища Сталина об истории Грузии и обширный мемуарный материал. Автор характеризует процесс складывания грузинского народа в нацию, показывает укрепление связей грузинского народа с передовой культурой и общественной жизнью России. Специальные разделы посвящены народническому движению в Грузии, распространению марксизма, деятельности высланных в Грузию русских социал-демократов. Статья заканчивается историей образования революционно-марк-

систского меньшинства группы «Месаме-даси» во главе с товарищем Сталиным.

Содержит интересный материал статья Е. Бор-Раменского «К вопросу о роли большевиков Закавказья в иранской революции 1905—1911 годов» (№ 11). Она построена на использовании ранее неизвестных архивных источников. Статья Е. Бор-Раменского иллюстрирует новым материалом силу влияния российской буржуазно-демократической революции 1905 года на развитие международного революционного движения. Тщательно собранный автором материал подтверждает ту выдающуюся роль, которую играли руководимые И. В. Сталиным большевики Закавказья в развитии иранской революции. Протекавшая под непосредственным влиянием революционного движения трудящихся России иранская революция привела к провозглашению первой в странах Ближнего Востока конституции. Закавказские большевики оказывали огромную идейную помощь иранскому народу и непосредственно участвовали в его освободительной борьбе. Большевистские газеты уделяли иранской революции чрезвычайно большое внимание; Ленин посвятил ей специальную статью. В Закавказье большевистские организации выпускали листовки о ходе революции, разоблачали роль англо-русских интервентов в Иране. Большевики Закавказья работали в иранской революционной организации «муджахидов», помогали ей собирать средства, оружие, печатать революционную литературу. Большевистские организации командировали в Иран своих работников, которые участвовали в создании вооруженных сил революции, организовывали революционные восстания, участвовали в боевых действиях. Большевики Баку послали в Иран 22 дружинника. Характерно, что царский посол в Иране Гартвиг доносил в связи с деятельностью закавказских большевиков: «Лагерь Саттар-хана¹ давно бы сложил оружие, если бы ему не оказывали помощь наши кавказцы» (стр. 96). Во время подготовки выборов в меджлис кавказские большевики развернули широкую разъяснительную работу среди иранских трудящихся. Осенью 1909 года Бакинская организация направила в Иран С. Орджоникидзе. Тов. Орджоникидзе развил активную революционную деятельность в Гилянской провинции, создавал интернациональные клубы, организовывал доставку большевистской литературы. Особенно интересны записанные ав-

¹ Саттар-хан — один из деятелей иранской революции, руководитель крутого вооруженного отряда, сражавшегося с правительственными войсками.

тором воспоминания живых участников иранской революции.

Статья А. Мильштейна в № 8 посвящена истории вооруженного восстания в Сибири в 1905 году. Автор исследует главным образом ход вооруженного восстания в Красноярске и Чите.

В разделе истории СССР советского периода большинство статей посвящено эпохе гражданской войны.

Статья А. Гуковского «Трехмесячная передышка» (№ 9) освещает положение Советской республики в период после разгрома Колчака и Деникина. Наиболее интересными в статье являются собранные автором данные об экономическом состоянии страны.

К сожалению, автор не сумел достаточно полно показать экономические и политические мероприятия партии в это время в их организационном единстве с общей большевистской программой построения социализма, с ленинским планом приступа к социалистическому строительству и деятельностью большевистской партии в восстановительный период.

Другая статья А. Гуковского — «Победа советской власти в Армении в 1920 году» (№ 11) — наиболее интересна в части, посвященной восстанию армянских трудящихся против дашнакского владычества в мае 1920 года. Восстание, руководимое подпольными большевистскими организациями, началось в Александрополе (ныне Ленинакан). 11 мая провозгласили советскую власть трудящиеся Карса во главе с народным героем Армении Г. Гукасяном. Восстание распространилось и на другие районы страны. Дашнакское правительство спешно создало контрреволюционный «Комитет спасения Армении». Затопив в крови движение в крупных центрах, дашнаки не смогли, однако, справиться с продолжавшимися все лето крестьянскими восстаниями. Эти восстания затем вылились во всенародное движение в дни прихода Красной Армии, направленной по указанию Ленина и Сталина на помощь армянскому народу.

Статья М. Фейгельсона «Мещочничество и борьба с ним пролетарского государства» (№ 9) освещает частный, но не лишенный исторического интереса вопрос. История борьбы с мещочничеством показательна с точки зрения истории борьбы партии за укрепление государственной и экономической дисциплины, за учет и контроль в период гражданской войны. Мещочничество срывало продовольственную политику советской власти, ломало систему регулирования народного хозяйства. Благодаря изданию специального декрета, применению реквизиций и кон-

фискаций, широкой помощи, оказанной государству со стороны комбедов и трудящихся масс, размеры мещочничества систематически уменьшались.

Эпохе гражданской войны посвящены также статьи А. Тарасова «Контрреволюционная авантюра татарской буржуазии (1918 год)» (№ 7), Ю. Осипова «Из послеоктябрьской истории интеллигенции» (№ 8), Д. Баевского «Из истории строительства большевистской партии» (октябрь 1917 — март 1919 г.), И. Разгона «Из истории борьбы горцев Северного Кавказа за власть советов в 1917—1920 гг.» (№ 2).

К более позднему периоду истории советского государства относятся статья Н. Рубинштейна «Накануне Генуэзской конференции» (№ 2) и статья Э. Генкина «СССР в 1930—1931 годах» (№ 12), представляющая собой главу из подготовляемого III тома учебника истории СССР для вузов. Э. Генкина показывает борьбу за победу колхозного строя в деревне, развертывание массового движения за коллективизацию на основе постановления Политбюро от 5 января 1930 года, бешеное сопротивление политике партии со стороны кулачества, всех врагов советской власти.

Наиболее свежий материал содержится в первой части статьи, где автор привлек яркие выдержки из газет той эпохи и замечательные письма и высказывания колхозников. К сожалению, подобного материала почти нет в последующих частях работы. Статья выиграла бы, если бы она была менее перегружена цифрами, цитатами из постановлений и декретов. Исторические решения большевистской партии и советской власти следовало бы полнее показать в действии, в борьбе народных масс за реализацию этих решений.

Читатели «Историка-марксиста», мы полагаем, со вниманием отнесутся к статье тов. Н. Рубинштейна. Она изображает тот интереснейший момент мировой истории, когда империалистическая Европа, потерпев крах в своих стремлениях уничтожить победившую на одной шестой земного шара социалистическую систему вооруженным путем, впервые попыталась перейти к «мирным» взаимоотношениям с Советской страной.

Используя обширный материал, автор показывает на широком фоне политической истории послевоенной Европы, как правительства Антанты перед лицом провала антисоветской интервенции искали способы экономического и политического давления на советское государство. Верховный совет союзников, решив использовать голод в Советской России, соз-

дал в 1921 году международную комиссию «оказания помощи русскому народу» и поставил во главе ее одного из активных организаторов интервенции — Нуланса.

«Обследование», которое предложила РСФСР комиссия, должно было фактически подчинить советское государство контролю империалистических держав. Подлинный смысл «забот» о голодающих был не в Ф. Паппе, чей проект снабжения РСФСР продовольствием был отвергнут Лигой наций. Великий полярный исследователь Ф. Паппе, друг Советской России, оказавший ей большую помощь в борьбе с голодом, заявил в ту пору, что вопрос о голоде в России окружен отвратительной политической атмосферой (стр. 24).

28 октября 1921 года советское правительство обратилось к странам Антанты с предложением созвать международную конференцию для выработки окончательного мирного договора между РСФСР и капиталистическими государствами. Н. Рубинштейн рисует сложную картину борьбы международной дипломатии вокруг советского предложения. Реакционная французская буржуазия, менее чем английская заинтересованная в торговых сношениях с РСФСР, пыталась всеми способами отсрочить созыв конференции и сузить ее полномочия. Однако созванная по инициативе Ллойд-Джорджа конференция союзников в Калпах приняла решение вступить в широкие переговоры с РСФСР. Это решение стоило поста французского премьера «уступчивому» Бриалу и повлекло замену его Шуаякаре.

Советская дипломатия внимательно следила за всеми перипетиями подготовки Генуэзской конференции. Учитывая разногласия и противоречия в империалистическом мире, она противопоставляла международному ажиотажу, создававшемуся вокруг Генуи, свою уверенную и спокойную позицию. Отнюдь не переоценивая значения предстоявшей конференции, советское правительство рассматривало ее созыв как свою победу и умело парировало попытки срыва конференции, разнообразные «дипломатические» и «недипломатические» провокации, планы создания антисоветского блока в Прибалтике и т. д.

Статья тов. Рубинштейна продолжает то серьезное и углубленное изучение вопросов истории советского периода, которое до сих пор ограничивалось почти исключительно эпохой гражданской войны. Надо надеяться, что «Историк-марксист» будет иметь возможность еще более глубоко и многосторонне в последующих статьях обобщить исторический опыт социалистического строительства.

В № 7 журнала помещена статья Г. Гельбраса «СССР и Иран» (1917—1940 гг.), представляющая собой обзор дипломатических и экономических отношений между обеими странами.

Материалов по всеобщей истории «Историк-марксист» дает очень немного. Интересно и хорошо написана статья Н. Мицкун «Восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде» (№ 9). Собрав свежий материал, автор рисует картину первого крупного восстания испанского народа против вторгшихся в страну войск Наполеона. В статье использованы испанские, французские, английские и русские источники и фонды архива царского министерства иностранных дел.

Две статьи в этом разделе являются главами из подготовляемого многотомника по всемирной истории. Статья Е. Рубинштейн в № 7 журнала излагает историю распада Габсбургской монархии в 1918 году. Особенно подробно автор осветил развитие революционного движения в «оскутной монархии». В № 11 помещена статья М. Захаровой «Из истории послевоенной Румынии». Статья является главой, написанной для XII тома «Всемирной истории», и охватывает период 1918—1923 годов.

В № 12 содержится также небольшой исторический эскиз Р. Ю. Вишера «Политические идеалы буржуазной интеллигенции XIX века».

Самый принцип помещения в журнале глав из многотомника «Всемирной истории», из «Истории СССР» и т. п. является, безусловно, правильным. Журнал дает в руки читателю нужный ему материал, не заставляя его дожидаться выхода в свет самих изданий. Однако цель опубликования не может ограничиться только этим. Одна из важнейших задач публикации глав из многотомников и учебников заключается в том, чтобы привлечь к ним внимание научной общественности и создать возможность включить эти главы в подготовляемые издания в наиболее совершенном виде. «Историк-марксист», к сожалению, не дает на своих страницах конкретного обсуждения публикуемых глав. Материалы дискуссии, возникшей по поводу учебников истории СССР в связи с выступлением профессора Джанашия, появились в «Историке-марксисте», когда учебники уже давно вышли в свет.

Положительным фактом следует признать опубликование статей по историографии. Статьи эти содержательны и интересны. В № 8 опубликована статья К. Ф. Кёппена «Берлинские историки». К. Ф. Кёппен (1808—1863), биографию которого излагают в вводной статье Д. Зандберг и К. Швец, был одним из вид-

ных левых гегельянцев, историком с большими знаниями, широким кругозором и самостоятельностью суждения (см. стр. 67). Его знакомство с Марксом состоялось в 1837 году, и с тех пор началась их тесная дружба. Статья Кёппена направлена в основном против представителей официальной немецкой исторической науки — Раумера и Райке. Ее важнейшие положения особенно интересны, так как, несомненно, возникли под непосредственным влиянием самого Маркса.

Акад. Б. Греков в статье «Ломоносов-историк» (№ 11) опровергает идущую от Соловьева оценку Ломоносова, как шестерезного исторического исследователя и случайного в области историографии человека. Заниматься историей Ломоносов начал по собственной инициативе за несколько лет до известного предписания императрицы Елизаветы Петровны. Ломоносов самостоятельно и глубоко изучал источники, он дал целый ряд верных и ценных наблюдений по древней истории славянства. Соображения Ломоносова о происхождении русского народа ставят его, как ученого, впереди многих последующих исследователей. Взгляды Ломоносова о наличии этнического термина «Русь» на юге вне связи с северной «Русью» признаются в настоящее время большинством специалистов. Историческая схема Ломоносова ближе к современной науке, чем схема Карамзина.

С. Бушуев в статье «Русская история в освещении революционных демократов» (№ 8) анализирует исторические взгляды Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Первая часть работы выясняет направление исторических интересов великих революционных демократов; затем, автор переходит к анализу их методологических воззрений, далее, он исследует высказывания русских просветителей по вопросам русской историографии и конкретным проблемам русской истории. С. Бушуев отмечает, что значение Белинского, Чернышевского и Добролюбова для исторической науки отрицалось в буржуазной историографии и недооценивается в историографии советской. Исторические концепции великих борцов за народное освобождение были пропихнуты верой в будущее, глубоким историческим реализмом. Эти концепции развивали передовые идеи общественной мысли Западной Европы, они являлись оружием борьбы против дворянской и буржуазно-либеральной идеологии.

Весьма содержательна статья О. Вайнштейна «Развитие историографии средних веков в царской России», представляю-

щая собой главу из книги автора «Историография средних веков» (№ 9).

Отделу критики и библиографии в «Историке-марксисте» уделяется большое внимание. Среди критических статей и обзоров интересна статья А. Митта об учебнике «История Эстонии» И. Адамсона (№ 1). Статья М. Смирнова о «Хронологических выписках» Маркса по истории средних веков помещена в № 12. Актуальной темой посвящена статья К. Юцака о книге американского журналиста Г. Армстронга «Надежды Франции» (№ 12). Статья проф. А. Колонковского о работе Бирхера и Бода «Шлиффен. Воин и мыслитель» (№ 12) ценна тем, что автор, критически освещая произведение и давая его детальный анализ, высказывает ряд интересных собственных соображений о Шлиффеле и его знаменитом «большом плане» и связывает содержание книги с проблемами второй мировой империалистической войны.

Мы полагаем, что отдел «Критические статьи и обзоры» сможет в будущем извлечь особенно большую пользу из указания относительно обзоров, содержащегося в постановлении ЦК ВКП(б). В этой области у «Историка-марксиста» есть возможность сделать много нового и ценного. Мы полагаем, что в «Историке-марксисте» стоило бы печатать не только обзоры современных журналов или книг по крупным отраслям исторической науки, но и обзоры новейшей литературы по специальным, но в то же время актуальным и сложным историческим проблемам. Такие обзоры, с одной стороны, помогли бы читателю разобраться в существующих точках зрения и имеющейся литературе по данному вопросу; с другой стороны, они могли бы представить ценность, как предварительные выводы и регистрация уже достигнутого в данной области. Тем самым редакция содействовала бы освещению состояния советской историографии.

Большую пользу читателю могли бы принести также обзоры исторической литературы, выходящей в областных или республиканских центрах. До сих пор «Историк-марксист» не уделял внимания периферийным изданиям (если не считать рецензий на несколько книг, вышедших на Украине). Между тем вне Москвы и Ленинграда выходит много книг по истории, и авторитетные суждения о них теоретического органа могли бы принести большую пользу и издательствам, и авторам, и читателям.

Хотелось бы видеть время от времени на страницах «Историка-марксиста» обзоры исторической беллетристики. Исторические знания, облеченные в художественную форму, с удивительной быстро-

той проникают в сознание массового читателя. Тем более важно, чтобы наша историческая беллетристика стояла на должной теоретической высоте, давала политически правильное, марксистское освещение историческим событиям, оперировала беспорными фактическими данными.

В отделе рецензий наряду со статьями, дающими четкое представление о книге, ясно выражающими отношение к ней автора рецензии и формулирующими его собственные взгляды, попадаются и рецензии «протокольного» характера, ничем не помогающие ни читателю, ни автору. Такова, например, рецензия А. Яковлева на работу Т. Купряшкина и В. Самаркина «1917 год в Мордовии» (№ 1).

От обзора содержания журнала и отдельных замечаний перейдем к соображениям общего характера. «Историк-марксист» опубликовал за последние месяцы ряд ценных статей. Положительной стороной его работы является внимание, которое уделяет журнал проблемам внешней политики, истории новых советских республик, славяноведению, историографии. Все же в «Историке-марксисте» еще встречаются статьи, о которых так же трудно сказать что-либо хорошее, как и плохое. Это прежде всего так называемые «сводные» статьи, работы, связанные с юбилейными датами, краткие очерки. Нам кажется, что журналу следует больше печатать статей, свидетельствующих о глубиной научно-исследовательской работе их авторов. Не случайно, что наиболее интересными статьями «Историка-марксиста» следует считать главы из диссертаций, отчеты о научных докладах и дискуссиях. Это означает, что журнал еще не стал в достаточной мере организатором, возбудителем научной мысли. Между тем именно

об этом говорится в постановлении ЦК ВКП(б), обязавшем теоретические журналы «перестроить свою работу, обеспечив на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров и творческую дискуссию по вопросам теории».

«Историк-марксист» должен не ограничиваться ролью информатора о дискуссиях, а самостоятельно поднимать крупные теоретические вопросы и предоставлять для этой цели свои страницы советским ученым. Почему бы, например, не оказать активной помощи нашим историкам в разработке таких важных вопросов, как проблема генетической связи карельского и финского народов, о которой говорил товарищ Жданов, как вопрос о причинах позднего вступления России на путь капиталистического развития, как периодизация всемирной истории, истории СССР, истории культуры, истории общественной мысли.

Ни в одной стране достижения исторической науки не являются в такой мере плодом коллективных усилий, как у нас. Над проблемами исторической науки работают в СССР обширные коллективы советских ученых. В творческих спорах, во взаимной критической проверке рождаются научные идеи, создаются статьи и книги. «Историк-марксист» имеет полную возможность на основе указаний историческому фронту со стороны партии, правительства и лично товарища Сталина стать в еще большей мере чем сейчас коллективным организатором научной теоретической мысли.

Ю. ОСНОС

Славная страница советской истории

У всех нас еще свежа в памяти война, которую советская держава была вынуждена вести против белофиннов, чтобы раз навсегда обеспечить безопасность прекраснейшему городу социалистической страны — Ленинграду.

Опыт советско-финской войны, бесспорно,

будет пропитливо изучаться. Боевые действия были очень непродолжительны — всего 3 с половиной месяца, 105 дней, но

в течение этого краткого в историческом масштабе срока советские люди, воины Красной Армии чрезвычайно обогатили представление о моральных возможностях человеческого духа замечательными своими подвигами во славу социалистической родины. За эти 105 дней было сказано новое, весьма веское слово в военном искусстве: впервые была преодолена и сокрушена сплошная стена железобетонных строившихся многие годы укреплений — «линия Маннергейма», которую военные авторитеты всего мира признавали неприступной и несокрушимой.

Сейчас проводится по специальному приказу народного комиссара обороны Героя и маршала Советского Союза тов. С. К. Тимошенко большая работа по написанию многотомной истории советско-финской войны. Это — выдающееся научное начинание, и есть все основания полагать, что оно будет выполнено в назначенный срок и явится весомым вкладом в военно-историческую литературу.

Ценным пособием по истории миновавшей войны является выпущенный Военным издательством Народного комиссариата обороны двухтомный сборник «Бои в Финляндии»¹. Двести восемнадцать участников героических боев делятся здесь с читателями своими воспоминаниями о недавних днях борьбы за социалистическую родину. В своей совокупности эти статьи, повествования, дневники составляют широко развернутую, многокрасочную картину воистину огромной впечатляющей силы.

Хронологический материал охватывает всю кампанию — от 30 ноября, когда в ответ на провокационный выстрел, прозвучавший за четыре дня до этого в районе деревни Майнила, советское правительство, убедившись в прямом стремлении финской белогвардейщины затеять войну против Советского Союза, приказало войскам Ленинградского военного округа перейти границу, и вплоть до 13 марта, когда прекратились военные действия, когда воинственный пыл финских зачинщиков войны сменился не менее пылким стремлением закончить эту злосчастную для них авантюру.

Двести восемнадцать авторов сборника — это командиры, политработники, бойцы Красной Армии, люди разного военного кругозора, мыслящие различными масштабами. Однако это не только не вредит цельности создаваемого книгой военно-исторического полотна, но, напротив, расцвечивает его внезапными, тонко выписанными деталями, отдельными, метко подмеченными, драгоценными штрихами — всем тем, что придает историческому повествованию трепет долинной жизни.

Воины Красной Армии — не профессиональные писатели. Рассказы их о виденном, о пережитом и сделанном внешне просты и неприторливы. Но эти рассказы воспринимаются как исключительные по своей силе литературные произведения.

Воины Красной Армии, разумеется, — и не историки. Они описали лишь то, в чем сами лично участвовали. И вместе с тем множество эпизодов из сборника, бесспорно, может и будет впоследствии целиком

включено в связанную научную историю советско-финской войны: до того они стройно, последовательно и объективно излагают события.

И есть еще одна важная черта у этих двух монументальных книг: о войне сказано суровая и строгая правда. Война — жестокое испытание для всех ее участников, и военное дело требует нестигаемой воли, стремительной решимости и многих других нравственных качеств. «Бои в Финляндии» — это коллективный документ большой реалистической силы, а следовательно, и огромного познавательного значения. Он не только рассказывает и излагает, но и поучает. Он показывает великую победу, одержанную Красной Армией, не как триумфальное шествие легкокрылых побед, напротив, во всю силу подчеркивается, что победы давались тяжелой ценой многих жизней, героической самоотверженностью и кровью ее участников. В этом смысле сборник четко указывает направление, в котором наши историки должны воспитывать советских читателей: не приукрашивать путей войны, усыпая их лепестками искусственных цветов, а рисовать их такими, каковы они есть. Тягости, к которым сознание подготовлено, несравненно легче и переносятся и преодолеваются, нежели нежеланные, а поэтому разочаровывающие и угнетающие.

Трудности побед, достигнутых Красной Армией на Карельском перешейке, красочно характеризуются беспристрастным описанием всех сооружений «линии Маннергейма», которое дает вступительная статья Героя Советского Союза генерал-майора инженерных войск А. Хренова, открывающая собой сборник.

Было бы глубоко ошибочным представлять себе «линию Маннергейма» как некую бесхитростную геометрическую черту, одиноко перечеркнувшую Карельский перешеек. «Линия Маннергейма» является лишь частью, правда, основной, многоступенчатой лестницы капитальнейших укреплений, возведенных от советско-финской границы вплоть до Выборга. У самой линии бывшей государственной границы была сооружена широкая и глубокая оперативная зона заграждений. «Она была оборудована несколькими полосами заграждений и целой системой опорных пунктов для их огневого прикрытия. Силу этой системы характеризуют следующие цифры: в опорных пунктах частями Красной Армии с боем захвачено 12 долговременных (с одной амбразурой) огневых точек, 845 дерево-земляных огневых точек и 400 дерево-земляных убежищ» (т. I, стр. 3). На каждый квадратный километр местности здесь приходилось: 0,5 километра про-

¹ «Бои в Финляндии». Воспоминания участников. Т. I, 392 стр. 6 р. 25 к; Т. II, 540 стр. 7 р. 25 к.

волочных заграждений, 0,5 километра лесных завалов, 0,9 километра минных полей, 0,01 километра эскарпов, 0,02 километра надолб, 0,03 штуки взорванных мостов. В этой полосе все мосты, все грунтовые и шоссевые дороги, железнодорожное полотно — все без исключения, что могло бы помочь Красной Армии при ее наступлении, было заранее обречено на уничтожение. На дорогах были вырыты огромные воронки глубиной в 7—10 метров, поперечником в 15—20 метров. На 1 погонный километр дороги ставилось в среднем 200 противотанковых мин — 1 мина на каждые 5 метров!

Но все ухищрения белофиннов, рассчитанные на задержку сил Красной Армии в ее продвижении вперед, оказались развешанными в прах. 40 километров оперативной зоны заграждений были пройдены нашими частями за 5—10 дней, и советские войска вплотную подошли к главной оборонительной полосе — собственно «линии Маннергейма».

Этот главный козырь в белофинских руках состоял из 22 узлов сопротивления. «Узел сопротивления оборонялся 1—2 стрелковыми батальонами, усиленными артиллерией. По фронту узел занимал 3—4,5 километра и в глубину — 1,5—2 километра. Он состоял из 4—6 опорных пунктов, каждый опорный пункт имел по 3—5 долговременных огневых точек, преимущественно пулеметно-артиллерийских, составлявших скелет обороны» (т. I, стр. 4—5).

У одного из наиболее мощных дотов (долговременная огневая точка) проволочная сеть доходила до 45 рядов, причем 42 первых ряда поддерживались металлическими кольями высотой в 60 сантиметров, заделанными в бетон. Надолбы здесь насчитывали 12 рядов и располагались среди проволоки. Чтобы подорвать надолбы, приходилось преодолеть 18 рядов проволоки, под трех-четырёхслойным огнем, в 100—150 метрах от переднего края обороны противника.

Доты, созданные в 1938—1939 годах при активнейшей консультации и помощи генштабов армий ряда империалистических государств, представляли собой подлинно могучие сооружения на 4—6 амбразур, из которых 1—2 предназначались для артиллерийских орудий. При доте, кроме боевых казематов, имелись железобетонная казарма на 40—100 человек, помещения для боеприпасов и продовольствия, офицерская комната и т. д.

Над таким современным дотом высились 2—3 балочных бронеколпака с круговым обзором. Толщина железобетонных стен и покрытия достигала 1,5—2 метров и могла

противостоять 203-миллиметровым снарядам.

Помимо дотов во множестве были сооружены и дзоты (деревяно-земляные огневые точки) самой различной конструкции. Предусмотрительность белофиннов явствует хотя бы из следующей их уловки: все дзоты имели настолько глубокую амбразуру, что дуло автоматического оружия не выходило примерно далее ее середины. В силу этого вспышка при выстреле становилась невидимой извне, звук искажался, маскируя направление, и, следовательно, становилось чрезвычайно затруднительным определить местонахождение огневой точки.

Основной оборонительной полосой не завершалась фортификационная система на Карельском перешейке: за ней на расстоянии 3—5 километров следовала вторая оборонительная полоса, где находились 39 долговременных огневых сооружений и 178 дерево-земляных построек. Здесь были сосредоточены склады боеприпасов, землянки, убежища, где размещались тактические резервы «линии Маннергейма».

В 12 километрах от последней располагалась Выборгская тыловая позиция, охватывавшая 4 узла сопротивления, в состав которых входили 18 железобетонных сооружений и 77 дзотов.

О монументальности и тщательной продуманности всего укрепленного пояса может свидетельствовать хотя бы тот факт, что тыловой оборонительной полосе предшествовали 6 промежуточных линий обороны с развитой системой заграждений.

Наконец, на самых подступах к Выборгу была сооружена Выборгская позиция прикрытия. Это скромное наименование объединяло 16 дотов и 31 дзот. Самый Выборг также представлял собой внушительный узел сопротивления. Он был подкреплён системой затопления местности водами Саймаанского канала. Достаточно указать, что, когда в конце февраля финны приступили к затоплению местности под Выборгом, образовалось озеро площадью примерно в 180 квадратных километров.

Следует подчеркнуть, что множество финских островов не было оставлено без внимания и органически включалось во всю разветвленную оборонительную систему. На одних островах Выборгского залива было возведено 77 долговременных и 90 дерево-земляных огневых точек.

Разумеется, это белое перечисление основных сооружений лишь в приблизительной степени дает представление о всех тех препятствиях, которые пришлось преодолеть советским войскам. Союзником белофиннов была природа. Густые леса, поныне сохранившие свою девственную неприкосновенность, знаменитые финские озера, не-

проходимые топи болот, сложнейший профиль местности, изобилующей горами, холмами, скалами, сами по себе создавали оптимальные условия для обороны и максимальные трудности для наступления. Эти природные преимущества были заботливо и тщательно использованы врагами нашей страны для создания мощного вооруженного плацдарма против СССР.

К услугам белофиннов при этом был весь цвет военной технической мысли империалистических государств. Бельгийский генерал Бадю, положивший немало трудов для упрочения «линии Маннергейма», давал такой отзыв о ней:

«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами — Ладожским озером и Финским заливом — имеются непроходимые леса и громадные скалы.

Из дерева и гранита, а где нужно и из бетона, построена знаменитая «линия Маннергейма». Величайшую крепость «линии Маннергейма» придают сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где не хватало гранита, финны не пожалели бетона» (т. I, стр. 14).

Но все эти ухищрения были преодолены героизмом воинов Красной Армии, которые буквально смели с лица земли все это нагромождение металла и бетона, орудий и пулеметов, эскарпов и надолб. «Линию Маннергейма», почитавшуюся неприступной и неуязвимой, советские войска превратили в жалкие руины. В общем итоге на Карельском перешейке было захвачено и уничтожено 356 железобетонных сооружений и 2425 изотов, вооруженных 2204 пулеметами и 273 орудиями.

Это была не только огромная победа Красной Армии, — это была также огромная политическая победа социалистического государства. «Красная Армия не только сокрушила «линию Маннергейма», — указал товарищ В. М. Молотов, — я тем покрыла себя славой, как первая армия, в труднейших условиях проложившая путь через большую мощную полосу вполне современных военных укреплений, — Красная Армия вместе с Красным Флотом не только сокрушила финляндский военный плацдарм, подготовленный для нападения на Ленинград, но и ликвидировала кое-какие антисоветские планы, взле-

деянные на протяжении последних лет некоторыми третьими странами»¹.

В этих ожесточенных боях за родину войны Советской страны показали истинное величие боевого духа.

Пехота, артиллерия, танкетки, быстрокрылая авиация — все роды войск объединили усилия, чтобы сокрушить врага и увенчать свои знамена бессмертной славой.

«Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять», — эти замечательные сталинские слова были еще раз претворены армейскими большевиками в жизнь. Та «твердая воля гордого духа», которую выдающийся военный теоретик Клаузевиц считал основой военного искусства, была продемонстрирована Красной Армией с несравненной убедительностью.

Читая глубоко правдивые материалы о боях в Финляндии, преклоняешься перед удивительной отвагой и самоотверженностью этих людей.

Вот описание некоторых разведок, проведенных Героем Советского Союза В. Кирилловым.

Группе было поручено занять ранее обнаруженный блиндаж и произвести разведку огневых точек.

Блиндаж оказался оставленным, разведчики во мраке поползли дальше.

Внезапно они наткнулись на проволочное заграждение. С величайшей осторожностью стали резать проволоку, но, повидимому, от проволоки была проведена сигнализация. — финны открыли яростную стрельбу по заранее пристрелянному месту. Разведчикам пришлось отползти за бугор.

По глуховатому звуку выстрелов Кириллов установил, что стрельба производится из дота, расположенного справа от разведчиков. Слева же их обстреливали, судя опять-таки по звуку, автоматчики, вероятно, из траншей.

Поползли к траншее. Финны меньше всего ожидали такой дерзкой отваги. Они были уверены, что советские разведчики отступили. У себя в траншее враги вели во весь голос беседу, курили. Кириллов и его товарищи видели огоньки папирос, слышали голоса. Разведчики продвигались метр за метром, контролируя каждое свое движение: малейший шум мог их выдать, мог погубить.

И вдруг финны, переполошившись, открыли бешеный огонь по разведчикам, пустили осветительную ракету, но Кириллов по выстрелам успел уже все разведать: и дот и траншею; цель разведки была достигнута, и он решил возвращаться. По

¹ В. М. Молотов «Внешняя политика правительства», стр. 8. Госполитиздат. 1940.

из-за облаков взошла луна, осветительные ракеты непрерывно взлетали одна за другой, и враги, не теряя разведчиков из виду, вели по ним напряженный огонь.

Опыт и умение помогли нашим войнам достигнуть леса. Здесь они осмотрелись, Кириллов пересчитал спутников и убедился, что одного не хватает. Очевидно, раненый или убитый, он остался у траншеи. Взаимная помощь и выручка в бою являются нерушимым моральным законом в Красной Армии. Это одна из самых благородных традиций русских войск. Известный военный писатель Беригарди дал в свое время такую почетную оценку этой героической черте русского солдата: «Он считает большим позором и бесчестием оставлять «наших» при опасности и способен на самые большие жертвы по отношению к своим товарищам». В Красной Армии эта черта находит свое высшее воплощение.

Не колеблясь ни секунды, Кириллов пустился в путь, чтобы выручить попавшего в беду товарища. Под проливным дождем финских пуль он дополз до колючей проволоки у вражеской траншеи. На проволоке висел тяжело раненый товарищ. Он был еще жив. Кириллов взвалил его себе на спину и вновь пополз к лесу. Неослабный пулеметный огонь противника вынуждал его через каждые 2—3 метра зарываться в снег. Раненый разведчик очнулся и упраскивал Кириллова пристрелить его, но Кириллов, напрягая все силы, с помощью подоспевшего разведчика Пономарева доставил раненого в штаб.

Когда наступил день, неутомимый разведчик получил новое задание: исследовать местность возле дота. Взяв 2 товарищей на подмогу, он направился в лес. Перед ним открылась просека, в конце которой выскочил перевернутый танк, а за танком пулемет. Наметанный глаз Кириллова мгновенно определил, что здесь он найдет хороший наблюдательный пункт.

Приказав обоим спутникам наблюдать за ним, Кириллов пополз к опрокинутому танку. Он одолел уже свыше половины пути, когда замеченный им у танка пулемет внезапно дал по Кириллову очередь. Сделав несколько рывков, Кириллов скатился в попавшуюся на пути яму и засел в ней. Спустя несколько минут он с величайшей осторожностью приподнял голову и ясно разглядел объект своей разведки — дот с несколькими амбразурами, а рядом умело замаскированное орудие.

Разведка Кириллова была успешно закончена, но не было никакой возможности выбраться из ямы и вернуться к своим. Финны внимательно наблюдали за местностью. Кириллов в изнурительном ожидании темноты просидел в яме 5 часов. Ког-

да, наконец, наступили зимние сумерки, он выбрался из ямы и пополз назад.

Не одолел он и 15 метров, как враг заметил его и открыл по нему стрельбу из нескольких пулеметов. Предусмотрительно оставленные им в лесу товарищи наблюдали за обстрелом и отметили, что стрельбу вели 5 пулеметов. Особенно их заинтересовал пулемет, который стрелял с соседнего бугра. Кириллов заподозрил, что этот бугор — не что иное, как промежуточный блиндаж, соединяющий 2 дота. Ближайшая же ночная разведка подтвердила правильность его догадки.

С этим дотом у Кириллова состоялась еще одна встреча, едва не стоившая ему жизни. 11 февраля, в день генерального штурма «линии Маннергейма», воздух содрогался от гула артиллерийской стрельбы. Кириллов с несколькими разведчиками пополз к доту и залег за лнем.

Меткий огонь наших артиллеристов уже нанес доту серьезные повреждения: все купола были разбиты, арматура обнажена, — но дот продолжал отчаянно сопротивляться, и едва лишь показывался советский танк, как справа от дота появлялся дымок от орудийного выстрела.

Внезапно кусок белого картона, маскировавший это орудие, свалился. Ястребиный взор Кириллова заметил, как из-за щита орудия воровато потянулись руки, чтобы поправить упавший картон. Несколько меткими выстрелами под щит разведчик заставил орудие замолкнуть.

В сумерки разведчики подобрались к доту по пустой траншее. Дверь его была закрыта. Враг притаился. Кириллов решил взобраться на дот, но при первом его движении вражеский снайпер из леса сбил с него каску. Однако разведчик не отказался от своего намерения и, наконец, вскарабкался на разбитый купол дота. Он заметил кирпичную трубу и решил бросить туда гранату. Подползая к трубе, он зацепился лапами своего халата за арматуру, но не заметил этого.

Достав гранату, он опустил ее в трубу, но граната застряла в решетке, перегородившей трубу. Создалось драматическое положение: граната шипит и вот-вот взорвется, а Кириллову запутавшийся в арматуре халат не позволяет двинуться с места. Еще секунда — и разведчик пал бы жертвой собственной гранаты. Он напряг все силы... рывок — и он скатился вниз, оставив на железных прутьях обрывки халата.

И только он успел это сделать, как граната взорвалась и уничтожила решетку.

Неутомимый разведчик, взяв связку гранат, вернулся к трубе и принялся их швырять одну за другой внутрь дота. Взрывы сотрясали стены, в доте забуше-

вал пожар. Товарищи Кириллова в это время взрывали стены дота.

«Тогда всю вражескую берлогу вывернуло наружу. Так был уничтожен этот дот, с которым мне столько пришлось повозиться» (т. II, стр. 35). Этими подлинно эпическими словами Герой Советского Союза В. Кириллов заканчивает свой рассказ.

Нельзя без волнения, без глубочайшего уважения к доблести советских воинов читать этот исполненный скромности рассказ. Ни на секунду, ни в одной фразе безмерно смелый разведчик не любуется собой: его слова деловиты и просты, но эти будничные слова создают сверкающий образ человека социалистического общества, сталинской эпохи, человека высочайших моральных достоинств, какие могут быть воспитаны и воспитываются в мужественной среде Красной Армии.

Герой Советского Союза майор С. Ниловский так описывает воинское мастерство Кириллова:

«Кириллову, как у нас говорили, «везло». Он возвращался невредимым из самых опасных экспедиций. Но везение здесь было обусловлено тем, что сам Кириллов старался рисковать как можно меньше. Он вел свое дело без спешки и торопливости. Красивых жестов он не делал, в рост под пулями не поднимался. Там, где другой, может быть, прополз бы расстояние за полчаса, Кириллов полз 3 часа, а то и 4. Каждую кочку, каждый камень он использовал для укрытия. В его подвигах не было жертвенности, в них были сознание долга и расчет, доведенный до предела» (т. II, стр. 28).

Страницы книги насыщены многими подобными героическими эпизодами, и если будущему историку наших лет понадобится составить себе отчетливое представление о нравственных устоях и духовных качествах людей Красной Армии, он найдет обильный материал в рецензируемом сборнике о боях в Финляндии.

В этих боях широчайшее применение получили такие сравнительно молодые роды оружия, как танки и авиация. Некоторые подвиги, совершенные во время наземных и воздушных сражений, являются в полном смысле этого слова беспримерными, беспрецедентными и по своей внешней форме. К числу таких подвигов должно быть отнесено героическое деяние отважного летчика Михаила Трусова.

Мастер точной и сокрушительной бомбежки, Трусов совершил десятки боевых вылетов. Однажды его звено возвращалось после успешно выполненного задания. Трусов, ведя звено, внимательно наблюдал за машинами товарищей. Поглядев влево, он на этот раз не увидел самолета старшего лейтенанта Мазаева. Сделав крутой разво-

рот, Трусов увидел далеко от себя пылающий в воздухе самолет своего товарища по звену. Дав полный газ, Трусов ринулся ему на помощь. Зенитные орудия белофишнов яростно били по горящему самолету, который Мазаев вел на посадку. Неожиданно Мазаев услышал над собой рокот моторов. Он поднял голову, и сердце его преисполнилось радости и благодарности: над ним кружил, покачивая крыльями, самолет его командира Михаила Трусова, а вслед за ним летели машины остальных боевых соратников.

Мазаев с огромным трудом дотянул горящий самолет до озера и совершил посадку на лед в расположении противника.

Со всех сторон враги, открыв стрельбу, устремились к советскому самолету. Но красивые летчики, кружа в воздухе, создали огненную стену вокруг него и отогнали врагов. Белофишны, отойдя, открыли по озеру беспорядочный огонь из пушек и минометов.

И тогда Трусов решился на изумительный по мужеству и летному искусству подвиг: под интенсивным огнем противника он совершил посадку рядом с горящим самолетом и велел его экипажу разместиться в своей машине: двоим — в кабине стрелка-радиста, одному — в бомбовом люке.

Теперь предстояло оторваться ото льда. Снаряды ложились вокруг самолета. Трусов дал полные обороты моторам, но самолет не сдвинулся с места: успели примерзнуть лыжи. Трусов, энергично орудуя рулями, заставил машину раскачаться — она пошла вперед, несколько раз ударилась хвостом о лед и, наконец, взмыла в воздух.

Экипаж мазаевской машины был спасен.

Широкую известность получил командир батареи Герой Советского Союза лейтенант Булавский своим высоким артиллерийским мастерством и бесстрашием. Потрясающее впечатление производит описание смерти этого героя.

«Булавский получил приказание подавить дот, — пишет Герой Советского Союза майор Ниловский. — Он взглянул на меня внимательными, чересчур спокойными глазами, лицо его потемнело...

Радиста он посадил сбоку в лесу, в трех шагах от просеки, так, чтобы тот слышал его команду. По середине лесной тропалины стоял пень. Это было единственное место, возле которого можно было продержаться живым несколько минут. Булавский выбросился по снегу к этому пню. Было видно, как пули выхватили куски шерсти из его полушубка.

— Цел? — спросили его.

В ответ он подал первую команду, и

радиет передал ее на огневую позицию. Время шло. Минуту каждый считал за час. Булавский уже вывел снаряды к цели и перешел на подавление. Дот замолкал. Но в это время Булавский, словно устав, положил голову на правую руку, вздрогнул, вытянулся. Две пули попали в него. Одна застряла в животе, другая пробила грудь.

Только теперь осознаешь все величие и всю простоту такой вот смерти, необходимой для жизни других людей» (т. II, стр. 29).

Боец Якушин, как былинный богатырь, отбивался от наседавших на него белофиннов минометной плитой весом в 18 килограммов.

Отважный талкист механик-водитель Затулавитер, выбравшись из горящего танка, долго просидел в колодце, а когда стемнело, вместе с товарищем погасил огонь в другом загоревшемся танке, умело пустил его в ход и, подбирая по пути раненых, привел в наше расположение.

В машине механика-водителя Туркова снаряд, пробив броню, застрял в трансмиссионном отделении. Машине угрожала гибель, но водитель, выжимая последние обороты, искусно вывел танк в безопасное место.

Сапер Матвеев, тяжело раненый финским снайпером в бедро, не выронил горящей спички, послужившей врагу мишенью для прицела, и подпалил бикфордов шнур, чтобы взорвать надолбы и проложить проход для танков.

Славная 70-я ордена Ленина стрелковая дивизия совершила переход по льду на северный берег Финского залива и перерезала шоссе Хельсинки — Выборг. Эту героическую операцию по справедливости назвали ледовым походом.

Уместно напомнить, что в многовековой истории русского оружия известны лишь два таких перехода: первый — был совершен русскими войсками под водительством Петра I по льду того же Выборгского залива и завершился победоносным овладением Выборга; второй — был проведен в 1809 году под командованием одного из самых талантливых русских полководцев — князя Багратиона; русские войска прошли по льду Ботнического залива и овладели Аландскими островами, наголову разбив финского генерала Лебельна.

Во время ледового похода 70-й стрелковой дивизии «одно отделение даже перестаралось, — пишет батальонный комиссар С. Агалов. — Оно прокладывало дорогу на остров, еще не занятый нашими войсками. Полковник Нефедов вернул их:

— Вы куда, там еще белофинны.

Бойцы ответили:

— Что ж, выходит, зря мы работали?

— Нет, не зря. Все равно остров будет нашим, и тогда дорога пригодится» (т. II, стр. 313).

Воспоминания участников боев в Финляндии в своей совокупности составляют необычайно instructивный свод опыта современной войны. Этот опыт широко использован при той перестройке методов войскового обучения и воспитания, которая в течение последнего года проводится в Красной Армии по личному указанию товарища Сталина. Перестройкой руководит пародный комиссар обороны Герой и маршал Советского Союза тов. С. К. Тимошенко.

Тов. Тимошенко командовал фронтом во время войны с Финляндией. Особый интерес представляют те страницы сборника, которые ярко показывают деятельность выдающегося советского военачальника, чей полководческий талант во всю силу проявился еще раз в течение этой войны.

Полковник Груздев описывает, как накануне штурма Хотинена, в начале февраля, тов. Тимошенко прибыл в штаб дивизии: «Товарищ Тимошенко приказал доложить все детали подготовки операции. Он особенно тщательно проверил, насколько точно знают свою задачу части, притом не вообще, а в отдельности: стрелковые полки, артиллерия, танки. Я подробно рассказал, как спланирован бой, как организовали свою работу штабы. Товарищ Тимошенко обратил мое внимание на такое ответственное звено, как низовая, ротная ячейка управления» (т. I, стр. 267). Товарищ Тимошенко подчеркнул, как бы ни был подготовлен бой в целом, но если низовая ячейка управления не подготовлена к четкой и бесперебойной работе, под ударом успех всего боя.

«Незадолго перед тем, как должны были раздаться первые выстрелы наших орудий, — вспоминает полковник Груздев, — товарищ Тимошенко оставил блиндаж штаба дивизии и направился на артиллерийские позиции наблюдать работу артиллеристов и стрелков.

Понятно, что испытал в эти минуты каждый из командиров, находившихся в штабе. Командующий рисковал жизнью: артиллерийские позиции находились под непрерывным огнем противника.

Я попробовал сказать товарищу Тимошенко, что мы не имеем права допустить его на передовые позиции. Но командующий фронтом решительно возразил мне:

— Я провел гражданскую войну и никогда не пропускал случая наблюдать за работой командиров и бойцов лично. Это необходимо командиру любого ранга!» (т. I, стр. 267).

Появление командующего вызвало огромный прилив воодушевления и боевой

решимости. «Как только артиллеристы увидели, что к ним на позиции пришел сам командующий фронтом, темп огня возрос максимально. Люди сбросили полшубки, чтобы поживее управляться у орудий, а мороз стоял в 37 градусов! Сама земля, казалось, загудела от нашего огня.

Товарищ Тимошенко сравнил их действия с работой слаженного механизма на хорошем заводе.

— Четко работают! Быстро работают! — несколько раз повторил он.

Но еще быстрее, чем работали артиллеристы, распространилась по всей дивизии весть о том, что к нам прибыл командующий. С энтузиазмом встретили всюду эту весть наши славные воины» (т. I, стр. 267).

Весьма поучителен эпизод, описанный Героем Советского Союза лейтенантом Л. Тарасовым.

«28 февраля, утром, — рассказывает лейтенант Тарасов, — когда уже был прорван фронт и стремительно развивалось наступление, мы получили предметный урок от командующего фронтом товарища Тимошенко. По дорогам, входя в прорыв, двигались тяжелые батареи вместе с массами пехоты и легкой артиллерии и загорали дорогу. Неожиданно на этот участок прибыл товарищ Тимошенко и под'ехал к ним».

Лейтенант Тарасов приводит замечательную реплику командующего: «—Послушайте. Разве вы сами не понимаете, что сейчас, когда развивается прорыв, пехоте в первую очередь нужны батареи группы поддержки, нужны пулеметы, противотанковые пушки, легкая артиллерия. Вы неплохо поработали, но дайте поработать другим» (т. II, стр. 220).

И товарищ Тимошенко приказал тяжеловесным гаубицам свернуть в сторону, открыть проход танкам и другим более подвижным и более необходимым резервам.

«Приказание было выполнено. Буквально на наших глазах марш стал приобретать быстроту и порядок».

Бесстрашные защитники социалистического отечества окружены заботой и любовью всего советского народа. Когда они блестяще выполнив трудную и почетную задачу, обеспечили безопасность города Ленина и ликвидировали плацдарм войны у северозападных рубежей Советской страны, Ленинград и вся Советская страна восторженно встретили возвращавшихся с фронта героев. Все народное чувство как нельзя лучше выразил ленинградский рабочий Жиганов:

— Родные товарищи, вы подлинные, неустрашимые богатыри советской земли. Ваш подвиг будет вечно жить в памяти народа. Ваш подвиг вдохновляет советский народ на героический труд. Честь и слава героям победителям!

* * *

Бои в Финляндии — это уже кусок истории нашей великой родины и ее вооруженных сил. Бесспорно, они составят одну из самых сверкающих, самых ярких страниц этой героической истории.

Собрав воедино воспоминания участников этих исторических битв конца 1939 и начала 1940 года, отлично издав их, Военное издательство Народного комиссариата обороны СССР сделало дело большого общественного значения.

Я. ЧЕРНЯК

Ценное пособие по истории гражданской войны

Сборник «Документы по истории гражданской войны в СССР»¹, изданный Госполитиздатом, является I томом серии документов и материалов, подготовляемой к

печати секретариатом Главной редакции «Истории гражданской войны».

Рецензируемый том охватывает период от Великой Октябрьской социалистической революции до VI всероссийского съезда советов и служит продолжением ранее опубликованного сборника «Документы Великой пролетарской революции».

Составители сборника, поставившие перед собой задачу — «дать хронологически последовательную и возможно более исчерпывающую картину эпохи гражданской войны» (стр. 5), в основном справились со своей задачей. Книга имеет 12 глав. 1) «Триумфальное шествие советской власти»; 2) «Брестский мир»; 3) «Образование Красной Армии и первые бои с оккупантами»; 4) «Первый этап социалистиче-

¹ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Том I. «Первый этап гражданской войны». Под редакцией И. Минца, Е. Городецкого. Составители — Бурджалов Э. Н., Верховень Б. Г., Генкина Э. Б., Геронимус А. И., Голубева Р. И., Горбункова В. А., Городецкий Е. Н., Гофман Ц. А., Драбкина С. М., Еловцан Ф. Л., Златоустовский Б. В., Кроль Р. И., Мельчин А. И., Мурашвер Н. Д., Новицкая Е. Л., Оленин Ф. А., Ольга Р. В., Разгон И. М., Рейхберг Г. Е., Савин М. В., Трусова Н. С., Хрулев В. В., Цыпкин С. А., Шекун О. А., Шрейбер Е. Я. Госполитиздат. 1940. 544 стр. 25 000 экз. 10 руб.

ского строительства»; 5) «Начало интервенции Антанты и организация сил внутренней контрреволюции»; 6) «Гражданская война на Юго-Востоке России и разгром белогвардейцев под Царицыном в период первого окружения»; 7) «Борьба с контрреволюцией и интервенцией в Закавказье и Средней Азии»; 8) «Отечественная война украинского и белорусского народов с интервентами»; 9) «Борьба с интервенцией и контрреволюцией на Волге, Урале и в Сибири»; 10) «Гражданская война на Юго-Востоке России и разгром белогвардейцев под Царицыном в период второго окружения»; 11) «Восстановление советской власти на Псковщине, Украине, в Белоруссии и Прибалтике»; 12) «Советская республика — военный лагерь». Таким образом, главы соответствуют основным историческим периодам гражданской войны в СССР. В сборник включены все важнейшие историко-партийные, советские, профсоюзные и военные материалы, характеризующие наряду с военными действиями внутреннюю и внешнюю политику советской власти, экономическое положение страны, историю советского строительства и т. д.

Наряду с широкоизвестными высказываниями Ленина и Сталина, текстами исторических декретов советского правительства и т. д. читатель найдет в сборнике много малоизвестных и впервые публикуемых документов, характеризующих героическую работу низовых партийных, советских, профсоюзных организаций по созданию нового строя и укреплению обороны молодой Советской республики, доблестную борьбу первых частей Красной Армии с внешними врагами и интервентами. Деятельности народных масс в сборнике уделено большое внимание — в этом одно из его основных достоинств.

Из новых документов, извлеченных составителями из центральных и местных архивов, наиболее интересные опубликованы в третьей, восьмой, девятой и одиннадцатой главах. Здесь приведены документы, показывающие героическую борьбу советского народа с внутренней контрреволюцией и интервентами.

В третьей главе собран ценный материал, показывающий, какими путями шло строительство Красной Армии, призванной защитить страну от вооруженного нападения внешних и внутренних врагов. В этой главе приведены документы о мероприятиях советской власти по демобилизации старой армии и протекавшей одновременно с этим организации новой, Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Для формирования вооруженных сил Советской страны были декретом Совнаркома учреждены комиссары по военным делам в волостях, уез-

дах, губерниях и округах (см. документ № 124). ВЦИК принял специальные декреты об обязательном обучении военному искусству и о торжественном обещании при вступлении в Красную Армию (документы №№ 125 и 126). Из Москвы, Луганска, Нижнего Новгорода, Чернигова, Брянска, Воронежа, Харькова и других мест поступали сведения о ходе строительства советских вооруженных сил. Так, в протоколе конференции представителей губернских военных отделов Московского военного округа, проходившей 25—26 марта 1918 года под председательством Фрунзе, записано: «...Нижегородская губерния. Военный отдел образовался две недели тому назад. Красноармейцев 1200 человек, из которых 70% обученных. При них 2 пушки и 10 пулеметов. Формируем новый отряд. Ежедневно записывается 30—40—50 человек, по принимаем по строгой рекомендации. Приступили к расформированию Красной гвардии. Старая армия вся демобилизована. Состав Красной Армии очень хороший» (стр. 112).

Только что созданные красноармейские части немедленно вступали в бой с врагом.

Узнав о начавшемся 18 февраля 1918 года наступлении германских войск, петроградские рабочие — верные патриоты социалистического отечества — двинулись на фронт для отпора врагу. «В ночь с 23 на 24 февраля тревожные гудки петроградских заводов призвали к оружию всех сознательных граждан, всех идейных борцов за Советскую республику, всех защитников завоеваний революции, — говорится в приказе командующего отрядами Псковского авангарда (март 1918 года). — По зову советской власти к вокзалам начали стекаться отряды бойцов, твердо решивших своей грудью прикрывать столицу». Первыми прибыли на Варшавский вокзал для отправки на фронт 1-й Красноармейский полк, 6-й Туккумский полк, 2-й пулеметный запасный полк, батарея Михайловского артиллерийского училища, красногвардейцы заводов «Розенкранц» и «Вулкан».

«В этот период, — говорится в приказе, — все соперничали друг с другом в стремлении принести посильную пользу в деле защиты Советской республики, в завоевании революции» (стр. 109—110).

В местностях, захваченных белогвардейцами и интервентами, красноармейцы, советские и партийные работники, мирные жители подвергались чудовищным насилиям и издевательствам. В воззвании Центрального комитета финляндских рабочих, опубликованном в «Правде» 1 июня (19 мая) 1918 года, приведены факты, свидетельствующие о разгуле белого тер-

рора в Финляндии: «Всюду в стране безудержно свирепствует белый террор, распространяя горе, ужас, кровь, смерть и разрушение... Целые отряды арестованных, сдавшихся в плен штатских и красноармейцев расстреляны... Так, в городе Лахте в один день расстреляно 158 женщин, не говоря уже об обычном ограблении пленных и казенных. Многие сестры Красной Армии изуродованы и казнены. В Выборге расстреляны 8 членов совета почти без следствия, без суда, и один из них расстрелял настолько плохо, что его пришлось зарубить топором. Их никогда не могут обвинить ни в каком преступлении. Все командиры Красной гвардии, начиная с взводного, расстреливаются, частные лица социал-демократической партии, редактора и корреспонденты рабочих газет, комиссары и служащие рабочего правительства расстреливаются... Все это продолжается, несмотря на давно уже закончившуюся войну. Финляндский пролетариат лишен всех человеческих и гражданских прав. Рабство, голод, болезни, ужас, заточение и смерть от «узаконенных убийств» — вот участь рабочего класса Финляндии, которую для него приготовило кровавое до безумия правительство белой Финляндии. Результатом его безумного террора являются массовые самоубийства, вызванные ужасом событий» (стр. 128—129).

В восьмой главе, почти целиком составленной из архивных документов, убедительно показано, какие цели преследовали интервенты, выступая в вооруженный поход против Советской России. Начальник гражданского управления польского корпуса Довбор-Мусницкого объявлял в приказе: «...упраздняются все распоряжения, направленные против устранения частной собственности жителей деревень и городов...» (стр. 309). Полтавский губернский староста писал: «Грамотой гетмана всей Украины право частной собственности на землю и всякое имущество восстановлено» (стр. 312). Германский губернатор города Николаева объявил о переходе судостроительных заводов города «во временное владение германских военных властей» (стр. 314). всюду, где появлялись войска оккупантов и созданных ими «самостоятельных» правительств, восстанавливалась частная собственность помещиков и капиталистов, народное достоинство грабилась и расхищалось, население подвергалось чудовищным насилиям и издевательствам. Инспектор Петроковской высшей начальной школы Повомосковского уезда сообщал Екатеринославской губернской земской управе 5 ноября 1918 г.: «...занятия во вверенной мне школе прекращены, ибо карательной экспедицией перед самыми

дверьми и окнами школы повешено и расстреляно несколько человек, трупы которых не были убраны на протяжении трех дней» (стр. 321).

Народные массы, руководимые большевиками, повсеместно поднимались на борьбу с оккупантами. Киевский губернский староста доносил товарищу министра внутренних дел о восстании в Звенигородском уезде: «Повстанцами заняты села Ольховец, Озирка, Поповка, Рыжакровка, Водяный, Смольчицы...»

У Лисянки и Гамаловки заготовлены повстанцами окопы. Повторю просьбу о высылке подкрепления для успешного и скорейшего подавления восстания, ибо промедление подрывает престиж власти» (стр. 324).

Восставший народ привлекал на свою сторону солдат оккупационных войск. В номере одесского журнала «Коммунист» от 21 августа 1918 года сообщалось: «ЦК КП(б)У выпустил следующие листовки:

1. «К германской и австро-венгерской армии». 4 странички.

1) По-немецки	100 000	экземпляров
2) По-венгерски	50 000	»
3) По-сербски	10 000	»
4) По-румынски	10 000	»
5) По-чешски	10 000	» »

На тех же языках таким же тиражом была выпущена листовка «Условия мира, предлагаемые рабочими и крестьянами Украины солдатам германской и австро-венгерской армий» (стр. 331—332).

Революционная агитация среди оккупационных войск имела успех. Австро-венгерский посол в Киеве писал министру иностранных дел: «Конфиденциально узнал, что находящиеся здесь более старые германские войска в этих тяжелых боях не всегда оправдывали себя и будто бы выражали недовольствие по поводу того, что они должны сражаться за гетмана и против народа. Аналогичные сведения усиленно распространяются о славянских, особенно русинских частях наших войск. Последние якобы сочувствуют повстанческим элементам» (стр. 325). Подольский губернский староста телеграфировал министру внутренних дел 20 августа 1918 года: «Ночь на 20 августа в городе подняла восстание 20-й австрийский полк, желавший выступить на италийский фронт. На усмирение прибыли другие части. Между восставшими и прибывшими частями произошел бой. Восставшие сдались; есть пострадавшие горожане. По лучшему уездному старостой сведениям, в

восстаниям селения Куковка принимали участие австрийцы» (стр. 331).

Отечественная война украинского и белорусского народов против оккупантов и революция в Германии и Австро-Венгрии привели к изгнанию интервентов из Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Богатый фактический материал о героизме воинов Красной Армии в боях с интервенцией и контрреволюцией на восточном фронте собран в девятой главе.

«В бою участвуют совместно со своими мужьями — жены и сестры, поднося патроны и обелузивая артиллерию», — сообщается в одном из приказов по войскам III армии восточного фронта (стр. 367). Когда после паники под Екатеринбургом части были вынуждены оставить свои позиции, два 14-летних мальчика, «не желая отступать, до последнего момента оставались в окопах, обстреливая противника из пулемета Людвига» (стр. 370).

Красную Армию всюду встречали как избавительницу от ига белогвардейщины. Рабочие и крестьяне шли добровольцами в ее ряды. После занятия Чапаевской дивизией Николаевска в операционной сводке штаба IV армии сообщалось: «С каждым днем в полки прибывают добровольцы. Многие бегут из захваченных казаками деревень и вступают в ряды красноармейцев» (стр. 368—369).

Глава одиннадцатая по содержанию непосредственно примыкает к третьей и восьмой главам. В ней показан победоносный финал борьбы народных масс Украины, Белоруссии и Прибалтики с оккупантами. Разложение германских и австро-венгерских войск в ноябре 1918 года шло полным ходом. Об этом свидетельствует извлеченная из архивов телеграмма В. И. Ленину, подписанная легендарным героем гражданской войны Щорсом. В ней сообщается о братании германских солдат с бойцами Богунского полка: «Прибыла немецкая делегация в числе девяти человек от 106-го и 19-го немецких полков с первым красным революционным знаменем в Богунский полк, где оно и хранится. Была оказана торжественная встреча, на вокзале был устроен митинг, на котором присутствовали делегаты, местные коммунисты Богунского полка и остальных воинских частей, после чего был устроен ужин. Перепочевав, делегация с музыкой [и] знаменами, с Богунским полком [в] полном боевом составе отправилась в девять часов утра 13 ноября на манифестацию за демаркационную линию в села Лыщичи и Кустичи-Брянново, откуда прибыли представители из немецких частей. Меря, указанные в телеграмме, приняты. С утра высланы представители, коммуни-

сты-агитаторы. Немецкие солдаты соглашались арестовать своих офицеров. Дальнейшее сообщим.

Командир Богунского полка ЩОРС» (стр. 425).

Митинг в Лыщичах послал приветственную телеграмму Ленину: «Представители революционных солдат Германии, делегаты Лыщиченского совета солдатских депутатов, совместно с унечской организацией РКП(б) приветствуют в Вашем лице мировую революцию» (там же).

В тот же день (13 ноября) Ленин ответил на приветствие телеграммой, в которой кратко и ясно была изложена программа участия революционных солдат германской армии в освобождении Украины:

«Благодарю за приветствие всех, особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленное действительное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо: во-первых, арестовывать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии.

Предсовнаркома ЛЕНИН» (стр. 425—426).

В одиннадцатой главе собран материал о восстановлении советской власти в Псковской губернии, на Украине, в Белоруссии, Литве, Эстонии и Латвии. Временное революционное рабочее правительство Литвы, образованное 16 декабря 1918 года на первом заседании совета рабочих депутатов в Вильне, провозгласило советскую власть. В манифесте советского правительства Литвы объявлялось:

«1. Вся полнота власти передается советам рабочих, безземельных и малоземельных депутатов.

2. Власть немецких оккупантов отныне считается упраздненной.

3. Литовская кайзеровская Тариба с ее советом министров считается низложенной и стоящей вне закона...

7. Вся земля помещиков и вообще крупных землевладельцев, церквей, монастырей и духовенства, с живым и мертвым инвентарем, а равно все леса, воды и недра земли переходят в собственность всего рабочего народа Литвы (национализируются) и предоставляются в пользование советам рабочих и малоземельных полупролетариев.

8. Все железные дороги, почтово-телеграфные и телефонные сети, фабрики, заводы, банки и оптовые склады объявляются собственностью всего рабочего народа Литвы (национализируются). И должны быть даны органам советской власти их бывшими хозяевами, владельцами и собственниками, в полном порядке, согласно представленным указаниям революционной рабочей власти.

9. Строжайше воспрещается увозить из Литвы и приводить в негодность живой и мертвый инвентарь, а равно подвижной состав и оборудование железных дорог, почтово-телеграфных и электрических станций и прочего имущества, имеющего общенародное значение.

10. Местные советы обязываются охранять народное достояние от расхищения и воровников привлекать к строжайшей ответственности.

11. Заработная плата постепенно повышается до норм, принятых в Советской России.

12. Вводится 8-часовой рабочий день в промышленности, торговле и сельском хозяйстве.

13. Все долговые обязательства рабочих и деревенской бедноты по отношению к капиталистам, помещикам, крупным землевладельцам и зажиточному духовенству считаются недействительными.

14. Принимаются решительные меры к восстановлению хозяйственной жизни страны (налаживанию транспорта и пр.), к установлению товарообмена Литвы с Советской Россией и Германией.

15. Принимаются решительные и беспощадные меры по борьбе с дороговизной и спекуляцией, особенно со спекуляцией продуктами первой необходимости» (стр. 447—448).

В сборнике приведены также тексты манифестов советских правительств Белоруссии, Эстонии и Латвии. Эти документы дают яркую картину деятельности советской власти в освобожденных областях по восстановлению разрушенного интервентами народного хозяйства и по налаживанию социалистического строительства.

В сборнике приведен чрезвычайно ценный материал о борьбе за повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины на производстве в годы гражданской войны. В частности опубликованы выдержки из «временных правил внутреннего распорядка Брянского завода в Бежице» (стр. 135). Эти правила высоко оценил Ленин, который в «Письме конференции представителей национализированных предприятий 18 мая 1918 г.» писал, чтобы конференция «...одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу Брянских правил

в интересах создания строгой трудовой дисциплины...»¹.

Полно и с большим знанием дела подобраны материалы к шестой и десятой главам. Публикуются эти документы не впервые, но составители правильно поступили, включив их в сборник. Собранные воедино из самых различных источников, они будут служить ценным пособием для каждого изучающего историю гражданской войны в СССР.

Из 541 документа 173 взято из архивов. Следует отметить, что более 50 документов, извлеченных из архивов, уже было ранее опубликовано. Конечно, это не означает, что их не следовало включать в сборник, но составителям следовало бы указать, где и когда они были напечатаны. Так, документ № 432—«Из донесения командующего II армией о штурме города Ижевска частями II армии восточного фронта» (стр. 381),—опубликованный без оговорок, как извлеченный из архива, был в действительности напечатан в 1935 году². Сличение этих двух публикаций обнаруживает изрядное количество разночтений. Так, в рецензируемой книге названия географических пунктов читаются: Якшур-Чудря вместо Якшур-Чудзя, Гондарево вместо Гондырево, Кирхнерово вместо Кихпероно (стр. 381). О трофеях, взятых после занятия Ижевска, в тексте сборника напечатано: «Нами захвачены трофеи: 6 орудий, 60 бомбометов, 23 пулемета...» (стр. 382); а в ранее опубликованном документе это место читается следующим образом: «Нами захвачены трофеи: 6 орудий, 6 самолетов, 23 пулемета...»³. Разница между «60 бомбометами», и «6 самолетами» огромна. Составители ни словом не обмолвились о существующей иной редакции документа и не попытались установить точный текст. Между тем есть все основания считать более точной ту редакцию документа, которая дана в книге «К боевой биографии В. М. Азина», так как ее составитель использовал подлинник и воспроизвел его факсимиле.

Документ № 143—«Из резолюции Центрального Комитета Всероссийского союза рабочих-металлистов о повышении производительности труда» (стр. 134),—публикуемый также без всяких оговорок, был напечатан в 1939 году в журнале «Красный архив» № 5 (96) (стр. 96—97). Помимо многочисленных разночтений, в документе, включенном составителями в хрестоматию,

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 22.

² См. Ф. П. Макаров (сост.) «К боевой биографии В. М. Азина (материалы и документы)», стр. 20—21. УДГИЗ. 1935.

³ Там же, стр. 21.

вышущен целый пункт (третий по порядку).

На стр. 63—64 рецензируемой книги приводятся три директивы товарища Сталина командованию оренбургским фронтом. Напечатаны они под одним заголовком и датированы довольно неопределенно: «Декабрь 1917 г.—январь 1918 г.». Документы не прокомментированы соответствующим образом, и читателю неясно, в связи с какими конкретными событиями даны указания товарища Сталина. Следовало напечатать каждый документ отдельно, точно установить их даты и объяснить, чем было вызвано то или иное распоряжение. Известно, например, что указание товарища Сталина о способе формирования революционных отрядов было дано в ответ на информацию командования оренбургским фронтом о ходе формирования красных отрядов для борьбы против Дутова. Разговор происходил по прямому проводу, и было бы уместно опубликовать его полностью.

Один из трех документов товарища Сталина опубликован в книге в следующем виде: «Немедленно созову чрезвычайное совещание военной целью оказания решительной поддержки. Крепитесь и не слишком торопитесь наступлением, дайте передохнуть своим и дожидайтесь подхода подкреплений.

Сталин» (стр. 64).

Создается впечатление, что документ опубликован полностью, а на самом деле это не так. В сборнике «Гражданская война в Оренбургском крае», изданном в 1939 году в городе Чкалове, напечатан этот же документ, но с таким окончанием: «...Мы убеждены, что с юга к тому времени также подойдет подкрепление. О дне отправки людей и материалов сообщу. Сталин». Последние две фразы имеют существеннейшее значение для понимания роли товарища Сталина в разгроме дутовского мятежа. Узнав о первом неудачном наступлении на Оренбург, предпринятом 3 января (21 декабря) бузулукской группой советских войск, товарищ Сталин предостерег командование от поспешных и необдуманных действий и посоветовал собрать достаточное количество сил, чтобы нанести врагу решительный удар.

К середине января прибыл подкрепления из центра. К этому же времени подошли отряды с юга (ташкентские большевики прислали отряд в 600 штыков и батарею; по дороге отряд вырос за счет добровольцев до 1 000 бойцов). Комбинированное выступление на Оренбург окончилось 31 (18) января разгромом Дутова.

Источником, откуда составители сборника позаимствовали цитированный выше документ, послужила статья С. Петрова

«Борьба с дутовщиной», опубликованная в журнале «Борьба классов» № 4 за 1934 год. Здесь документ действительно напечатан неполностью, но стоило составителям ознакомиться с книгой того же С. Петрова «Борьба с дутовщиной», изданной в Челябинске в 1937 году, чтобы получить полный текст интереснейшего распоряжения товарища Сталина.

При передаче текстов документов допущен целый ряд других неточностей. Отрывок из протокола заседания Центросиббири от 22 марта 1918 года по вопросу о разоружении чехословаков передан следующим образом: «...были получены сведения о движении через Сибирь во Владивосток вооруженных чехо-словацких полков, считая возможным использование их контр-революционерами и империалистами против Советской власти; президиум распорядился через военно-окружной комитет в Омске в интересах Советской власти в Сибире приостановить это движение...» (стр. 198—199).

Очевидно, в оригинале неправильно составлены знаки препинания. Чтобы восстановить подлинный смысл документа, это место нужно было передать так: «...были получены сведения о движении через Сибирь во Владивосток вооруженных чехо-словацких полков. Считая возможным использование их контрреволюционерами и империалистами против Советской власти, президиум распорядился, через военно-окружной комитет в Омске, в интересах советской власти в Сибире, приостановить это движение...»

Помимо неудачной передачи текста приведенный отрывок из протокола Центросиббири требует серьезных комментариев. Дело в том, что работники Центросиббири не смотря на решение Совета народных комиссаров отказались в марте 1918 года пропускать чехословацкие эшелоны во Владивосток. Товарищ Сталин по поручению Совета народных комиссаров разъяснил им необходимость и вынужденность этого мероприятия, так как иного выхода не было¹. Во избежание недоразумений составители должны были соответствующим образом прокомментировать это место.

Вообще научно-справочный аппарат сборника чрезвычайно беден. Очень многие слова, фамилии, факты не объяснены, а между тем это имеет исключительно важное значение для всякой публикации. Ленин в рецензии на «Переписку Маркса и Энгельса», изданную Бернштейном, указывал, что «примечания к отдельным письмам слишком скудны и затеряны в пред-

¹ Подробнее об этом см. в статье П. Софинова «Чехословацкий мятеж». «Исторический журнал» № 12 за 1940 год.

словиях редактора, вместо того, чтобы поместить их рядом с соответствующими письмами, как это сделал Зорге...»¹. Из этого указания Ленина советские археографы должны сделать соответствующие выводы о значении и месте примечаний.

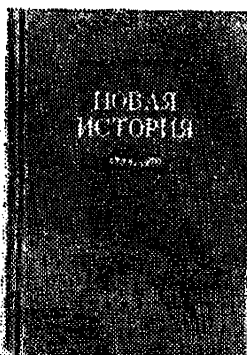
В рецензируемом сборнике отсутствуют также указатели. Ленин придавал большое значение этой части справочного аппарата. В цитированной выше рецензии он отмечал, что «...неудовлетворительно составлен указатель, один ко всем четырем томам (например, пропущены имена Каутского, Стирлинга)...»². В рецензии на книгу «Экспонаты по охране труда на Всероссий-

ской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г.» Ленин указывал, как на существенный недостаток книги на отсутствие «общего предметного указателя, который давал бы возможность быстро находить соответствующие данные по отдельным вопросам»³.

Следует пожелать, чтобы при подготовке следующих томов этого ценного издания было обращено самое серьезное внимание на точное воспроизведение текста и более тщательную научную обработку материалов.

П. СОФИНОВ, С. КАРАМОЛЕНКО.

А. В. ЕФИМОВ, член-корреспондент АН СССР. **Новая история (1789—1870)**. Учебник для 8-го класса средней школы. Институт истории Академии наук СССР. Учпедгиз. М. 1940. 238 стр.

Перед составителем учебника стояла легкая задача. Требовалось в работе небольшого сравнительно объема дать значительный исторический материал, изложив его на основе строго выдержанной марксистско-ленинской методологии, в живой, занимательной форме,

создать книгу, способную заинтересовать и увлечь читателя, вызвать в нем любовь к трактуемому предмету.

Необходимо признать, что автор удачно справился со своей задачей. Учебник в основном отвечает указанным требованиям. Во многих местах дан свежий материал. Книга снабжена историко-географическими картами, снимками с гравюр, портретами политических деятелей.

При указанном небольшом объеме автор все же нашел место, чтобы отметить наиболее выдающиеся явления из области литературы, искусства, науки и техники рассматриваемого периода. Книга написана живым, легким языком. Стремясь ярко изобразить события, автор дает небольшие зарисовки исторических происшествий, пересыпает свое изложение краткими цитатами из речей и выступлений политических деятелей. Положительной стороной книги является и то, что она составлена одним автором, благодаря чему избегнут тот разноречивый тон, который иногда наблюдается при составлении учебников коллективом авторов.

¹ Ленин. Т. XVII, стр. 29.

² Там же.

Из лучшим частям книги относятся главы о французской революции конца XVIII века, о консульстве и империи, о гражданской войне в Северной Америке, о Восточном вопросе и Крымской войне, о воссоединении Италии, о воссоединении Германии.

При всех отмеченных положительных сторонах книги имеются в ней и недочеты, которые мы отметим, придерживаясь порядка изложения материала.

Стр. 12. Здесь говорится о том, что «колонисты... неоднократно восставали против колониальных властей». И тут же без всякой связи сообщается: «В 1763 году англичане закрепили за собой завоеванную у французов Канаду». Эта фраза по своему содержанию должна быть отнесена к предыдущему абзацу, где говорится о колониальных захватах англичан.

Закон о гербовом сборе вызвал сильное возмущение американских колонистов не только и не столько вследствие того, что гербовый сбор «должен был лечь тяжелым бременем на население», сколько потому, что закон об этом налоге был принят английским парламентом, то есть без согласия представителей колоний, и явился опасным прецедентом.

При описании революции 10 августа отмечена агитация Робеспьера и Марата, дана биография Марата, которую, кстати сказать, следовало бы дать раньше, но очень мало сказано об основных причинах, вызвавших недовольство масс и толкнувших их на эту революцию. Этот параграф нужно перестроить, так как при данном изложении получается, что революция 10 августа была вызвана агитацией Робеспьера и Марата, а причины, толкавшие массы на революцию, отодвигаются на второй план. Нужно, наоборот, выдвинуть на первое место эти причины, а именно: господствовавшее среди парижских масс подозрение об измене короля и его контрреволюционных замыслах, недовольство к законодательному собра-

³ Там же, стр. 188.

нию, продолжавшему половинчатую и нерешительную политику учредительного собрания (в частности политику поддержки короля) и игнорировавшему важнейшие интересы широких народных масс, сильное ухудшение материального положения народа, увеличение дороговизны и безработицы.

При изложении всего этого материала становится ясным, что агитация Робеспьера и Марата пошла на готовую почву и поэтому увенчалась успехом. Отметим тут же, что следовало бы дать более обстоятельную характеристику Робеспьера, чем это сделано на стр. 51.

Переходя к Конвенту, следовало бы объяснить значение и происхождение этого термина.

Говоря о борьбе за максимум, нужно было отметить первоначальную позицию якобинцев, направленную против выступлений «бешеных» и их агитации за максимум, это ярче показало бы классовую природу якобинцев. Следовало бы более четко подчеркнуть, что тут шла борьба за принцип свободы торговли, который с остервенением защищали жирондисты, объяснить значение этого принципа для господства буржуазии, указать, почему якобинцы в конечном итоге все же поддержали требование «бешеных».

На стр. 58 сказано: «К власти пришли термидориалцы—контрреволюционная буржуазия». Читатель не поймет, почему буржуазия, которая несколькими страницами раньше охарактеризована как революционная, вдруг превратилась в контрреволюционную. Нужно яснее показать процесс и причины образования контрреволюционного ядра среди буржуазии и в самом конвенте.

«Заговор равных» стремился к установлению не диктатуры бедных, а диктатуры трудящихся.

Директория потеряла авторитет среди буржуазии не потому, что была окружена темными дельцами и казнокрадами (стр. 67), которые были плотью от плоти этой буржуазии, а потому, что оказалась неспособной защитить буржуазию от покушений со стороны как монархистов, так и якобинцев. Последнее обстоятельство автором отмечено, но без конкретного указания на выступления якобинцев.

Глава об утопическом социализме написана живо и красочно, но нуждается в некоторых поправках, относящихся к теоретическим взглядам великих утопистов.

Биографию Сен-Симона можно было бы сократить, отвести больше места его теоретическим взглядам (его анализу классовой структуры общества, историческому подходу при оценке общественных явлений, рассмотрению французской революции как борьбы классов, взгляду на политику как на науку о производстве и пр.); между тем теоретическим взглядам Сен-Симона в книге

отведено всего восемь строк. Сен-Симон вопреки мнению авторов очень мало занимается обличением капиталистического строя; он стремится его реформировать, смягчить его отрицательные стороны, внести плановость в производство, которое он рекомендует организовать при содействии ученых, техников и художников; предлагаемые им реформы должны были содействовать, как он выражается, улучшению положения самого многочисленного и самого бедного класса в физическом, материальном и моральном отношениях.

Гораздо лучше составлен параграф о Фурье. Но и здесь было бы полезно сделать дополнение о его взгляде на историю человеческих обществ, каждая фаза которой имеет свой период роста и упадка, и отметить другую глубокую мысль Фурье, что современный ему строй движется в заколдованном кругу непреодолимых противоречий.

Такие поправки показали бы, почему Маркс и Энгельс так высоко ценили взгляды и пропаганду великих утопистов.

Говоря о пропаганде Оуэна (стр. 98—99), нужно отказаться от распространенного взгляда, что проектировавшиеся им коммунистические общины должны были носить чисто сельскохозяйственный характер. В его поселках отводилось надлежащее место и промышленности.

Неудачна фраза «Ограниченный и невежественный Прудон стоял за уничтожение государства». Учащийся может подумать, что Прудон был сторонником насильственного уничтожения (разрушения) государства, между тем как он считал, что государство станет излишним благодаря осуществлению выдвинутой им утопии.

Надо объяснить, почему к чартистскому движению примкнул в качестве лидера банкир Аттвуд, руководитель «Политического союза» (стр. 110). Дело в том, что Аттвуд был противником закона 1819 г. о восстановлении золотой валюты. Борясь по этой линии с правительством, Аттвуд стремился использовать чартистское движение, уверяя широкие массы, что причина всех бед в указанном законе, вследствие которого кредиторы государства получают лишних 1 млрд. фунтов стерлингов из налогов, взимаемых с народных масс. Нужно было сделать это пояснение или совсем не говорить об Аттвуде. В фразе «в выработанной чартистским конвентом петиции...» (там же) для учащегося будет непонятно, откуда взялся конвент и что он собой представлял. Точно так же непонятно, о каком съезде («съезд собрался в Лондоне») идет речь.

Разница между первой и второй чартистскими петициями была не в том, что в последней были выставлены экономические требования; и в первой были экономические

требования, но иного характера, свидетельствующие о значительной роли в движении на первой его стадии буржуазных попутчиков, например петиционеры жаловались: «Наши промышленники на краю банкротства, наши рабочие умирают с голоду; капитал не дает прибыли, а труд не вознаграждает» — и дальше выдвигают пожелания, чтобы капитал хозяина не был лишён причитающейся ему прибыли и чтобы были отменены законы, удорожающие хлеб (хлебные законы) и пр.

Надо сделать замечание о следующем месте учебника: «Рабочий-механик Марш, с ружьем в руке, от имени народа потребовал от временного правительства признания «права на труд». Рабочие требовали «социальной республики» (стр. 129). При таком сочетании фраз может показаться, что это требования различных категорий.

На стр. 130 указывается: чтобы подорвать идею «Организации труда», правительство поручило министру «общественных работ» Мари организовать «национальные мастерские». Вся фраза и сами термины «организация труда» и «национальные мастерские» не будут понятны, если не знать высказываний Луи Блана, который свой проект преобразований общественного строя базировал на новой «организации труда» и главную свою работу назвал «Организацией труда». Основой этой организации должны были явиться общественные или «национальные мастерские», т. е. артели рабочих, куда допускались и хозяева. Эти преобразования должны были быть осуществлены демократизованным буржуазным государством, способным, по мнению Луи Блана, обеспечить рабочим «право на труд». На стр. 103 автор отводит небольшую рубрику Луи Блану, но, стремясь к максимальной сжатости, упускает приведенные формулировки, а здесь (стр. 130) говорит о них как о чем-то известном из предыдущего.

Правительство повысило налоги не только на крестьян (стр. 130): были увеличены на 45 процентов четыре прямых налога, в частности земельный, который падал на всех землевладельцев; особенно он был тяжёл для крестьян, и без того разоренных налогами.

При попытке разгона учредительного собрания 15 мая было составлено новое правительство во главе с Бланки. «Это правительство потребовало: поддержать польских революционеров, обложить богачей миллиардным налогом, вывести войска из Парижа, «организовать труд» и «уничтожить нищету» (стр. 131). Учащийся в недоумении: от кого правительство потребовало? Нужно было сказать, что правительство наметило в качестве ближайших мероприятий (требовать оно ни от кого не могло).

«14 июня 1848 г. рабочие Берлина захватили было цейхгауз (арсенал), но вследствие их неорганизованности это выступление осталось без результата» (стр. 140). Не сказано, в связи с какими обстоятельствами и с какой целью был произведен этот захват. Следовало указать, что рабочие, видя, что контрреволюционная верхушка замысливает переворот и стягивает войска к Берлину, захватили арсенал, чтобы изъять оружие из рук врагов и иметь его для вооружения народа.

Франкфуртское собрание делало дело воссоединения нерешительно, «боясь нарушить интересы короля и помещиков» (стр. 140). Полезно было бы объяснить, какие интересы помещиков могли быть нарушены воссоединением и интересы какого короля. Если прусского, то это вызовет недоумение, раз франкфуртский парламент, как видно из дальнейшего, предложил ему корону Германской империи.

«Первым важнейшим этапом воссоединения Италии... — читаем мы на стр. 146, — явилась революция 1848—49 г.». Но ведь она по линии воссоединения не дала никакого результата! Революция 1848—49 гг. является важным моментом в борьбе за воссоединение Италии.

Осенью 1850 года для Маркса и Энгельса стало ясно, что «новый под'ём революции невозможен» (стр. 154). Нужно было бы объяснить, на основании чего Маркс и Энгельс в этом убедились и почему неправильна была позиция Виллиха и Шалпера, утверждавших, что «новая революция произойдет немедленно и сразу окажется пролетарской».

Маркс и Энгельс убедились в невозможности нового революционного взрыва на том основании, что Европа изжила промышленный кризис и вступила в фазис промышленного под'ёма, результатом которого должна была явиться длительная реакция. Между тем Виллих, Шалпер и их единомышленники, не считаясь с указаниями Маркса и исходя из своих настроений и желаний, уверяли, что достаточно отрядить в Германию кучку отважных людей и восстание вспыхнет, так как народ готов и ждет только революционной инициативы. Маркс и Энгельс заклеили затем Виллиха — Шалпера как вредную авантюру.

Фразу «Между тем английские министры не были склонны (?—А. А.) считаться с королевой и во многих случаях вели политику вопреки ее указаниям» (стр. 164) нужно выбросить или перередактировать в соответствии с принципами английской конституции, согласно которой министры ответственны не перед королевой, а перед парламентом. Школьник может сделать из этой фразы только один вывод, что таких министров королева должна бы-

ла прогнать. В параграфе «Политический строй и партии» (стр. 164) следовало бы основательнее и более четко охарактеризовать английский государственный строй: чередование двух партий у власти, образование кабинета, роль палаты лордов и др.

Противоположение «крупных землевладельцев», составлявших партию ториев, «богатым землевладельцам», входившим в состав партии вигов (стр. 164), вызывает недоумение. В партию вигов, как одна из ее составных частей, входили передовые обуржуазившиеся слои земельной аристократии.

Мелкое крестьянство сохранилось в Ирландии не только до середины XIX века (стр. 170), но и до настоящего времени. На той же странице сказано, что руководство движением фениев попало в руки католических попов. В следующей фразе сказано, что движение пошло по вредному пути террористических актов. Выходит, что католические попы повели движение по пути террористических актов. Как-то не вяжется. Характеристику движения фениев и отношения к ним Маркса следовало бы дать более отчетливо.

«После поражения чартизма... английское рабочее движение приняло узко экономический характер; в нем временно победила оппортунизм» (стр. 171). Не будет ли правильнее сказать: «надолго победил...». Парламентскую реформу 1867 года следовало бы отметить как вторую парламентскую реформу.

О Лондонском совете лучше сказать, что он стал во главе лондонских тредюнионов, а не объединил тредюнионы, что может быть понято как уничтожение раздробленности тредюнионов. Говоря о разгроме Франции, давшем возможность завершить воссоединение Италии (стр. 198), следовало объяснить, что этот разгром произошел во время франко-прусской войны 1870—1871 годов, иначе неподготовленному учащемуся может показаться, что разгром произведен самой Италией.

Говоря о конституционном конфликте и государственном строе Пруссии (стр. 199 и 200), следовало бы сказать о буржуазных партиях — прогрессистах, национал-либералах, — имея в виду, что они, в особенности прогрессисты, в это время играли значительную роль как в общеполитической жизни, так и в рабочем движении.

Во Франции было крайне живуче ремесло — «мелкие мастерские с 1—2 рабочими» (стр. 208). Следовало бы объяснить, что основной отраслью французского мелкого ремесла являются многочисленные производства предметов роскоши и моды, их живучесть объясняется тем, что в них боль-

шую роль играют выучка и искусство мастера, вследствие чего они слабо поддаются механизации и укрупнению.

На стр. 209 о функциях Сената, по наполеоновской конституции 1852 года, сказано, что он публиковал законы. У учащегося может возникнуть недоумение: неужели нужно было целое и столь высокое учреждение, чтобы публиковать законы? В действительности Сенат должен был стоять на страже «Конституции», отвергать законы, противоречащие ей, и изменять ее по соглашению с президентом.

На той же странице говорится, что мелкобуржуазное влияние в рабочем классе сильно тормозило его борьбу; не лучше ли сказать, что оно сбивало рабочее движение на неправильный путь.

На стр. 210 мы читаем: «Поверив обещанию Бисмарка, который посулил жадному и педальному императору большое земельное приращение для Франции, Наполеон вначале не препятствовал образованию Северо-Германского Союза». Сказано это слишком упрощенно. Дело не в «жадности» императора. Овладение левым берегом Рейна было мечтой французской буржуазии с давних времен. Бисмарк обещал Наполеону за его нейтралитет в австро-прусской войне 1866 г. земли по левому берегу Рейна (Баварский Пфальц, часть Гессен-Дармштадта и часть Саарской области).

В заключение одно замечание о картах, которые хотя и сделаны красиво, но не лишены дефектов. Так, на карте «Европы в 1789 году» мы не нашли Кобленца, Вальми, Тулона и некоторых других исторических пунктов, которые напрасно будут искать учащиеся.

* * *

Отмеченные нами недочеты можно свести к двум категориям. Одну категорию составляют недочеты, связанные с неудачной редакцией некоторых фраз или с не совсем правильным или неясным, на наш взгляд, объяснением тех или иных фактов. Эти недочеты очень легко исправить. Другие недочеты вытекают из излишней элементарности и упрощенности как в отношении изложения фактов, так и их объяснения или, наконец, из отсутствия такого объяснения. Нам кажется, что автор здесь имел в виду максимальную популярность изложения, но упрощенчество не есть популярность. Составители учебников по истории для средней школы не должны забывать, что для одних полученные здесь знания являются вершиной их исторического образования, а другие с этими знаниями поступят на исторический факультет вуза, где постановка преподавания из года в год изменяется в направлении

увеличения требований к поступающим. Но и недочеты второй категории могут быть исправлены без радикальной переделки рецензируемой нами работы, тем более, что эти замечания относятся к неко-

торым отдельным местам, а не ко всей книге в целом, которая должна быть оценена как удачный в основном опыт выполнения челленджера задачи.

Проф. А. АНЕКШТЕЙН

А. СТРОКОВ и В. БОГУСЕВИЧ. Новгород Великий (пособие для экскурсантов и туристов). Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. Издание Акад. наук СССР (новгородская секция Института истории). 253 стр. 2700 экз. 20 руб. (в перешлите). Л. 1939.

Авторы рецензируемой книги поставили себе задачу — дать экскурсанту и туристу необходимое пособие для первоначального ознакомления с историей и культурно-историческими памятниками древнего Новгорода. О том, что потребность в такой книге велика, го-

ворит отчет государственных музеев Новгорода за 1938 год. Из этого отчета видно, что за названный год через новгородские музеи прошло свыше 100 тысяч экскурсантов; эта цифра почти в четыре раза превышает население самого города. Главную часть экскурсантов составляет учащая и учащаяся молодежь, преподаватели средних школ и вузов, студенты, ученики средней и начальной школ. Однако немало среди экскурсантов и археологов, этнографов, художников, архитекторов и пр. Всю эту массу объединяет упорное стремление узнать как можно больше о древнем и прославленном русском городе. Книга «Новгород Великий» должна помочь осуществить это стремление.

В книге шесть основных разделов: «Исторический очерк», «Бняжеские сооружения», «Памятники эпохи феодальной раздробленности», «Военно-оборонительные сооружения», «Памятники Новгорода XVI—XVIII веков», «Археологическое исследование Новгорода».

В книге Строкоса и Богусевича имеются разделы, которых нет в аналогичных работах других авторов; таким новым разделом является, например, «Исторический очерк»; в нем авторы дают политическую историю Великого Новгорода от его зарождения до времени Ивана IV. У авторов самостоятельная точка зрения на причину новгородских смут и волнений, отличающаяся от толкований Соловьева, Ключевского и Рожкова. Если названные истори-

ки объясняют их соперничеством торговой стороны с софийской, купечества с боярством, то авторы рецензируемой книги видят в этих волнениях и столкновениях борьбу классов немущих против имущих, ремесленников и смердов против бояр и купцов.

В разделе «Военно-оборонительные сооружения» показано, что, кроме архитектурных памятников культурного характера, от древней эпохи в Новгороде сохранилось немало архитектурных памятников и чисто военного назначения: новгородский Кремль с его башнями, а также каменные крепости на периферии, руины которых сохранились до нашего времени. Это крепости Староладожская, Порховская, Копорье. Их развалины свидетельствуют о том, что и этот род искусства в старом Новгороде находился на чрезвычайно высоком уровне и ни в чем не уступал таким же образцам у зарубежных соседей.

Раздел «Памятники Новгорода XVI—XVIII веков» знакомит читателей с падением политической и экономическою мощи Новгорода и упадком его искусства (главным образом архитектуры). Новгород превращается к началу XVIII века в типичный захудалый провинциальный город. Последний раздел книги сообщает данные об археологических исследованиях в Новгороде за последние годы. Наиболее интересными из этих исследований являются раскопки в южной части Кремля; на основании этих раскопок мы можем ознакомиться с застроенностью улиц, системой канализации и целым рядом мастерских древнего города, в том числе мастерских костяных изделий.

Материал перечисленных разделов представляет несомненную ценность для читателя. Однако наряду с достоинствами в книге имеются упущения и недочеты, на которые мы считаем необходимым указать.

Недостаточно четко изложена структура городского и областного управления Новгорода. Упомянув мимоходом о «концях» и «кончанских старостах», авторы прямо переходят к толкованию и расширению терминов «гончарный», «плотницкий», «торговая сторона», не объясняя того, что надо понимать под новгородским «концом». У многих читателей может возникнуть мысль, что «конец» — это по-геперешнему район города, а «кончанский староста» — вроде председателя райсовета. Из

истории Новгорода¹ мы знаем, что «кошец» в Новгороде—это, по существу, малый город со своим автономным управлением, со своим кончанским вечем и печатью. К каждому из пяти концов города тяготела, как известно, обширная загородная волость—пятнина. Этих пятин, так же как и городских концов, было пять; все хозяйственные вопросы как самих концов, так и тянувших к ним пятин, решались по на центральном городском вече, а на вече этих концов. Сумма земель этих пятин—волостей—и составляла основную территорию владений «Господина Великого Новгорода».

Содержание книги не дает ясного представления о том, из каких ресурсов складывалась экономическая мощь новгородского боярства, этого непримиримого врага московской власти. Правильно отмечая, что бояре были крупными землевладельцами², авторы не указывают, что земля сама по себе в то время, без достаточного количества обитателей, имела небольшую ценность. Русское же население на этой земле было весьма редким, и ее поселенники—все эти «половники» и «смерды»—вели жалкое подсечное хозяйство, так что «Господин Великий Новгород» в значительной части питался привозным (из Низовой земли) хлебом. Из книги не видно, какого характера была эксплуатация зависимого населения (сказано мимоходом о незаконных поборах посадника Мирошкинчича 1209 года) и каким путем создавались огромные богатства правящей верхушки вольного города. А богатства эти складывались не столько от налогов на пахотные земли, сколько от прямой дани, а подчас и грабежа покоренного и покоряемого ивошлемного населения, известного, по новгородским летописям, под именами «чуди», «корел», «зырян», «пермяков» и др. Дань эта—продукты натурального хозяйства: зерно (рожь и ячмень), шкуры, рыба, мед, воск, хмель, лен, пушнина (бобр, соболь, лиса и белка). Вот то драгоценное сырье, которым держалась заморская торговля старого Новгорода. На этом стояло оставаться, тем более что на указанной продукции и ее сбыте долгие годы держалась

позднее экономическая мощь и самого Московского государства.

Очень слабо отмечена в книге колонизация севера и северо-востока новгородско-славянскими поселенцами и роль этих колонистов в деле сохранения памятников (и мастерства) народного творчества, культуры и традиций самого «Господина Великого Новгорода». Такими памятниками можно считать образцы старинной русской одежды, орнамент, резьбу по дереву, вышивку и, что является особенно ценным, неисчерпаемые источники устного творчества: былины про князя Владимира, Илью Добрыню, Алешу Поповича, а рядом с ними и сюжеты былин, зародившихся в самом Новгороде и характеризующих жизнь и нравы вольного города: таковы «Садко», «Василий Буслаев», «Вольга и Микула Селянинович», «Соловей Будимирович», «Сорок Калик» и др., записанные от сказителей, потомков новгородских выходцев.

В книге обойден вопрос, почему же Новгород, располагая большой военной силой (до 40 тысяч только конницы), не отказался от приглашения, по существу, бесполезных для него князей (беру цветущий период Великого Новгорода—XIV век—начало XV века) и, изгоняя одного князя, немедленно на место изгнанного приглашал другого или с Низа (Суздальская Русь) или с Юга Руси.

Упущением авторов монографии является и то, что они не отмечают в своей работе экономического и политического значения, какое имело для Москвы присоединение Новгорода. А ведь присоединение вольного города с его огромным населением и обширной территорией, богатой всяким торговым сырьем, давало Москве значительный экономический и политический перевес над ее зарубежными соседями: Литвой, Ордой, Ливонским орденом и Казанью. С этого момента Москва от оборонительной политики по отношению к ним переходит к наступательной.

Следует отметить еще один вопрос.

В старинной древнецерковной русской живописи имеется немало изображений князей и монахов с моделью церкви в руках: например Ярослав Мудрый изображен с моделью Киевской Софии, архиепископ новгородский Моисей с моделью церкви, построенной им на Волотовом поле, и др. Этот наглядный символизм указывает на особую специфичность изображаемого лица как храмостроителя. Новгородская летопись³ повествует, что Нередица сооружена новгородскими кня-

¹ См. об этом у Ключевского «Курс русской истории». Т. II, стр. 89, 90.

² По отзыву современника, Гильбера де Ланнуа из Фландрии (XV век), имени некоторых бояр тянулись на 200 лье в длину. Но что за мера лье—не указано. У разных западноевропейских народов в разные эпохи мера эта была не одинаковой: французское старое лье—4481 метр, морское лье—5557 метров, немецкое лье—7422 метра. Какую же меру имел в виду де Ланнуа, говоря о новгородских имениях?

³ «Новгородская летопись», стр. 24.

зем Ярославом Владимировичем¹ в 1198—1199 годах. Следовательно, портрет погребенного князя в нише церкви Передицы с моделью церкви в руках можно считать подлинным портретом строителя названной церкви, князя Ярослава Владимировича. Непонятно, на основании чего авторы книги под этим изображением (стр. 54а) пишут: «Князь Ярослав, отец Александра Невского», — тогда как выше (на стр. 32) они сами объявляют строителем этой замечательной церкви того же князя Ярослава Владимировича. Кому же из двух утверждений надо верить? Может быть, в этот вопрос внесет некоторую ясность хронология? А она поворачивает, что Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, родился в 1191 году²; в 1194 году был его постриг³, в год строительства Передицы ему было 8 лет, и жил он в это время у своего отца Всеволода во Владимире, а в возрасте 10 лет был отправлен отцом на

княжение в Переяславль Южный. Позднее он, правда, княжил, и даже несколько раз, и в Новгороде, но ни в одной летописи мы не находим даже простого намека на то, что князь Ярослав Всеволодович участвовал в строительстве или обновлении названной церкви. Следовательно, утверждение, что строителем Передицы был князь Ярослав, отец Александра Невского, должно быть оставлено как недостоверное.

Заметным упущением является то, что в книге отсутствует карта владений вольного города, а также низкое качество воспроизведенной ценного иллюстрационного материала.

Надо надеяться, что при переработке книги «Новгород Великий» в ней будут устранены указанные пробелы и недочеты. Однако и в изданном виде она окажет большую помощь экскурсантам и туристам в изучении древнего города.

Проф. В. ПОЖИДАЕВ

ШВЕДОВА, О. И. Историки СССР. Указатель печатных списков их трудов. Под ред. И. Н. Коблеща. М. 1941. 152 стр. (Всесоюзная книжная палата). 4 р. 25 к. 5000 экз.

Книга О. И. Шведовой перечисляет списки трудов почти 800 ученых, занимавшихся историей СССР до начала XX века. В книгу включено более 2 тысяч таких списков (в ней нет историков, писавших на грузинском и армянском языках, а также ино-

странных исследователей истории СССР). Наряду с авторами, писавшими по разным вопросам социально-экономической, политической и культурной истории, в указателе имеются и представители вспомогательных исторических дисциплин. Ар-

хеологи, этнографы, историки языка и литературы включались в книгу лишь в том случае, если у них имелись труды общеполитического содержания. Материал расположен по алфавиту фамилий историков. В небольшую вводную главу выделены основные библиографические указатели трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Каждая фамилия снабжена аннотацией, раскрывающей тематику работы данного историка. Приложены вспомогательные указатели: систематический, группирующий историков по изучавшимся ими периодам, сферам общественной деятельности и территориям, хронологический — по времени их жизни и деятельности и, наконец, перечень авторов библиографических указателей.

В библиографической литературе на русском языке у книги Шведовой нет предшественниц. Да и в иностранной библиографии имеется всего лишь одна работа такого же характера — W. Loewe. *Biobibliographie der Wissenschaften. Deutsche Geschichte*. 1930, — в которой приведены списки трудов историков Германии и списки литературы о них. Полезность таких указателей несомненна и притом отнюдь не только для изучающих историографию, как скромно полагает сама составительница. И научные работники и библиографы не смогут обойтись при разного рода литературных разысканиях без этой небольшой, со вкусом изданной книжечки, содержащей столь много ценных сведений.

Многое в работе Шведовой, однако, спорно, не все, к сожалению, оформлено с до-

¹ Внук Мстислава Великого, правнук Владимира Мономаха.

² «Радзивилл. летопись», стр. 285.

³ Постригом гражданским (не духовным) у князей Рюриковичей древней Руси назывался обряд признания ребенка законным сыном и наследником отца. Он производился над младенцем мужского пола по достижении им трехлетнего возраста. В это время младенца в первый раз отроду стригли по-мужски — в кружок или в скобку — и в первый же раз сажали на «отнято коня» (отцовского коня). Обряд сопровождался молебствием и торжественным пиром (см. «Лаврентьевскую летопись», стр. 411).

статочной тщательностью. Она, например, помещает в библиографию не только сведения об исторических работах В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, но и указатели их произведений, на 99% относящиеся к иной области знания. В то же время составительница пропускает Н. К. Михайловского (см. указатель в т. X его полного собрания сочинений), а ведь был же он автором статьи «Иван Грозный в русской литературе». Вряд ли следовало включать в число историков В. Г. Анастасевича, Г. Н. Геннади, П. П. Ламбина и В. И. Межова: их место среди библиографов. В аннотации к Анастасевичу упомянуто, впрочем, и другое основание для помещения его в библиографию: он был переводчиком Липовского статута. Но ведь перевод этот преследовал не научные, а практические цели, так как Статут в первой трети XIX века был действующим правом в так называемых Западных губерниях. Стало быть, считать Анастасевича издателем исторических источников нет никаких оснований. И уж совсем не следовало бы помещать в указатель мифического «Бауэра или Беера, Федора Сигфрида» (№ 60) и тем повторять вековой давности ошибку митрополита Евгения, который в своем словаре так перекрестил весьма известного Готлиба Сигфрида Байера, спутав к тому же дату его рождения. Достаточно сопоставить аннотации под №№ 36 и 60, чтобы убедиться, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице.

Составительница, собрав обширный материал, не подвергла его вовсе критическому отбору. Для удобства пользования вполне достаточно было бы оставить лишь наиболее полные указатели. Иногда читатель сам может сообразить, какой указатель полнее, и, скажем, из двух списков трудов С. Ф. Платонова, от 1911 и 1922 годов, конечно, предпочтет последний. Но не всегда решение является столь легким и простым. Возьмем, например, Н. И. Костомарова. Перечислено 8 указателей его сочинений, и все они вышли почти одновременно. Читатель должен посмотреть все 8, и тогда он только узнает, что в «Русском биографическом словаре» помещен вовсе не список трудов Костомарова, а список литературы о нем, что в словаре членов Московского археологического общества упомянуты всего 5—6 известных сочинений Костомарова, что статья Языкова в «Историческом вестнике» целиком вошла в пятый выпуск его «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей», что, наконец, и в этом выпуске, и в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей университета св. Владимира», и в «Киевской старине» перечислено не более

половины трудов историка. Таким образом, оказывается, что только список в книге Н. И. Костомарова «Литературное наследство» 1890 г. может считаться сколько-нибудь полным. Но для установления этого понадобилось целое расследование, произвести которое, по нашему мнению, должна была бы составительница.

Имеются в указателе и кое-какие пропуски. Из историков пропущены А. С. Грушевский («Записки Историко-филологического відділу ВУАН». Т. 2—3, стр. 134—136), М. В. Ключков («Новый энциклопедический словарь Брокгауза. Т. 21»), Н. Я. Новомбергский (там же, т. 28), и в «Кратком историческом очерке Томского университета за первые 25 лет его существования, 1888—1913», стр. 91—93. Томск, 1917. И. И. Патлаевский (Марквич А. И. «Двадцатипятилетие Новороссийского университета». Одесса. 1890. 540 стр.), Г. Г. Тельберг («Краткий исторический очерк Томского университета», стр. 97), А. В. Тищенко (сборник «А. В. Тищенко». П. 1916). Кроме того пропущены довольно важные библиографии, касающиеся историков, помещенных в указателе. Отчасти это объясняется тем, что составительница, подобно многим русским библиографам, пренебрегает иностранной литературой. И вот получается, что известный ориенталист Броссе представлен небольшою заметкой в словаре членов Московского археологического общества, в то время как существует список его работ в 270 названий, изданный в Петербурге (Bibliographie analytique des ouvrages de Monsieur Marie Felicité Brosset. S. Pétersbourg. 1887). Таким же образом не приведены «В. Dorns Druckschriften». Leipzig. 1877, список работ В. В. Бартольда в журнале «Islam». Т. XXI—XXII (1932). С. Л. Платицкого в журнале «Aroheion» XII (1934), p. 59—76. Но есть в указателе пропуски, которые не объясняются оговоркой об исключении иностранных изданий. Отсутствует библиография трудов М. С. Грушевского за первые 15 лет его литературной деятельности (1890—1905), составленная известным галицийским библиографом И. Е. Левицким и помещенная в «Науковом Збірнику, присвяченом Михайлу Грушевському», Львів. 1906, стр. 1—64. Пропущена «Библиография наиболее важных трудов акад. М. И. Петрова» в «Записках Историко-филол. відділу ВУАН». Т. 1, стр. LXXIII—LXXV. Для историка литовско-русского права И. А. Малиновского следовало бы назвать уже упоминавшийся нами «Краткий исторический очерк Томского университета», стр. 87—89.

Аннотации не всегда удачны. Некоторые из них состоят из перечня чинов и специальностей. О Ф. Е. Борше сказано: «Ака-

демик. Филолог, классик, славист, востоковед». Гораздо важнее было бы пояснить, что попал он в указатель как переводчик и издатель переписки Петра I с будзакскими татарами. О И. Н. Березине говорится: «Проф. Спб. ун-та по кафедре турецко-татарской словесности. Ориенталист». Как будто общее понятие может объяснить частное! О Ключевском сообщается, что он написал «Курс русской истории», о Соловьеве — столь же новое известие, что ему принадлежит «История России с древнейших времен». Ряд аннотаций страдает от излишней краткости.

Каждое лицо упоминается в систематическом указателе лишь один раз. Если ученый признан историком XVIII столетия, то составитель уже не включает его в число историков внешней политики или культуры. Экономия в объеме выходит небольшая, так как весь указатель состоит из цифр, а декубетыз получается немалое. Так, в рубрике «Внешняя политика» отсутствуют

МИЛИЙ ЕЗЕРСКИЙ. Каменотес Нугри. Издательство детской литературы. Москва. 1940. Маленькая историческая библиотека. 64 стр. Тираж—75 000. Цена—80 коп.

Создание детской исторической беллетристики — одна из наиболее существенных и актуальных задач советской литературы. К сожалению, до сих пор появились только отдельные, считанные произведения, раскрывающие в доступной и увлекательной для ребят форме прошлое человечества, великий опыт классовой борьбы на основе единственного научного метода — метода диалектического материализма.

Выпуская 75-тысячным тиражом «Маленькую историческую библиотеку», Детиздат ЦК ВЛКСМ пытается хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел, который особенно велик в области древней истории.

Сюжет книги М. Езерского чрезвычайно прост. Каменотес Нугри, живущий в небольшой деревушке вблизи столицы Египта — Фив, по приказу Рамсеса II в числе других рабочих послан в царский некрополь на строительство царской гробницы. Непосильный труд, тяжелые условия жизни, жестокость писцов и надсмотрщиков заставляют Нугри призадуматься над несправедливостями жизни. Вместе со своими друзьями по работе Кени и Типро он решает после смерти Рамсеса II проникнуть в гробницу последнего, овладеть сокровищами, которыми египтяне щедро снабжали умерших фараонов для посмертного их существования, и раздать эти со-

ют А. Г. Брикнер и Н. Д. Чечулин, в истории революционного движения пропущен М. В. Довнар-Запольский. работы которых о декабристах представляют и сейчас немалый интерес. Историк Харьковского университета Д. И. Багалея не попал в рубрику «Культура». История Литовского государства пропустила В. Б. Алитовича. Из 5 зарегистрированных историков еврейского народа в вспомогательный указатель не попали два (И. Берхин и Ю. Геккер).

Что касается хронологического указателя, то лишь одна единственная оплошность заслуживает особого замечания: Пискарей Александрович Добролюбов указан в четвертиках первой половины XIX века. Известно, что в последний год первой половины века ему было всего 14 лет.

В заключение нашей краткой рецензии надо отметить полезную работу, продолженную О. И. Шведовой.

Г. КРИЧЕВСКИЙ

кровища жителям своей деревушки, жестоко пострадавшим от наводнения. Нугри, Кени и Типро почью тайно пробраются в гробницу царя, овладевают спрятанными в ней богатствами, но, заблудившись на обратном пути в залутанных галереях, проходах и залах, гибнут от голода.

Описанием смерти Нугри и его товарищей кончается рассказ.

В этой небольшой повести поражает извращение исторической действительности, неверное описание социальной среды, в которой развивается действие, полное пренебрежение к фактам, засвидетельствованным источниками.

Примеров можно привести достаточно.

«Ты спросил меня, муж, довольна ли я? Да, я довольна. Я видела старого человека, которого называют богом и который, должно быть, верит, что он бог. Но увы! Этот бог умрет так же, как последний нищий» (стр. 16), — так говорит жена Нугри мужу. Едва ли подобное проявление высокой сознательности в рассуждениях о фараоне характерно для египетской жепщины эпохи Нового Царства.

Из документов известно, что, удрученные жестокой нуждой, рабочие царского некрополя, а чаще просто любители легкой, хотя и опасной наживы посягали на сокровища царских склепов. Но мало правдоподобно, чтобы в те времена грабители руководствовались чисто идейными побуждениями. Нугри же утверждает:

«Я возьму драгоценности и поделю их среди семей нашей деревушки. Пусть люди живут в мире и довольстве. Пусть отдохнут женщины от непосильного труда. И пусть сыты будут дети» (стр. 34).

И еще: «Мы взялись облегчить тяжелую жизнь людей и не должны отступать! Мужайтесь! Подумайте, какая радость для бедняков эти драгоценности! Когда я размышляю об этом, я готов на все: готов жить в темноте, умирать с голоду, бороться с писцами и соглядатаями!» (стр. 59).

Так рассуждать древний египтянин не мог. Приписывать ему подобные слова — грубая модернизация.

Сохранившиеся подлинные документы — протоколы допросов грабителей гробниц, датируемые эпохой XX династии (хотя бы так называемый папирус Амхерст, хранящийся в Британском музее), — свидетельствуют о том, что преступники действовали с целью исключительно своего личного обогащения.

Книжка М. Езерского содержит всего 62 страницы текста. Но на этих немногих страницах нам довелось насчитать более трех десятков грубых ошибок, указывающих на весьма легкомысленное отношение автора к фактам и на довольно поверхностное знакомство с историей Египта. Такого рода ошибки особенно вредны в детской исторической литературе, так как они вводят в заблуждение юного читателя и способствуют тому, что в его свежей памяти сохраняются на долгие годы, а то и навсегда, ложные, ошибочные представления. Остановимся лишь на некоторых из этих ошибок.

План царских гробниц Нового Царства очень прост, и заблудиться тут никак невозможно: анфилада галерей и зал, как правило, вытянута в одну прямую линию и заканчивается обычно погребальным покоем. Даже самая обширная из гробниц — гробница Сети I (отца Рамсеса II) — не отступает от этого правила. И никогда ни одна гробница не имела двух выходов, как это описывает М. Езерский. Никто не оспаривает, конечно, права автора на художественный вымысел, но только в том случае, если он не противоречит исторической правде. А на нее М. Езерский как будто претендует.

«Смуглые иудеи в длинных красных одеждах» (стр. 14) никак не могли появиться на улицах Фив в дни правления Рамсеса II, ибо первое беглое и к тому же спорное упоминание о племени израильтян, с которыми египтяне столкнулись в степях южной Сирии, находится в одной из победных надписей Мернептаха, сына Рамсеса II.

Канала, соединяющего непосредственно Красное море со Средиземным (стр. 4), в древнем Египте не существовало. В эпоху Среднего Царства, т. е. примерно лет за 600 до Рамсеса II, был проведен канал через озера Синайского полуострова к одному из рукавов Нила. В силу этой при-

чины Рамсесу II не было никакой нужды его вновь строить.

«Лицо ее (жены Нугри) было в морщинах, лоб и подбородок разрисованы несмысливаемой татуировкой...» (стр. 6). Уже за полтора тысячелетия до описываемых М. Езерским событий в Древнем Царстве египтяне перестали татуироваться. Об этом автор мог узнать хотя бы из такого распространённого издания, каким является классическая работа А. Ерман «Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum».

Ошибочно определение сословия писцов: «Писцами назывались образованные люди, занимавшие ответственные должности. Заслуженные писцы, принадлежавшие к правящей знати, как например жрецы, наместники фараона в областях, начальники работ...» (стр. 8). Ответственные должности занимали не только писцы, но главным образом представители служилой и номовой знати. Кроме того никак нельзя ставить знак равенства между писцами и жрецами, как это делает М. Езерский. В эпоху Нового Царства это было далеко не одно и то же.

Сет совсем не являлся богом войны (стр. 11). Богиней-воительницей была Сохмет.

О топографии местности, где действуют его герои, М. Езерский имеет весьма туманное представление. Во всяком случае, для того чтобы попасть из Фив в Долину царских гробниц, необходимо переправиться через Нил и идти от берега на запад, в сторону пустыни. А по М. Езерскому, герой, направляясь в Долину царских гробниц, приближается к Нилу (стр. 24). Приложенная к этой же странице иллюстрация изображает не Фиванский храм, а пещерный храм в Абу-Симбеле, в Нубии, который находится на много сот километров южнее Фив.

Довольно произвольно обращается М. Езерский и с собственными именами. Рамсеса звали, как известно, не М и а м о н (подобный Амону), а М е р и а м о н, возлюбленный Амоном (вместо руссифицированного имени М и м у т а следует писать М и м у т (подобная Мут).

После сказанного ясно, что рекомендовать «Каменотеса Нугри» не следует. Примитивная и вульгарная модернизация, обилие грубых фактических ошибок делают эту повесть даже вредной для молодых читателей, ибо они, конечно, не смогут самостоятельно критически отнестись к прочитанному. Приходится удивляться, что Детиздат ЦБ ВЛКСМ издал таким тиражом под своей маркой, которая обязывает к очень многому, эту недоброкачественную книжку.

И. КАЦНЕЛЬСОН

ЛЕНИН В. И. О Парижской Коммуне. М. Соцэкгиз. 1941. 152 стр. 100 000 экз. В перепл. 1 р. 20 к.

В книгу вошли 15 статей и выступлений В. И. Ленина, посвященных Парижской коммуне.

В отличие от предыдущего издания в сборник включены 3 конспекта доклада Ленина, прочитанного им 22 марта 1904 года в Женеве.

ЛЕНИН В. И. О «Крестьянской реформе» 1861 г. М. Соцэкгиз. 1941. 76 стр. 50 000 экз. 45 коп.

В книге помещено 8 статей В. И. Ленина, говорящих об отмене крепостного права в России. В предшествующем издании сборника было 5 статей.

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. Биография В. И. Ленина. 2-е изд. М. Соцэкгиз. 1941. 224 стр. и 1 портр. 125 000 экз. В перепл. 2 р. 50 к.

В 16 главах книги дан сжатый очерк жизни и деятельности В. И. Ленина. Последние 2 главы книги говорят о И. В. Сталине, как гениальном продолжателе великого дела Ленина.

ВЕРЕТЕННИКОВ Н. И. Володя Ульянов. Воспоминания о детских годах В. И. Ленина в Кокушкине. 2-е изд. М. и Л. Детиздат (Школьная библиотека). 1941. 64 стр. с илл. 100 000 экз. В перепл. 1 р. 50 к.

Книжка для детей младшего и среднего возраста. С интересом прочтется и взрослыми. Автор — двоюродный брат В. И. Ленина — рассказывает о жизни Владимира Ильича в деревне Кокушкине, Казанской губернии, во время школьных каникул.

ЯРОСЛАВСКИЙ Е., акад. Борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России (1883—1901 годы). (Курс истории ВКП(б). Глава I). Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 учебном году. М. 1941. 176 стр. 7050 экз. На правах рукописи.

Книга воспроизводит вышедшие ранее 6 отдельных лекций тов. Ярославского. Лекции освещают период создания РСДРП (1883—1901 годы) в порядке плана I главы «Краткого курса истории ВКП(б)», с дополнением особого раздела о начале революционной деятельности товарища Сталина (лекция 6-я).

Курс истории ВКП(б). (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)). Глава VII. Партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической

революции. (Апрель 1917—1918 г. г.). Лекция 2-я. Начало кризиса Временного правительства. VII («Апрельская») конференция большевиков (Петроград, 24—29-го апреля 1917 года) и ее историческое значение. Акад. **Е. ЯРОСЛАВСКИЙ.** Стенограмма лекции, прочитанной 14 сентября 1940 года. М. 1941. 24 стр. 7050 экз. На правах рукописи.

Брошюра является последним выпуском читаемого тов. Ярославским и другими курса истории ВКП(б) в Высшей партийной школе. Она дает развернутую характеристику работ Апрельской партийной конференции 1917 года и общей исторической обстановки этого периода.

В помощь изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)». Указатель журнально-газетных статей, консультаций и ответов на вопросы. (Составили В. Игн и Н. Латышев). Под редакцией Б. М. Волгина. М. Гос. библиотечно-библиографическое изд-во. 1940. 64 стр. 10 000 экз. 75 коп.

В книжке указана основная литература, появившаяся в центральной печати за период после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» — с октября 1938 по август 1940 год. Литература приведена в порядке глав и разделов «Краткого курса истории ВКП(б)».

Сергей Миронович Киров. 1886—1934. Краткий биографический очерк. М. Политиздат. 1940. 136 стр. и 1 портр. 50 000 экз. В перепл. 3 р. 25 к.

Детство и юношеские годы тов. С. М. Кирова в Уржуме и Казани, революционная работа в годы первой русской революции (1905—1907 годы) в Томске, партийная большевистская работа на Северном Кавказе (1909—март 1917 года), подготовка и проведение там же Великой Октябрьской социалистической революции, героическая оборона Астрахани (1919 год), снова на Кавказе, руководство социалистическим строительством в Азербайджане (июль 1921—декабрь 1925 года), во главе ленинградских большевиков (1926—1934 год) и злодейское убийство тов. Кирова шайкой троцкистско-бухаринских баландов — таково содержание этой поучительной биографии.

МИНАЕВ В. Н. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Ч. 1-я. Под редакцией И. Ерухимовича. М. Воениздат. 1940. 216 стр. 2 р. 50 к.

Книга восстанавливает в памяти читателя основные факты главных судебных процессов над контрреволюционными и шпионскими организациями, начиная с суда над

Савинковым («Союз защиты родины и свободы») и кончая троцкистско-бухаринскими процессами и судом над псевдой, изменнической военно-шпионской бандой Тухачевского.

Во 2-й части книги будут разобраны система и методы подрывной работы, применяемые иностранными разведчиками и их агентами в СССР.

РЕЙХБЕРГ Г. Е. и ОЛЬША Р. **Международный пролетариат в борьбе против интервенции в СССР. 1918—1922 годы.** М. Воениздат. 1941. 64 стр. 50 коп.

Содержание книжки несколько шире ее заглавия. В исторической последовательности книжка освещает три основных момента из периода интервенции и гражданской войны (1918—1922 годы): 1) влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в капиталистических странах; 2) борьбу международного пролетариата против интервенции в СССР и 3) подпольную работу большевистской партии в рядах войск интервентов (на Украине и в Крыму, на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке).

ФАДЕЕВ А. А. **Как погиб Сергей Лазо.** (Библиотека красноармейца). М. Воениздат. 1940. 24 стр. с илл. 15 коп.

Книжка посвящена руководителю дальневосточных красных партизан, Сергею Георгиевичу Лазо (1892—1920), заживо сожженному японскими интервентами в толпе паровоза. Одновременно книжка дает представление и о других «подвигах» интервентов на Дальнем Востоке.

ГОРОВОДИКОВ О. И. **Поход через страну смерчей.** Воспоминания. В обработке И. Всеволожского. М. и Л. Детиздат. 1941. 68 стр. с илл. 50 000 экз. 1 р. 25 к.

Автор книги, генерал-полковник Ока Иванович Городовиков, делится с читателями своими воспоминаниями о борьбе с басмачами в Таджикистане. Воспоминаниям предпослана краткая биография О. И. Городовикова, написанная И. Всеволожским. Книга предназначена для детей старшего возраста, но с интересом может быть прочитана и широкими читательскими кругами.

Советский Карачай. 1920—1940 (Сборник статей). Микоян-Шахар. Кароблнаниздат. 1940. 100 стр. с илл. 5000 экз. В перепл. 2 руб.

Сборник содержит 6 небольших популярных статей. Первая из них посвящена историческому прошлому Карачая и его народа. В остальных статьях рассказывается о природных богатствах Карачаевской автономной области и об успехах социалистического строительства в области за 1920—1940 годы.

Культура Испании. Сборник (ответственный редактор — академик А. М. Деборин). М. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 498 стр. с илл. 3000 экз. В перепл. 26 р. 50 к.

Сборник составлен в героические дни борьбы испанского народа против мятежников-фашистов и иностранной интервенции (1936—1938 годы) и посвящен вопросам истории и литературы Испании. Из 15 статей сборника исторический характер носят 5 статей: «Маркс и Энгельс о революциях в Испании» (И. П. Трайнин); «Начало Испании» (о доисторической эпохе и древних культурах Пиренейского полуострова, статья В. В. Казанского); «Основные проблемы изучения средневековой Испании» (А. Е. Кудрявцев); «Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии» (И. В. Арский) и «Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века» (Т. К. Крылова). Не только для литературоведов, но и для историков представляет интерес статья М. П. Алексеева «Этюды из истории испано-русских литературных отношений».

Ряд статей сборника основан на архивных материалах, публикуемых в нашей печати впервые. В конце книги помещен обширный систематический аннотированный указатель книг и журнальных статей на русском языке, напечатанных в 1900—1936 годах, по вопросам литературы и искусства Испании (стр. 427—497).

АМИН САИД. **Великое арабское восстание.** Подробная история, охватывающая арабское движение за четверть века. Том I. Борьба арабов с турками. Вып. 2-й. Перевод с арабского языка Х. И. Кильберг. Под редакцией Х. К. Баранова. Предисловие и примечания В. Б. Луцкого (Московский институт востоковедения). М. 1940. 160 + 14 стр. В перепл. 30 экз. (Стеклографированное издание).

Книга египетского историка. Является первым сводным трудом, излагающим историю арабского национального движения в Сирии, Месопотамии и Аравии за 1908—1927 годы. Вся работа состоит из 3 томов. Настоящая книга охватывает период 1915—1918 годов.

ТОМАЗИ А. **Морская война на Адриатическом море.** Перевод с французского языка В. Я. Новицкого (Военно-морская академия имени Ворошилова). М. и Л. Военмориздат. 1940. 164 стр. с картой. В перепл. 5 р. 10 к.

Часть много томного труда французского военного историка «Французский флот в мировой войне 1914—1918 гг.».

Книга дает подробное описание всех военно-морских операций, имевших место в Адриатическом море, омывающем берега Италии и Балкан, в 1914—1918 годах.

В конце книги даны пространные примечания переводчика.

ХАРПЕР ДЖ. Правда об Ютландском бое 31-го мая 1916 года. Перевод с английского А. Травиничева (Военно-морская академия ВМФ имени Ворошилова). М. и Л. Военмориздат. 1940. 120 стр. со схем. В перепл. 3 р. 45 к.

Автор книги, английский адмирал, составитель не появившегося в печати официального описания Ютландского морского боя между английским и германским флотами, состоявшегося 31 мая 1916 года, только в 1927 году получил возможность напечатать данную работу. Книга дает представление о главных эпизодах этого замечательного по количеству участвовавших кораблей боя и о недостатках руководства английского командования.

ГАЛКИН И. С. Второй Интернационал в период 1889—1914 гг. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Курс всеобщей истории. Новая история. Лекции 41—42-я). М. 1941. 46 стр. 7050 экз. На правах рукописи.

ЖУКОВ Е. М. Япония в 1868—1914 годах. Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Курс всеобщей истории. Новая история. Лекция 38-я). М. 1941. 24 стр. 7050 экз. На правах рукописи.

В книге освещены буржуазные реформы в Японии в 1868—1872 годах, индустриализация Японии в 70—90-х годах XIX века, возникновение современных японских политических партий, агрессивная внешняя политика Японии в 70—90-е годы, развитие рабочего движения в Японии, русско-японская война 1904—1905 годов и положение Японии накануне первой мировой империалистической войны.

ДЕБОРИН Г. А., профессор. Международные отношения в период складывающегося монополистического капитализма. 1871—1893. М. Военно-политическая академия имени Ленина Красной Армии имени В. И. Ленина. 1940. 88 стр. Тираж и цена не указаны.

Отношения держав капиталистического мира к концу 60-х годов XIX века; франко-прусская война 1870—1871 гг. и ее ближайшие последствия; русско-турецкая война 1877—1878 годов и ее роль в развитии международных отношений; колониальные захваты 70—90-х годов XIX века; новое обострение международных отношений в 90-м годам и франко-русский союз — таков круг вопросов, освещенных в этой книге.

В помощь изучающим историю СССР. I. Под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР А. В. Шестакова. Киев.

Политиздат. 1941. 420 стр. с илл. 10 000 экз. В перепл. 6 руб.

Книга составлена в основном по материалам, опубликованным в 1937 и 1938 годах в журналах «Пропагандист и агитатор РККА», «Комсомольский пропагандист и агитатор» и в отдельных изданиях Киевского Особого военного округа (под редакцией А. В. Шестакова).

Книга состоит из 2 томов. Данный (I) том охватывает время от первоначально-обширного периода на территории СССР до конца XVIII века включительно; II том будет посвящен XIX и началу XX века (до революции 1905—1907 годов включительно).

В целом книга дает связный популярный обзор основных моментов истории СССР применительно к плану известного учебника для начальной школы, под редакцией А. В. Шестакова, но в несколько более расширенном объеме.

Пособие для практических занятий по истории СССР. Вып. 2-й. XVIII—XIX века. Под редакцией профессора И. И. Полосина (Московский Государственный педагогический институт имени К. Либкнехта). М. 1940. 138 стр. В перепл. 500 экз.

В книге подобрано 50 документов и материалов-первоисточников на следующие темы: I. «Комиссия 1767 года»; II. «Декабристы и их программы»; III. «Общественная мысль в России 40-х годов XIX века (Кирилло-Мефодиевское общество; кружок Петрашевского)»; IV. «Реформа 1861 года»; V. «Разложение крестьянства в России 70—80-х годов» и VI. «Андижанское восстание 1898 года».

Книга предназначена для студентов-историков II курса, но может быть использована (преподавателями) и в средней школе.

Выпуск 1-й данного издания, посвященный X—XVII векам, был издан в начале 1940 года.

На путях к победе. Революционере прошлое Ивановской области в освещении большевистской печати. 1901—1906 годы. (Составил М. Е. Бритов. Предисловие Ф. Н. Самойлова.) Москва — Иваново. Гос. изд-во Ивановской области. 1940. 168 стр. 5000 экз. В перепл. 5 руб.

В книге собраны статьи и корреспонденции о революционном движении на территории пышной Ивановской области из газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий» и «Новая жизнь» за 1901—1906 годы.

В конце сборника впервые опубликован недавно найденный № 1 «Известий Иванововознесенской организации РСДРП», вышедший в свет в сентябре 1906 года.

КОРЧИН М. Н. Революционные выступления донского казачества (1905—1919

годы). Р/Д. Ростиздат. 1941. 36 стр. 5500 экз. 80 коп.

В книге охарактеризовано прежде всего положение казачьей бедноты на Дону в конце XIX — начале XX века; II глава посвящена революционному движению среди донского казачества в период революции 1905—1907 годов, а III—в период после-революционной реакции (в частности довольно подробно рассказано о бунте 2-го донского казачьего полка в 1910 году). Последняя, IV глава книги говорит о классовом и политическом расслоении на Дону в 1917—1919 годах и об участии революционных слоев казачества в Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне.

Ладо Кецховели. 1876—1903. Сборник материалов и документов. М. Соцэкгиз. 1941. 56 стр. 100 000 экз. 40 коп.

Книга посвящена одному из соратников товарища Сталина по работе в большевистских организациях Закавказья — Ладо (Владимиру) Кецховели, убитому царской стражей в Метехском тюремном замке 17 августа 1903 года.

В книге помещены статья Л. П. Берия «Ладо Кецховели», статья Кецховели «По поводу столетнего юбилея» (присоединения Грузии к России в 1801 году), письмо Кецховели к своему брату Сапиро, две прокламации по поводу убийства Ладо Кецховели (Тифлисского и Бакинских комитетов РСДРП) и 9 архивных жандармских документов о революционной работе Кецховели.

ЧЕРЕМНЫХ П. Буржуазные учения об обществе до Маркса и Энгельса. Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) 2 сентября 1940 года (лекции в помощь изучающим марксизм-ленинизм). М. Соцэкгиз. 1941. 40 стр. 100 000 экз. 30 коп.

В популярной форме в книжке изложены учения об обществе — Джамбатиста Вико (1668—1744), Жан-Жака Руссо (1712—1778), французских философов-материалистов XVIII века, классиков немецкой философии Гегеля, Фейербаха, французских историков времен Реставрации (Тьерри, Гизо, Милье) и великих социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье.

ЕФИМОВ А. В. Гражданская война в Северной Америке. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Курс всеобщей истории. Новая история. Лекции 20—21-я). М. 1941. 44 стр. 7050 экз. На правах рукописи.

В книжке изложены прежде всего причины и ход гражданской войны 1861—1865 годов в США между рабовладельческим Югом и капиталистическим Севером (в частности отношение к этой войне Маркса и Энгельса и правительств Англии

и России). В первой части книги даны сведения по истории США от принятия конституции (1789 год) до гражданской войны, а в заключительных главах освещена история США за период 1865—1870 годов (завершение разгрома республиканцами рабовладельческого Юга).

КАЛЬМА Н. Джон Браун [Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 6-й (162)]. М. Изд-во «Молодая гвардия». 1940. 240 стр. с илл. и 5 вкл. л. илл. 50 000 экз. В перепл. 4 руб.

11 января 1860 года Маркс писал Энгельсу: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти [Джона] Брауна, с другой стороны — движение рабов в России» (Е. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Том XXII, стр. 474).

Пионеру освободительного движения американских негров Джону Брауну (1800—1859), повешенному по приговору американского правительственного суда на 60-м году жизни, и посвящена книга Н. Кальма.

ЮЗЕФОВИЧ И. С. Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки (Институт истории Академии наук СССР. Школьная историческая библиотека). М. Учпедгиз. 1941. 140 стр. с илл. 25 000 экз. В перепл. 2 р. 50 к.

Книга предназначена для детей старшего возраста. В ней дано описание национально-освободительного движения Северной Америки за независимость от Англии, англо-американской войны 1775—1782 годов и работы правительства Вашингтона — первого президента США.

СУВОРОВ А. В. Наука побеждать. [Предисловие и комментарии полковника Е. А. Болтина]. М. Воениздат. 1941. 32 стр. с портр. 50 коп.

Книга воспроизводит суворовскую инструкцию по боевой подготовке войск, состоящую из двух разделов — для командного состава и для солдат. Написанная великим полководцем в 70-х годах XVIII века и отражающая взгляды, которыми руководствовался Суворов всю свою жизнь, во всех своих походах, инструкция эта просуществовала в качестве официального документа всего лишь один год (ее запретил Павел I). «Положения, изложенные Суворовым в его «Науке побеждать», имеют огромный интерес, так как отражают самобытный характер суворовского военного искусства, вводят нас в лабораторию побед великого полководца и дают ключ к пониманию той своеобразной тактики и стратегии, которая сделала русскую армию в конце XVIII века непобедимой» (из предисловия).

Наполеон. Избранные произведения. Т. I. М. Воениздат. 1941. 352 стр. с илл. и 13 вкл. л. карт. В перепл. 11 руб.

В книге собраны воспоминания и статьи Наполеона об Итальянской кампании 1796—1797 годов (на русском языке публикуются впервые). Работам Наполеона предпослана вводная статья академика Е. В. Тарле.

Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII века. Сборник статей, посвященных 150-летию французской революции (редактор — С. Ф. Кечекьян) (Всесоюзный институт юридических наук. Ученые труды. Вып. 2-й). М. Юриздат. 1940. 216 стр. 400 экз. Бесплатно. В перепл. На правах рукописи.

В книге помещены 6 статей: 1) «Политическая идеология французской буржуазии накануне революции XVIII века»; 2) «Конституции и декларации французской буржуазной революции»; 3) «Гражданское законодательство французской буржуазной революции 1789—1794 годов» (до 9 термидора); 4) «Декларация прав человека и гражданина 1789 года и вопросы уголовного права»; 5) «Революционный трибунал французской буржуазной революции XVIII века» и 6) «Французская буржуазная революция 1789 года и законы и обычаи войны».

В конце книги приведены тексты конституций 3 сентября 1791 года и 24 июня 1793 года и тематический указатель литературы по истории французской буржуазной революции XVIII века (стр. 210—214).

ЛАВРОВСКИЙ В. М. Парламентские ограждения общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX века [Институт истории]. М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 200 стр. 6 вкл. л. табл. и отдельно сброшюрованное приложение (60 стр.) «Барты парламентского ограждения...» 2000 экз. В перепл. 21 руб.

Работа В. М. Лавровского написана по материалам Лондонского Публичного архива, почти не использованным еще английскими историками. Работа охватывает период 1793—1815 годов и освещает процесс завершения капиталистической перестройки английской деревни — ликвидацию системы общинных полей, выгонов и пустошей. Вместе с тем работа дает анализ распределения земли в Англии начала XIX века между отдельными группами владельцев.

Летописи хоринских бурят. Хроника Тугдур Тобоева и Вандана Юмсунова. Перевод Н. Н. Поппе (Институт востоковедения Академии наук СССР и Государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории БМ АССР. Труды Института востоковедения. XXXIII. Мате-

риалы для истории Бурят-Монголии, IV). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 108 стр. 1500 экз. В перепл. 7 руб.

В книге помещены 2 важнейших источника по истории Бурят-Монголии — хроника Тобоева (написана в 1863 году) и Юмсунова (написана в 1875 году). Написанные представителями господствующих классов феодального общества, хроники дают несколько тенденциозный, но достаточно богатый материал о положении бурят в XVIII—XIX веках. Хроники сопровождаются введением переводчика, содержащим их историческую оценку, и краткими комментариями к отдельным датам и событиям.

Подлинный текст обеих хроник был опубликован Институтом востоковедения в 1935 году (Труды института. Т. IX).

ДЗИДЗАРЯ Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века (Труды Абхазского научно-исследовательского института имени академика Н. Я. Марра, отдел истории и этнографии. Вып. 19-й). Сухуми. Изд. Института и Абгиза. 1940. 32 стр. с илл. 1100 экз. 1 р. 50 к.

В книге описана по первоисточникам дипломатическая и вооруженная борьба между Россией и Турцией в начале XIX века за господство над Абхазией и Кавказским побережьем Черного моря, находившимися более 2½ веков в руках турок.

ВАКСЕЛЬ С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Перевод с рукописей на немецком языке Ю. И. Бронштейна. Под редакцией и с предисловием А. И. Андреева (Государственная ордена Трудового красного знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Л. и М. Изд-во Главсевморпути. 1940. 176 стр. с илл. и карт. и 11 вкл. л. илл. и карт. 10.000 экз. В перепл. 10 руб.

Автор книги — один из участников знаменитой Второй Камчатской экспедиции Беринга (1733—1746 годы), внесшей огромный вклад в изучение морей и побережий северо-востока Сибири. Рукопись книги была написана примерно в 1760 году, но стала известной только в 1891 году, затем была затеряна и найдена лишь в 1938 году.

Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья. Книга 1-я (с древнейших времен до XVII столетия). Составили М. И. Кравцов, Б. В. Лукин, М. А. Миллер и Я. Г. Селецкий. Р/Д. Ростиздат. 1941. 288 стр. 8000 экз. В перепл. 7 р. 50 к.

Первый выпуск трехтомной работы. В книге приведены выдержки, освещающие историческое прошлое Подонья и Приазовья, из античных, византийских, еврейских и еврейско-казарских авторов, из древнерусских летописей и пр. Большое место отведено материалам по истории монголо-татарского Азака и италийской колонии

Тава, стоявших в XIII—XIV веках на месте нынешнего Азова. В конце книги приведены первоисточники по истории донского казачества: несколько документов о так называемом «Азовском Сиденьи» (1637—1641 годы) и крестьянской войне под руководством Степана Разина (1670—1671 годы).

В приложениях даны хронология Ростовской области (с доисторических времен по 1672 год), указатель рекомендуемой литературы по истории области (стр. 259—266) и указатели географических названий и личных имен, встречающихся в книге.

Документы по социальной истории Грузии. I. Крепостнические отношения (XV—XVIII века) (Институт языка, истории и материальной культуры имени академика Н. Я. Марра). Тбилиси. Изд. Грузинского филиала Академии наук СССР. 1940. VIII + 648 стр. 1000 экз. В перепл. 25 руб.

Книга издана на грузинском языке.

АЧАРЯН Р. История армянского народа. Ч. 1-я. Ереван. Изд. Ереванского государственного университета. 1940. 358 стр. 2000 экз. В перепл. 20 руб.

Книга выпущена на армянском языке.

Ибн-и Батута. Перевод и комментарии Р. Ачаряна («Известия иностранцев об армянах» № 2. Арабские источники). Ереван. Изд. Ереванского государственного университета. 1940. 50 стр. 1000 экз. В перепл. 4 руб.

Сборник отрывков об армянах из сочинений арабского писателя Ибн-и Батуты на арабском языке с параллельным армянским текстом.

БЕЛЯЕВ Е. А. Иран в средние века. Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году (Курс всеобщей истории. Средние века. Лекция 5-я). М. 1941. 24 стр. 7050 экз. На правах рукописи.

В книге дан беглый обзор важнейших событий из истории Ирана за III—XVIII века.

КОНДАУРОВ А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев (Труды Института этнографии. Т. III. Вып. 1-й. Серия этнографическая). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 80 стр. с илл. и план. 1000 экз. 3 р. 50 к.

В книге прослежено развитие жилищной архитектуры, как памятника общинного быта, у ягнобцев — одной из древнейших иранских народностей Средней Азии, населяющей замкнутую горами долину реки Ягноб в Северном Таджикистане. Материал книги основан на специальных экспедициях 1934 и 1936 годов.

ЛУРЬЕ С. Я., проф. История Греции. Ч. 1-я (с древнейших времен до образования Афинского морского союза). Л. Изд. Ленинградского государственного университета. 1940. 212 стр. 1500 экз. В перепл. 15 руб.

Первая часть двухтомного труда имеет следующие основные разделы: I. «Введение (страна и население)»; II. «Микенское и гомеровское общество»; III. «Архаическая эпоха»; IV. «Революция VI века в Афинах»; V. «Примитивно-рабовладельческие общества»; VI. «Греко-персидские войны».

Научный аппарат и указатели ко всей работе будут даны в конце II тома.

ПЛУТАРХ. Избранные биографии. Перевод с греческого, под редакцией и с предисловием профессора С. Я. Лурье (ЛГУ. Исторический факультет). М. и Л. Соцэкиз. 1941. 492 стр. 20 000 экз. В перепл. 15 руб.

В книге представлены две группы биографий Плутарха (46—120 годы нашей эры), охватывающие две интереснейшие эпохи античной истории — Грецию эпохи расцвета (V век до нашей эры — 8 биографий) и гражданскую войну II—I веков до нашей эры в Риме (7 биографий).

Книга предназначена прежде всего для практических занятий в университетах и педагогических институтах, поэтому в обширных комментариях (стр. 355—490) в ней дан весь важнейший параллельный материал источников, необходимый для семинарских работ, включая открытия и находки последних лет.

Археологические памятники Урала и Прикамья (Сборник статей). Под редакцией П. Н. Третьякова (Институт материальной культуры имени Н. Я. Марра. Материалы и исследования по археологии СССР № 1). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 168 стр. с илл. и план. и 6 вкл. л. илл. 800 экз. В перепл. 21 руб.

В книге помещено 10 статей, 2 из них носят общий характер: «К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья» (Н. А. Прокошев) и «Византийский антик и Прикамье» (Л. А. Мадзуевич). Остальные статьи посвящены отдельным археологическим памятникам (городищам, курганам и прочее), на территории нынешних Татарской АССР, Молотовской, Кировской, Челябинской и Чкаловской областей.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. VII. М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 106 стр. с илл. и карт. и 2 вкл. л. илл. 800 экз. 8 руб.

В книге напечатаны 10 докладов и 6 статей и заметок: «Основные проблемы»

истории культуры древней Руси X—XIII вв.», «Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР», «Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера», «Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок», об изучении скелета и физического облика Ярослава Мудрого (4 статьи) и др.

Сборник статей по археологии СССР. Под редакцией Д. Н. Эдингга. [Труды Государственного Исторического музея. Вып. 11-й]. М. 1940. 184 стр. с илл. и план. и 10 вкл. л. илл. и карт. 1050 экз. 20 руб.

Сборник даст 7 статей: «Каякентский могильник — памятник древней (кавказской) Албании» (Археологический памятник Дагестана VI—V веков до нашей эры). «Чаа-гас у села Копёны» (Археологические раскопки курганов в Баградском районе, Хакасской автономной области. Памятники культуры енисейских кыргызов VI—VIII веков). «Очерки по истории древних булгар» (с приложением обзора литературы «К историографии волжских булгар»). «Очерк древней истории Моравы» (V—XIV века). «Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода» и др.

Исторические записки (Институт истории Академии наук СССР). Т. IX. М. и Л. 1940.

В данном томе трудов Института истории помещено 8 работ: «Крестьянские союзы на Черняговщине в 1905—1906 гг.» (И. Г. Дроздов), «Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI веков» (Л. В. Черепнин), «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» (статья С. Я. Борового, с приложением библиографического обзора еврейских источников истории антипольской войны на Украине в XVII веке), «Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX века» (по документам архива князя Н. В. Юсупова. 1798—1831 годы. Статья К. В. Сивкова), «Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX века» (В. И. Писарев), «Эмиграция крымских татар (в Турцию) в 1860 году» (Б. М. Вольфсон), «Из истории завоевания Средней Азии» (А. Л. Попов), «Венгерская революция 1848—1849 годов и царская интервенция» (Б. Л. Ландор).

Ученые записки Исторического факультета Московского областного педагогического института. Т. II. М. 1940. 284 стр. 450 экз. 8 руб.

В книге напечатано 7 работ: «Народные восстания во Франции 20—40-х годов XVII века» (Б. Ф. Поршнев), «Рабы и голлапые (семдет) египетских храмов в XII веке

до нашей эры по статистическим данным большого папируса Гаррис» (Д. Г. Редер), «К истории ранних форм группового брака» (А. М. Золотарев), «Экспорт и сельскохозяйственный импорт Северного Причерноморья (V—I века до нашей эры)» (Ю. С. Крушкоч), «Принципы, аристократия и сенат в древнем Риме времени Перона» (С. Фрязинов), «Положение крестьян в Нормандии в XIII веке (по «Песне о вересонских вилланах)» (В. Куликова), «Черты родового строя древних карело-финнов по «Калевале» (Г. Лукия).

Ученые записки Харьковского государственного университета имени А. М. Горького. № 19. Харьков. 1940.

В числе других статей «Ученых записок» помещены 3 исторические работы: «Торговый путь к Ольвии. Западное побережье Черного моря» (VIII—VI века до нашей эры. Статья С. А. Ссменов-Зусера), «Итальянская политика Карла Великого» (К. М. Пакуль), «Баррикады в Вильнев-Сен-Жорже (1908 год) и предательство руководства Всобщей конфедерации труда во Франции» (К. М. Вич).

Труды Таджикской базы Академии наук СССР. Т. IX. История — язык — литература. М. и Л. 1940.

В книге имеются 3 исторические статьи: «Ишан—феодал Восточной Бухары» (середина XIX века. Статья Н. А. Кислякова), «К вопросу о замке на горе Муг» (к истории древней Согдианы. Статья С. Волгина), «К истории Каратегина. Предварительный отчет о поездке в Каратегин» (статья Н. А. Кислякова).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РОМАНЫ

АРКОНАДА С.-М. Река Тахо (Роман). Перевод с испанского И. Лейтнер. М. Гослитиздат. 1941. 436 стр. 10.000 экз. В перепл. 6 руб.

Роман посвящен революционной войне испанского народа против вооруженных сил Франко и иностранной интервенции. (1936—1938 годы).

ГОЛУБОВ С. Н. Солдатская слава. Предисловие С. К. Бушуева. Примечания А. Л. Вейнтрауб (Исторические романы. I). М. Гослитиздат. 1941. 368 стр. с илл. 50 000 экз. В перепл. 6 р. 50 к.

«Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений, — писал Маркс в 1847 году: — «Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными». («Коммунистический манифест», стр. 302, приложения. 2-е изд. М. Гиз. 1923).

Роман Голубова посвящен почти полувековой борьбе черкесского народа с царизмом и быту русской армии первой половины XIX века.

ЗЛОБИН С. П. Салават Юлаев. Вступительная статья Л. В. Черепнина. Примечания автора (Исторические романы. 21—22). М. Гослитиздат. 1941. 376 стр. с илл. и 1 карта. 50 000 экз. В перепл. 5 р. 50 к.

Роман о вожде восставших башкир в крестьянскую войну 1773—1775 годов, ближайшем соратнике Пугачева.

Книга является 8-м изданием романа (1-е издание вышло в 1929 году).

ЛЕБЕДЕВ В. В. Командарм. Повесть. Л.

«Советский писатель». 1940. 200 стр. с илл. 10 000 экз. В перепл. 6 р. 50 к.

Повесть изображает М. В. Фрунзе в 1919—1920 годах во время пребывания его на посту командующего войсками южной группы восточного фронта.

МСТИСЛАВСКИЙ С. Д. Грач — птица весенняя. Повесть о Н. Э. Баумане. [Для старшего возраста] [Школьная библиотека]. М. и Л. Детиздат. 1941. 360 стр. с илл. и 1 портр. 50 000 экз. В перепл. 5 р. 25 к.

Книга посвящена одному из руководителей московских большевиков в период под-

готовки и похода первой русской революции Н. Э. Бауману (1873—1905 годы). Является переизданием (1-е издание имело место в 1937 году).

СЛОНИМСКИЙ А. Л. Черниговцы. Повесть о восстании Черниговского полка в 1826 году (Школьная библиотека. Для неполной средней и средней школы). М. и Л. Детиздат. 1941. 248 стр. с илл. 50 000 экз. В перепл. 3 р. 75 к.

Шестое издание (1-е издание было выпущено в 1928 году). Автор изображает восстание Черниговского полка на Украине под руководством декабриста Сергея Муравьева-Апостола.

ШИМАНСКИЙ М. Максим Кривonos. Киев. Изд-во «Молодой большевик». 1941. 132 стр. с илл. 10 000 экз. В перепл. 4 руб.

Повесть из жизни сподвижников Богдана Хмельницкого в национально-освободительной войне украинского народа против господства польских панов. Издана на украинском языке.

Х Р О Н И К А

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА в 1939—1940 ГОДАХ

Истфак МОПИ имеет в своем составе 3 кафедры и комиссию по методике истории. Кафедры укомплектованы преподавателями, ведущими значительную научно-исследовательскую работу.

Заведующий кафедрой истории народов СССР А. И. Козаченко работает над диссертационной темой «Великая Северная война», кроме того он подготовил для второго выпуска «Ученых записок» факультета статьи «К истории попыток самозванства накануне восстания Пугачева» и «Циркуляр Валуева 1863 г. о запрещении школ и изданий на национальных языках». А. И. Козаченко ведет литературную работу и вне института. Он выпустил в свет в 1940 году книгу «Разгром польской интервенции», напечатал статью «Иван Франко и работы К. Маркса» в сборнике Академии наук СССР, посвященном Западной Украине. Три статьи А. И. Козаченко: «Невская битва», «Ледовое побоище» и «Минин и Пожарский» — вошли в сборник «Военное прошлое рус-

ского народа», выпускаемый в свет Воениздатом.

Доктор исторических наук профессор А. И. Гуковский работает над темами, связанными с историей гражданской войны в национальных республиках и областях. Особое внимание уделяет он гражданской войне в Закавказье. Материал для этой темы им собран в Баку, Тбилиси и Ереване. На юбилейном заседании Армянского филиала Академии наук СССР проф. Гуковский прочитал доклад «Международная обстановка в Закавказье накануне установления советской власти в Армении»; на расширенном заседании кафедры истории народов СССР МОПИ он прочитал доклад на тему «Конец гражданской войны в Закавказье». Кроме того проф. Гуковский напечатал в журнале «Историк-марксист» (№ 9 за 1940 год) статью «Трехмесячная передышка» (1920 год), в том же журнале (№ 11 за 1940 год) — статью «Победа советской власти в Армении в 1920 году» и в журнале «Знамя» (№ 6—7 за 1940 год) — статью «Английская интервенция».

Доцент С. С. Дмитриев в 1940 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономические взгляды славянофилов», написал три главы учебного пособия для высших учебных заведений по истории

народов СССР. С. С. Дмитриев принимает участие и в других изданиях Москвы. В журнале «Историк-марксист» (№ 1 за 1941 год) он напечатал сообщение «Славянофилы и славянофильство», в «Трудах библиотеки им. В. И. Ленина» он печатает статью «Сельское благоустройство» и вопрос о крестьянской реформе 1861 г.». Написал статью «Вопрос о создании капиталистического транспорта в России и славянофилы» для «Ученых записок» истфака МОПИ. Он же является одним из составителей и редакторов «Хрестоматии по истории народов СССР в XVIII—XIX вв.», которая в апреле 1941 года вышла в свет.

Доцент С. Л. Марголин в 1940 году защитил кандидатскую диссертацию «Стрелецкое войско в XVI—XVII вв.». Прочитал на указанную тему ряд докладов на заседаниях кафедры истории народов СССР. Напечатал ряд библиографических обзоров в журнале «Что читать?» В настоящее время С. Л. Марголин работает над темой «Русский город в Уложенной Комиссии 1786 г.».

Доцент П. А. Зайончковский защитил в 1940 году кандидатскую диссертацию на тему «Кирилло-Мефодиевское общество в 1846—1847 гг.». Работает над темой «К истории военной реформы Милюткина при Александре II». Написал ряд библиографических обзоров для журнала «Что читать?»

Доцент Б. А. Рыбаков работает над докторской диссертацией «История русского ремесла X—XV вв.». В 1940 году под руководством Рыбакова была проведена археологическая экспедиция, в которой участвовали студенты истфака. В результате произведенных раскопок на месте древнерусского города Вщижа найдены исключительно ценные данные. Результаты экспедиции отмечены были на страницах «Учительской газеты» и «Московского большевика». Выставка данных о городе Вщиже привлекла внимание многих историков. Б. А. Рыбаков напечатал в «Вестнике древней истории» (№ 1 за 1939 год) статью «Анты и Киевская Русь». Подготовил к печати статью «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси». Прочитал на заседании кафедры доклад «Классовая борьба в эпоху создания Русского национального государства».

При кафедре истории народов СССР имеется научный студенческий кружок, члены которого работают над историческими темами по архивным материалам.

Интенсивно работает и объединенная кафедра истории древнего мира и средних веков. Заведующий кафедрой проф. Б. Ф. Поршнев 26 декабря 1940 года успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Народные восстания XVII в. во Франции». Отдельные главы из диссертации Б. Ф. Поршнева опубликованы в разных изданиях. Например в журнале «Историк-марксист» (№ 4 за 1939 год) напечатаны «Крестьянские и плебейские движения XVII—XVIII вв. во Франции» и «Чем было третье сословие во Франции в XVII в.» (№ 2 за 1940 год). В этом же журнале будет опубликована статья «Фронда». Им

написан также ряд рецензий и статей для других советских журналов. Закончив диссертацию, Б. Ф. Поршнев приступил к работе над очерком по экономической истории Европы.

В 1940 году кафедра выпустила в свет сборник трудов своих членов. В этот сборник вошли статьи Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции 20—40-х гг. XVII в.», Д. Г. Редера «Рабы и подданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным Большого папируса Гаррис», А. М. Золотарева «К истории ранних форм группового брака», Ю. С. Крушкол «Экспорт и сельскохозяйственный импорт Северного Причерноморья (V—I вв. до н. э.)» и С. В. Фрязинова «Принципы, аристократия и сенат в древнем Риме времен Нерона». В сборник вошли и студенческие работы. Студентка IV курса истфака тов. В. Куликова напечатала статью «Положение крестьян в Нормандии в XIII в. по Поэме о версонских вилланах» (работа эта выполнена под руководством Б. Ф. Поршнева). Тов. Г. Луняка напечатал статью «Черты родового строя древних карело-финнов по «Калевале» (работа выполнена под руководством А. М. Золотарева).

Доцент кафедры С. В. Фрязинов работает над темой «Очерки по историографии буржуазной революции во Франции конца XVIII века». Он написал ряд статей и рецензий для журналов. Доцент Д. Г. Редер работает над темой «Социальный состав населения Вавилонии в эпоху I Вавилонской (Аморайской) династии». Доцент Ю. С. Крушкол работает над докторской диссертацией «Понт и Боспор». И. Ф. Иващин работает над темой «Т. Н. Грановский, как историк средних веков», подготовил к печати очерк «Фридрих II», напечатал в «Историческом журнале» (№ 2 за 1940 год) статью «Крестовые походы» и ряд рецензий и подготовил к печати главу из указанной выше работы — «Грановский, как историк-рецензент». Статья предназначается для «Ученых записок» истфака МОПИ. В журнале «Антирелигиозник» (№ 2 за 1940 год) поместил статью «Антирелигиозные вопросы в «Хронологических выписках» Маркса».

Значительно улучшился состав кафедры новой истории. Заведующий кафедрой С. В. Захаров работает над докторской диссертацией «Британская империя во время первой империалистической войны». Прочитал доклад (в ноябре 1940 года) на расширенном заседании кафедры «Энгельс о некоторых вопросах истории Англии». Одноименную статью поместил в журнале «Историк-марксист» (№ 10 за 1940 год). В том же журнале (№ 4—5 за 1940 год) напечатал критическую статью о работе Р. Брифо «Упадок и развал Британской империи» и статью «Англия во время первой империалистической войны» (№ 11—12 за 1939 год). Для «Ученых записок» МОПИ написал статью «Индия во время первой империалистической войны».

А. В. Манфред работает над темой «Циммервальдское движение в годы первой империалистической войны». Подготовил к

печати статьи «Рабочее движение во Франции в 70-е гг. XIX в.» и «Из истории борьбы Ленина с разоруженцами». Принял участие в составлении библиографического указателя по истории Парижской коммуны. С. И. Лившиц в феврале 1941 года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Испания в 1918—23 гг.». Исполняющий обязанности доцента Нарочницкий заканчивает работу «Внешняя политика якобинской диктатуры», издал указатель литературы по новой истории для учителей средних школ и напечатал ряд рецензий в журналах; им написана одна глава «История дипломатии».

Кафедра подготовила сборник своих трудов.

И. Ивашин

ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ НА ТЕМУ «НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ФРАНЦИИ В XVII ВЕКЕ»

На Ученом совете Московского института истории философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского 26 декабря 1940 года состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тема диссертации — «Народные восстания во Франции в XVII веке».

Диссертант тов. Б. Ф. Поршнев в своем вступительном слове кратко изложил основные тезисы диссертации, указав, какими источниками он пользовался в своей работе.

Социально-экономическая история Франции XVII века не находила до сих пор должного освещения в мировой исторической литературе. Французские буржуазные историки, подчеркивая успехи абсолютизма в XVII веке, замалчивают многочисленные народные восстания. Последним не посвящено ни одного обобщающего труда, тогда как именно обострение классовой борьбы на последнем этапе развития французского феодализма вызвало к жизни абсолютистскую форму государства. Абсолютная монархия, как централизованный орган классового господства дворян, защищая от революционного движения основы феодального строя, своей экономической политикой косвенно способствовала развитию капитализма.

Немалую роль в классовой борьбе XVII века во Франции играла и буржуазия, которая тогда еще не решалась последовательно поддерживать народные восстания и, опираясь на них, совершить буржуазную революцию. Ее позиция была крайне противоречива: с одной стороны, развитие капиталистических отношений толкало ее на борьбу с феодально-абсолютистским строем, с другой стороны, она видела в нем опору для борьбы с народными массами; поэтому она боялась разрыва с абсолютизмом и шла на сближение с ним.

Абсолютная монархия, в свою очередь, в XVII веке, нуждаясь в кадрах бюрократии, выходящих из рядов буржуазии, видела в союзе с последней «неизбежное зло». Этим сближением и покровитель-

ством абсолютная монархия отвлекала буржуазию от ее объединения с народными революционными силами, которые могли бы в союзе с буржуазией составить реальную угрозу всему существовавшему порядку. Подавление и предотвращение народных восстаний было важнейшей функцией французского абсолютизма в XVII веке.

Опубликованные источники по истории народных восстаний во Франции XVII века довольно обильны и разнообразны.

Исходя из всех сведений о народных восстаниях, диссертант делит их на два больших цикла: первый охватывает 20—40-е годы, второй — 50—60-е годы. Соответственно этому диссертация делится на две части.

В период с 1623 по 1648 год во Франции происходило множество крестьянских и плебейских восстаний. Из крупных и значительных по размаху движений автор называет восстания «крокашов» 1636—1637 и 1643—1644 годов, охватившие несколько провинций и направленные в основном против налогового гнета.

Типичным образцом восстаний первого цикла, то есть 20—40-х годов, автор считает восстание «босоногих» в Нормандии в 1639 году. Источниками для изучения этого восстания явились дневники карательной экспедиции канцлера Сегье, мемуары и документы из «Дела о восстании».

Наиболее активные элементы этого крестьянско-плебейского восстания, охватившего почти всю Нормандию, организовали регулярную армию — «армию страдания» — во главе с полуполюгендарным Жаном Босоногим. Одновременно в городе Ренне — столице Нормандии — вспыхнуло крупное плебейское восстание. Официальные власти в течение трех—четырех месяцев не могли справиться с восстанием «босоногих».

Для более углубленного понимания социальной природы этого восстания автор обращается к изучению конкретной картины налогового гнета в Нормандии в 30-х годах XVII века и его влияния на экономическое положение различных классов населения. Это изучение показало, что Нормандия была экономически развитой и плодородной областью, но в 30-х годах XVII века переживала затяжной кризис. Крестьянство изнемогало под тяжестью поборов со стороны дворянства и духовенства. Наиболее тяжелыми налогами были талья и габель, разнообразны были налоги и на промышленность и торговлю. Налоги во Франции XVII века были централизованной формой феодальной ренты. Они мешали развитию капитализма, и поэтому народная борьба против них была исторически прогрессивна — таков вывод автора.

Особое внимание диссертант уделяет Фронде (1648—1658) — движению, происходившему на грани двух циклов народных восстаний, с которыми, как справедливо указывает диссертант, история Фронды должна рассматриваться в неразрывной связи.

Начавшаяся с попытки чиновной буржуазии, обиденной правительством Маза-

рини, возглавить и развить народные революционные силы для буржуазного переустройства Франции, Фронда на первом этапе охарактеризована Б. Ф. Поршневым как движение, протекавшее под революционно-демократическими лозунгами и богатое революционными выступлениями масс. Однако в дальнейшем буржуазия, испугавшаяся подъема революционной борьбы народа, капитулировала и пошла на сближение с абсолютизмом. Дезорганизованное народное движение стало игрушкой в руках вельможных фрондеров, стремившихся отчасти удовлетворить свои личные интересы, отчасти же нападавших на королевскую власть за проявленную ею слабость перед лицом нарастающей революционной угрозы. Аристократы-фрондеры приняли в дальнейшем деятельное участие в жестокой расправе с массами французского крестьянства.

Характеризуя второй цикл народных восстаний, автор рисует нарастание революционного подъема в 70-х годах. В то же время абсолютистское правительство принимает все меры к предупреждению восстаний.

Письма Кольбера полны указаний местным властям о средствах предотвращения восстаний. Военные реформы Лувуа дали возможность правительству вести одновременно войну внешнюю и внутреннюю. В этом автор видит важнейшую причину прекращения крупных восстаний с 80-х годов XVII века.

Восстание в Бретани в 1675 году автор считает кульминационной точкой народных восстаний 50—70-х годов. Это восстание распадается на два этапа. Первый этап характеризуется довольно решительным выступлением буржуазии (разорением налогового гнетом вследствие сокращения внутреннего рынка) на стороне восставших.

На втором этапе бретанского восстания преобладающую роль играло крестьянство Нижней Бретани. Талантливым предводителем восставших крестьян был бедный нотариус Ле-Бальш, старавшийся придать движению организованность.

Восстание было разгромлено, Ле-Бальш убит, но Бретань в течение многих лет оставалась беспокойной.

Народные восстания XVII века имеют большое историческое значение. Они были первым этапом той народной революционной борьбы, которая не прекращалась в течение всего XVIII века и дала возможность крестьянству и плебейским массам Франции прийти к революции 1789—1794 годов с большим опытом почти двухвековой борьбы с абсолютизмом.

Народные восстания XVII века породили определенное — прямое и косвенное — идеологическое наследие. Из практики народных восстаний и возникли идеи о возможности полной победы народа над властью имущими, о вреде религии для народа, о построении общественного порядка, основанного на экономическом равенстве и общности имущества. Идеология Жана Мелье — гениальный идейный итог народных восстаний XVII века, таков вы-

вод автора. С другой стороны, народные восстания косвенно породили абсолютистскую доктрину, родившуюся из практики борьбы с народным движением. Представители ее — Людовик XIV, Боссуэ и др.

* * *

Официальные оппоненты академик Е. В. Тарле, доктор исторических наук проф. С. Д. Сказкин и доктор исторических наук проф. Н. П. Грацианский дали высокую оценку диссертации тов. Поршнева, сделав отдельные конкретные замечания.

По мнению академика Е. В. Тарле, автору удалось показать, что уже в XVII веке, хотя и при иных условиях, во Франции то там, то здесь прорывались подземные огни, языки того пламени, которое вспыхнуло с огромной силой в 1789 году.

Одной из лучших частей диссертации академик Тарле считает главу о Фронде, по его мнению за одну только эту часть, представленную в расширенном виде, автору должна была бы быть присуждена докторская степень. Положительной стороной диссертации является и то, что показана тесная связь первой и второй половины царствования Людовика XIV.

Значительно слабее, по мнению академика Е. В. Тарле, у Б. Ф. Поршнева получилась историографическая часть, которая нуждается в серьезной доработке. Преувеличением является то, что налоговый гнет Ришелье вызвал хозяйственный регресс. Академик Тарле обратил внимание диссертанта на те места работы, где последний некритически подошел к источнику, неосторожно следуя за ним. Только намечена, но не проведена до конца мысль автора о сходстве и различии французских народных движений XVII века с германской реформацией. Следовало бы дать характеристику тех слоев, на которые в XVII веке распалась буржуазия, а также характеристику плебейства.

В заключение, еще раз отметив серьезное значение работы тов. Поршнева для советской исторической науки, академик Тарле выразил желание видеть ее вскоре напечатанной.

Доктор исторических наук проф. Сказкин в качестве основного возражения диссертанту выдвигает тезис, что писать в СССР диссертацию на тему «Народные восстания во Франции в XVII веке» невозможно, ввиду того что остаются неисследованными архивные фонды. Проф. Сказкин, считая вслед за академиком Тарле лучшей частью работы то, что написано о Фронде, заявил, что диссертант углубился в целый ряд таких вопросов, которые невозможно окончательно решить на материалах, имеющихся в СССР.

Проф. Сказкин отмечает далее методологический недостаток работы, заключающийся в том, что автор мало уделял места проблеме крестьянства и его роли в буржуазной революции, хотя эта проблема достаточно изучена классиками марксизма.

Следует, по мнению проф. Сказкина, подробнее разобраться в роли разношерстного по составу плебейства, характеризуя его в каждом частном случае.

Третьим официальным оппонентом выступил доктор исторических наук проф. Н. П. Грацианский, высказавший ряд замечаний по отдельным вопросам диссертации.

Ученый совет ИФЛИ имени Чернышевского присвоил Б. Ф. Поршневу степень доктора исторических наук.

Ю. Шаронов

КОЛЛЕКЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ИСТОРИИ УКРАИНЫ

В Гомельском областном архиве находится на хранении коллекция исторических архивных материалов, относящихся к истории Украины XVII—XVIII и начала XIX веков.

Коллекция архивных материалов была доставлена в Гомельский областной архив в 1926 году из города Стародуба, где она хранилась в здании бывшей мужской гимназии (каким образом она попала туда, неизвестно).

Среди этой коллекции большое место занимает личный архив семьи Ханенко: родословная семьи Ханенко, их письма к разным должностным лицам, духовные завещания. Описание службы Василия Николая и Ивана Ханенко, жалованные грамоты, выданные им на владение землей и поместьями Петром I, Алексеем Михайловичем, Анной Ивановной, Елизаветой и Екатериной II и гетманами украинскими Даниилом Апостолом, Скоропадским, Самуиловичем, Полуботко (грамоты подлинные и копии с них). Литературные произведения и переводы Николая Ханенко. Заграничный паспорт на имя Василия Ханенко, выданный императрицей Елизаветой Петровной на имя Василия Ханенко в 1749 году на проезд последнего в Германию и Италию «для науки».

Документы на польском языке, относящиеся к XVIII веку. Стихи неизвестного автора на русском и польском языках, написанные в честь коронации Екатерины II.

Имеется много документов-подлинников, подписанных князем Андреем Мещерским, графом Кириллом Разумовским, графом Алексеем Бестужевым-Рюминым, гетманами украинскими Даниилом Апостолом, Скоропадским, Самуиловичем, Полуботко. Универсалы гетманов Кирилла Разумовского, Д. Апостола, Скоропадского, Самуиловича и друг. Письма графа Кирилла Григорьевича Разумовского к киевскому обер-коменданту от 31 мая 1761 года и к пограничному комиссару и бунчужному товарищу Василию Барновскому от 9 сентября 1751 года. Два документа Александра Даниловича Меншикова: один—от 20 июля 1709 года и другой—от 11 апреля 1709 года (подлинники). Письмо к А. Д. Меншикову от почепского коменданта Михаила Пахомова от 15 июля 1715 года. Универсал гетмана Ивана Мазепы, данный в Батурине 26 июля 1691 года (подлинник). Грамота на пожалование орденом Владимира четвертой степени майору Черниговской губернии Новоместского повета маршалу Бороздине от 22 сентября 1803 года (подлинник подписан Александром I). Копии документов по истории Украины, относящиеся к XVII—XVIII векам, копии с указов и грамот царей, относящихся к привилегиям Украины—царя Алексея Михайловича, царицы Софьи, Петра I.

Всего в коллекции около 200 документов. Для лучшего исторического использования этой коллекции она будет вскоре направлена в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи или в один из исторических архивов Украины.

А. Горбков,

директор Гомельского облархива

И С Т О Р И Ч Е С К И Е Д А Т Ы

ВОССТАНИЕ МОСКОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛЯКОВ И УБИЙСТВО ЛЖЕДИМИТРИЯ I

(май 1606 года)

Польский ставленник Лжедмитрий I, выдававший себя за сына Ивана IV царевича Дмитрия, вступил на территорию Московского государства в октябре 1604 года во главе военного отряда, составленного из польской и литовской шляхты, украинского казачества и доксских казаков. Целью его было захватить Москву и власть в Московском государстве. Московские бояре, бывшие при Борисе Годунове—продолжатели прогрессивной деятельности Ивана Грозного—в опале, надея-

лись при помощи самозванца избавиться от ненавистного царя и вернуть свои утраченные позиции.

После того как 13 апреля 1605 года Борис Годунов скоропостижно скончался и на престол вступил шестнадцатилетний сын Годунова Федор, положение резко изменилось в пользу Лжедмитрия. На его сторону стали переходить царские войска. Самозванец использовал в своих целях также недовольство крестьянства феодальным гнетом, ложно обещав крестьянам облегчить их тяжкую жизнь. Бояре усилили подготовку к перевороту, имевшему целью свержение Годуновых.

Не встречая сопротивления, Лжедмитрий приближался к Москве. Перешедшие

на сторону самозванца князя Голицын и Рубец-Масальский убили Федора и его мать царицу Марию.

20 июня 1605 года Лжедмитрий I вступил в Москву. Провозгласив себя царем, он показал свое истинное лицо: принудительно возвращал бежавших крестьян (за исключением ушедших в годы голода) к их помещикам, вернул из ссылки опальных бояр, сосланных Годуновым, пересылал в Польшу награбленные деньги и ценности, дал волю шляхтичам, которые распорядились в Москве, как у себя дома, бесчинствовали, грабили народ, оскорбляли национальное чувство русских людей.

Недовольство народа нарастало с каждым днем. Это недовольство решили использовать бояре, не получившие от самозванца того, что ожидали. В столице был организован заговор, во главе которого стал князь В. И. Шуйский.

17 мая 1606 года, на рассвете, набат возвестил начало восстания против поляков. Московское население бросилось к домам, где остановились ненавидимые народу польские паны и шляхтичи. Тысячи поляков и их сторонников были истреблены; бояре-заговорщики проникли во дворец, нашли Лжедмитрия, который, пытаясь бежать, выпрыгнул из окна и сильно расшибся, и убили его.

ЛИТЕРАТУРА: А. Савич «Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII века», стр. 8—20. Соцгиз. 1939.

ПЕРВОЕ ОРГАНИЗОВАННОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ РУССКИМИ РАБОЧИМИ 1 МАЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

(17 (5) мая 1891 года)

17 (5) мая 1891 года в Петербурге состоялась первая митинг-маевка, в которой участвовали передовики-рабочие, выступавшие с политическими речами.

90-е годы в царской России были периодом бурного развития капитализма, роста и концентрации производства. Вместе с ростом промышленных предприятий значительно увеличилось количество рабочих, росло и крепло их классовое самосознание. В конце 80-х — начале 90-х годов в Петербурге пропаганду идей марксизма среди рабочих вела так называемая брусневская организация, которая сплотила вокруг себя передовиков-рабочих. Эта организация подготовила первые политические демонстрации петербургских рабочих и первую митинг-маевку в тот период, когда «социал-демократия... существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением» («История ВКП(б)», стр. 17).

17 (5) мая 1891 года (чтобы обмануть бдительность полиции и жандармов, рабочие часто проводили митинг-маевки и первомайские демонстрации несколько раньше или позже первомайской даты) на взморье, у реки Екатерингофки, за Путиловским заводом, по инициативе и под руководством

социал-демократов, в частности М. И. Бруснева, было проведено конспиративное собрание, на котором присутствовало около 80 рабочих. Второе собрание происходило на конспиративной квартире, на нем участвовало 60—70 человек. Выступавшие на митинге рабочие Н. Богданов, Ф. Афанасьев и Вл. Прошин говорили о рабочем движении на Западе, о боевых задачах русского рабочего класса и его революционном будущем. Речи ораторов были проникнуты глубоким чувством пролетарского интернационализма.

Особенно смело и убедительно звучала речь, произнесенная рабочим резиновой мануфактуры Вл. Прошиным. Указав на то, чего добился пролетариат на Западе, он сказал:

«У нас, как вы сами знаете, всякие заявления о правах народа считаются бунтом! Только и есть одни окрики, штыки, пушки, розги, Сибирь, тюрьмы, каторга да казацкие нагайки! ...Мы холопы, рабы!.. Каждый шаг, каждый поступок грозит нам тюрьмой или высылкой, но что делать, товарищи! Надо же нам подумать о своем теперешнем положении, в которое мы поставлены прозябать нашими эксплуататорами и правителями... Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад, до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу! Будем учиться объединяться сами и, товарищи, будемте организовываться в сильную партию!»

Распльвчатость выдвигавшихся ораторами лозунгов, отсутствие четкой классовой постановки ряда вопросов не снижали, однако, большого политического значения этих речей, свидетельствовавших о пробуждении в рабочем классе сознания необходимости организованных выступлений и международного единения пролетариата. Эти речи были напечатаны на гектографе и распространялись среди рабочих, а позже они были изданы в Женеве группой «Освобождение труда» отдельной нелегальной брошюрой с предисловием Г. В. Плеханова.

Ленин дал характеристику первым выступлениям петербургских рабочих как особой вехе в развитии российского рабочего движения: «...1891-й год—участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской митинг-маевке Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения» (т. VII, стр. 105).

ЛИТЕРАТУРА: «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге». Т. I, стр. 159—160. 1940.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В ТИФЛИСЕ

(1901 год)

В 1901 году рабочие Тифлиса впервые вышли на уличную первомайскую демонстрацию. Этой демонстрации предшествовала огромная организационная и агитационная работа руководящей группы тиф-

лисской социал-демократии, во главе которой стояли товарищ Сталин и Виктор Курнатовский.

В ночь на 22 марта 1901 года Курнатовский был арестован, а на месте работы товарища Сталина, в физической обсерватории, жандармы произвели обыск. Товарища Сталина не было в это время в обсерватории; после обыска он перешел на нелегальное положение, продолжая упорно готовить тифлисский пролетариат к первомайской демонстрации.

По инициативе товарища Сталина были выпущены исключительные по своей агитационной силе революционные прокламации. Одна из них призывала: «Объединимся..., друзья, с российскими товарищами! Поддадим друг другу руки, грузины, русские, армяне, соберемся вместе, подыдем Красное знамя и отпразднуем единственный наш праздник — Первое Мая!»

Демонстрация тифлисских рабочих, в которой участвовало больше двух тысяч человек, состоялась 22 апреля (старого стиля), 1901 года в центре города. Демонстрацией лично руководил товарищ Сталин.

Полиция и казаки напали на демонстрантов, ранили 14 рабочих и арестовали 50.

Ленинская «Искра» отметила огромное политическое значение этой демонстрации, состоявшейся в Тифлисе — «Кавказской цитадели русского самодержавия» (Л. Берия): «Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является исторически знаменательным для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение».

ЛИТЕРАТУРА: Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 18—24. Партиздат ЦК ВКП(б). 1938.

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА

(7 мая 1901 года)

Знаменитая Обуховская оборона 7 мая 1901 года была первым в России вооруженным столкновением рабочих с царскими войсками.

Наступивший вслед за бурным процветанием промышленности кризис 1900—1903 годов вызвал новое резкое наступление капиталистов на уровень жизни рабочих, и без того очень низкий. На Обуховском орудийном заводе рабочие находились в особенно тяжелых условиях. Вместо установленных 10½ часов в день они работали 15—20 часов. В течение месяца они выпоняли 66 рабочих дней вместо 24 нормальных. Как говорили тогда, они имели дней больше чем у бога.

Растущая социал-демократическая пропаганда находила широкий отклик среди передовых рабочих. На Обуховском заводе усиленно работали подпольные кружки, во главе которых стояли глубоко преданные делу рабочих социал-демократы (А. Гаврилов, Н. Юников и др.).

Обуховцы принимали участие в казан-

ской и первомайской демонстрациях 1901 года, затем в демонстрации 1 мая по старому стилю. Когда администрация объявила, что будут уволены все, кто 1 мая не вышел на работу, рабочие решили бастовать.

7 мая 1901 года обуховцы, собравшись во дворе завода, вызвали начальника для предъявления требований, среди которых были пункты общеполитического характера (8-часовой рабочий день, празднование 1 Мая). Попытки начальника умиротворить рабочих неопределенными обещаниями ни к чему не привели. Забастовка началась. Прибывшие по вызову начальника отряд матросов и полиция приступили к усмирению толпы, но рабочие не расходились и перешли от обороны к наступлению. Используя в качестве оружия камни, обуховцы нанесли немалый урон полиции. Девушки и подростки под выстрелами неустанно подносили камни своим отцам и братьям. Главной их вдохновительницей была работница соседней картонажной фабрики Марфа Яковлева (деятельный член подпольного социал-демократического кружка на фабрике).

Перейдя во двор расположенного около завода флигеля № 48—50, рабочие забаррикадировали ворота и оказали столь серьезное сопротивление, что полиция смогла взять «неприступный флигель» только после третьего наступления.

Добившись победы над безоружными рабочими, полиция приступила к расправе. Было арестовано все мужское население флигеля № 48—50, до 15-летних подростков включительно.

Кровавый бой на Обуховском заводе вызвал забастовку солидарности на нескольких заводах за Невской заставой. Понимая все значение этих первых баррикадных боев в России, правительство запретило газетам откликаться на эти события, но нелегальная социал-демократическая пресса осветила подлинное значение Обуховской обороны. Ленин в статье «Новое побоище» писал: «...своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу» (т. IV, стр. 114). В результате восстания рабочие добились у администрации завода ряда уступок.

Вскоре, однако, начальство завода вновь перешло в наступление. Были урезаны права рабочих-уполномоченных, и 7 июля обуховцы снова объявили забастовку. Сильные отряды жандармов и казаков в ту же ночь по заранее составленному списку арестовали 800 рабочих. Часть их без суда немедленно выслали, а часть присудили к каторге, тюрьме и арестантским ротам.

«Правительство победило, — писал Ленин. — Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение» (т. IV, стр. 117).

ЛИТЕРАТУРА: Ленин. Соч. Т. IV, стр. 114—118. «Новое побоище»; М. Розанов «Обуховцы», стр. 78—158. Лениздат. 1938. Журнал «Борьба классов» № 7—8 за 1935 год, стр. 78—87, «Обуховская оборона».

Содержание

И. БЕЛКИН — О работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»	1
С. ЧЕРНОМОРДИН — Великое колхозное движение	14
Н. РУБИНШТЕЙН — Радзвильский договор	25
С. ФЕЙГИНА — Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин	35
В. КРАМЕР и В. ЛИНЕЦКИЙ — Раздел «черного материка»	47
А. ЧИСТОЗВОНОВ — Очерки по истории Швейцарии XIII—XVI веков	56
Н. РОЗЕНТАЛЬ — Римская империя в последние десятилетия своего существования	69

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

О. ФИЛИППОВА — Историко-драматический кружок	80
Е. ХАЗАНОВА — Состояние преподавания истории в школах Москвы в первом полугодии 1940—1941 учебного года	82
В. МИХАЙЛОВА — Внеклассная работа по Конституции	86

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В. ВИРГИНСКИЙ — Роберт Оуэн	88
В. КОСАРЕВ — В нарымской ссылке с В. В. Куйбышевым и Я. М. Свердловым (Воспоминания)	102

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. ОСНОС — «Историк-марксист» №№ 7—12 за 1940 г., №№ 1—2 за 1941 г.	105
Я. ЧЕРНЯК — Славная страница советской истории	115
П. СОФИНОВ, С. КАРАМОЛЕНКО — Ценное пособие по истории гражданской войны	122
А. АНЕКШТЕЙН — А. В. Ефимов «Новая история» (1789—1870). Учебник для 8-го класса средней школы	128
В. ПОЖИДАЕВ — А. Строков и В. Богусевич «Новгород Великий» (пособие для экскурсантов и туристов)	132
Г. КРИЧЕВСКИЙ — Шведова, О. И. «Историки СССР». Указатель печатных списков их трудов	134
И. КАЦНЕЛЬСОН — Милый Езерский «Каменотес Нугри»	136
Новинки исторической литературы	138

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ

Адрес редакции: ул. «Правды», 24, комната 809, тел. Д 3-30-48;
Д 3-36-50.

Ответственный редактор — Б. М. ВОЛИН
Зам. редактора — С. И. Гопвер.
Отв. секретарь — О. С. Вейланд

А 37253 Изд. № 452. Зак. 1097. Тираж 50.000.
Подписано к печ. 24/IV—1941 г. 9½ печ. л. 70 800 экз. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.